

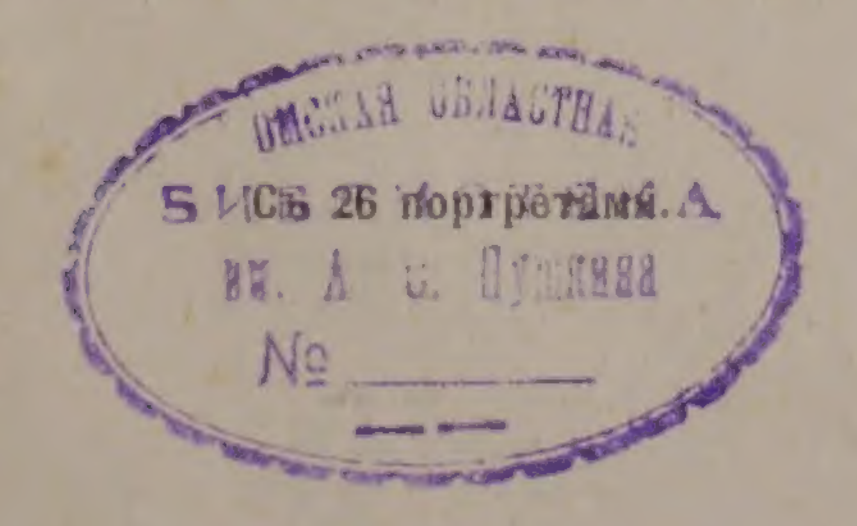

Историческая Комиссія Учебнаго Отд. О. Р. Т. З.

А. А. Титовъ.

Реформы Александра II и ихъ судьба.

(Въ общедоступномъ изложеніи).

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1910.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Настоящая книга была составлена авторомъ по порученію Исторической Комиссіи еще въ 1904 г. Въ то время она не могла появиться въ свѣтъ по цѣлому ряду независящихъ отъ Комиссіи причинъ. Теперь очеркъ г. Титова печатается лишь съ *нѣкоторыми* необходимыми добавленіями.

1 мая 1910 г.

Императоръ Николай I.
(Къ стр. 5.)

Общій очеркъ дореформенной Россіи.

Умирая, императоръ Николай I сказалъ своему сыну-наслѣднику Александру: „Сдаю тебѣ команду, но не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляю тебѣ много заботъ и трудовъ".

Каждое слово этого предсмертнаго признанія императора Николая Павловича вполнѣ точно опредѣляетъ смыслъ и содержаніе его царствованія.

Въ теченіе тридцати лѣтъ тяжелая рука императора управляла Россіей, какъ военной командой. Въ теченіе тридцати лѣтъ императоръ держалъ эту команду „во фронтъ", какъ солдатъ на парадѣ. И, какъ на парадѣ, изъ-за мундировъ, застегнутыхъ на всѣ крючки, нельзя видѣть и знать солдата, его душу и его жизнь, нельзя видѣть и знать его дѣйствительныя нужды, его отчаяніе,— такъ и тутъ, въ государствѣ, изъ-за блестящаго разными чиновничьими мундирами фронта, невозможно было видѣть народа, его настоящія неотложныя нужды, его страданія или его отчаяніе. Настоящая жизнь народа и всего государства шла позади всѣхъ шитыхъ мундировъ, никому невѣдомая и некому ненужная, изнемогая подъ гнетомъ крѣпостного права.

Теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ паденія крѣпостного права, надо уже объяснять

смыслъ этихъ ужасныхъ словъ— „крѣпостное право“, и все-таки они окажутся не всегда понятными. Но тогда смыслъ этихъ двухъ словъ— крѣпостное право— былъ очень простъ и понятенъ всѣмъ. Смыслъ этихъ словъ заключался въ томъ, что „по невѣжеству однихъ и по обману другихъ“ (какъ выразился однажды самъ Николай I) одни люди завладѣли другими, какъ вещью, отчего одни люди стали рабами другихъ людей.

Этихъ рабовъ, или, какъ ихъ называли, „крѣпостныя души“, можно было покупать, продавать, обмѣнивать на разныя вещи, проигрывать въ карты, женить или разлучать съ семьями, отнимать ихъ собственныхъ дѣтей, ссылать въ Сибирь, поодиночкѣ или цѣлыми семействами, мужчинъ сдавать въ рекруты на двадцатипятилѣтнюю солдатскую службу, насиловать, устраивать изъ крѣпостныхъ женщинъ гаремы, или засаживать ихъ съ зари до зари за вышиванія и рукодѣлія, а всѣхъ, — и дѣтей, и женщинъ, и мужчинъ, и молодыхъ, и стариковъ,—принуждать работать на господъ и за всякій пустякъ оскорблять, бить, истязать, пороть на конюшняхъ, и даже, почти всегда безнаказанно, замучивать насмерть.

Вотъ такое-то рабство однихъ людей и полная власть другихъ надъ ними и называлось *крѣпостнымъ правомъ*, на которомъ и держалась вся тогдашняя жизнь русская.

При такомъ порядкѣ, конечно, не могло быть и рѣчи объ образованіи и просвѣщеніи народа, о хорошихъ судахъ, о хорошемъ и справедливомъ управленіи жизнью народа и его хозяйствомъ. Все основывалось на *даровомъ* обязательномъ

трудѣ крѣпостныхъ, и это дѣлало всѣ отношенія противоестественными.

Такой порядокъ приводилъ къ тому, что честь, совѣсть, уваженіе къ человѣку, уваженіе къ закону, сознаніе долга передъ родиной,— все это вытравлялось у огромнаго большинства „господъ“ съ самаго дѣтства, такъ какъ постоянно вокругъ себя они видѣли безчестные поступки, насилія, жестокость, подкупы властей для безнаказанности этой жестокости, — и скоро свыкались съ такими порядками и привыкали считать ихъ не только выгодными, но и справедливыми. Конечно, между помѣщиками встрѣчались и хорошіе, образованные и добрые люди. Но такихъ было очень мало, и эти немногіе если и могли что-нибудь сдѣлать для крестьянъ, то только для тѣхъ, которыми они сами владѣли. Крѣпостныхъ же людей были десятки милліоновъ, и, конечно, хорошее отношеніе нѣсколькихъ помѣщиковъ было каплей въ морѣ для всѣхъ милліоновъ безправныхъ рабовъ.

Между тѣмъ при императорѣ Николаѣ I нечего было думать объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Правительство испуганное революціонными движеніями въ Западной Европѣ боялось какихъ-либо перемѣнъ, думая, что эти перемѣны могутъ вызвать революцію и въ Россіи. Оно ставило своей задачею возможно болѣе усилить власть и не допускать распространенія изъ Западной Европы новыхъ идей, оберегать Россію отъ этой западной „заразы“. Поэтому сурово подавлялись всякія стремленія къ свободѣ; препятствовали развитію просвѣщенія и образованія; запрещали научныя сочиненія; въ газетахъ и журналахъ запрещалось критиковать

и обсуждать дѣйствія правительства и говорить о событіяхъ въ Западной Европѣ. Доходы и расходы государства исчислялись и производились тайно; отчеты о нихъ не публиковались и т. д.

Чтобы поддерживать такой порядокъ, правительству Николая I пришлось завести цѣлую армію чиновниковъ, исписывавшихъ милліоны бумагъ. А такъ какъ всѣхъ этихъ милліоновъ бумагъ не только невозможно было внимательно разобрать, но даже хоть проглядѣть, то въ этомъ бумажномъ царствѣ тонули безъ слѣда и преступленія, и вопіющія народныя нужды, и распоряженія правительства.

Снаружи, казалось, все было въ порядкѣ и шло хорошо. Внутри же, на самомъ дѣлѣ, царило крѣпостное право, царили чиновники и полный произволъ безчисленнаго начальства.

Когда началась знаменитая крымская война, то все неустройство русской жизни проявилось во всей силѣ. Вмѣсто образцовой на парадахъ арміи оказалась армія плохо одѣтая, плохо обученная, плохо вооруженная. Денегъ на веденіе войны занять было негдѣ, такъ какъ никто изъ иностранныхъ государствъ, не зная ни доходовъ ни расходовъ Россіи, не соглашался дать ей денегъ взаймы. На гниломъ продовольствіи для несчастной арміи наживались и интендантствомъ и поставщиками безумныя деньги. Между тѣмъ огромный флотъ союзниковъ обложилъ Севастополь, и послѣ одиннадцатимѣсячной ужасной осады отъ него остались развалины, и онъ сдался непріятелю. Императоръ Николай I не перенесъ обрушившагося на него и на чиновную Россію разгрома и умеръ въ 1855 году, не доведя войны до конца.

Къ окончанію войны всѣ поняли, что система управленія Николая I и всѣ ужасы, соединенные съ ней, крѣпостнымъ правомъ, отсутствіемъ просвѣщенія, хорошихъ законовъ, судовъ и проч., не могутъ дольше продолжаться. Умѣренные образованные люди того времени, возмущенные тьмой и безправіемъ, въ которомъ политика Николая I держала Россію, видѣли въ неудачной войнѣ справедливое возмездіе за эту политику. Такъ, писатель И. С. Аксаковъ прямо говоритъ въ своихъ письмахъ, что Севастополь долженъ былъ пасть, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы". А. И. Кошелевъ заноситъ въ свои записки мысль, что „даже пораженіе Россіи сноснѣе и для нея даже и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время". Поэтъ А. С. Хомяковъ 31 января 1854 г. писалъ своему другу А. Н. Попову: „Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность (Николая I и его правительства, подразумѣваетъ Хомяковъ), скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды".

Смерть Николая I, которой никто не ожидалъ, произвела всюду огромное впечатлѣніе. За границей русскіе изгнанники поздравляли другъ друга съ новымъ царствованіемъ какъ съ наступленіемъ новой жизни для Россіи, христосовались на улицахъ, какъ въ Свѣтлый праздникъ. „Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца", заноситъ въ свой дневникъ цензоръ Никитенко о смерти Николая I. Только въ московскомъ англійскомъ клубѣ, гдѣ проводили свой

досугъ московскіе дворяне, смерть Николая I отмѣчена была, по словамъ Погодина, „холоднымъ удивленіемъ. Послѣ обѣда всѣ принялись играть въ карты“, какъ будто ничего не случилось...

Вступленіе на престолъ Александра II было встрѣчено русскимъ образованнымъ обществомъ съ самыми свѣтлыми надеждами. Заключенный вскорѣ миръ открывалъ возможность приступить къ тѣмъ внутреннимъ преобразованіямъ, неотложность которыхъ была очевидна для многихъ, близко стоявшихъ къ новому государю людей. Преобразованія эти, какъ увидимъ, не замедлили. Но, по многимъ причинамъ, великія начинанія царствованія Александра II не были доведены до конца, а въ дальнѣйшемъ противъ нихъ былъ начатъ долгій и упорный походъ всѣхъ тѣхъ, чьи интересы были задѣты реформами, и Россіи пришлось расплатиться японской войной за то, что естественный ростъ ея развитія по пути, проложенному реформами Александра II, былъ задержанъ усиліями наступившей вслѣдъ за ними реакціи.

Императоръ Александръ II.
(Къ стр. 11.)

ГЛАВА I.

Крестьянская реформа.

Первымъ дѣломъ, за которое должно было взяться правительство Александра II, рѣшившаго приступить тотчасъ по окончанiи крымской кампанiи къ „усовершенствованiю внутренняго благоустройства“ Россiи, являлась отмѣна крѣпостного права.

Невозможно было при крѣпостномъ правѣ думать о томъ, „чтобы правда и милость царствовали въ судахъ“; чтобы повсюду развивалось „съ новой силою стремленiе къ просвѣщенiю“; въ особенности же невозможно было и мечтать о томъ, чтобы „каждый, подъ сѣнiю законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ“, наслаждался „плодомъ трудовъ невинныхъ“.

Всѣ эти пожеланiя и намѣренiя, выраженныя въ манифестѣ 19 марта 1856 года, изданномъ по поводу заключенiя мира съ западными державами, принимавшими участiе въ крымской войнѣ,— всѣ эти пожеланiя разбивались о стѣну крѣпостного права, насквозь пропитанную кровью и слезами народа. А она стояла, казалось, еще крѣпко, несмотря на то, что, по словамъ историка, „русскiй народъ никогда не мирился съ крѣпостнымъ состоянiемъ. Бунтами, частыми волненiями и преступленiями протестовалъ онъ противъ лишенiя его свободы“. Стѣна крѣпостного права, за

которой былъ „міръ печалей и слезъ", раздѣляла людей русскаго государства на рабовъ и владѣльцевъ. На людей, которымъ дана была власть, почти неограниченная надъ сотнями и тысячами другихъ людей. Въ справедливости этой власти надъ крѣпостными, „подлыми", какъ говорили тогда, людьми, надъ ихъ трудомъ, надъ всѣмъ ихъ существованіемъ, большинство помѣщиковъ такъ было увѣрено, что всякаго, думавшаго иначе, называли „вольнодумцемъ", „мечтателемъ", а то и прямо — измѣнникомъ государю и отечеству".

Между тѣмъ, съ одной стороны, среди дворянъ, получавшихъ хорошее образованіе и воспитаніе, все больше и больше встрѣчалось уже людей, возмущавшихся до глубины души ужасами крѣпостного состоянія, хотѣвшихъ искренно скорѣйшей отмѣны его, т.-е. освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; встрѣчались попытки со стороны немногихъ изъ такихъ помѣщиковъ отпускать своихъ крестьянъ на волю.

Кромѣ того, постепенно крѣпостное помѣщичье хозяйство разстраивалось. Имѣнія свои и своихъ крѣпостныхъ помѣщики все чаще закладывали въ государственныя кредитныя учрежденія. Такимъ образомъ оказалось въ залогѣ до двухъ третей дворянскихъ имѣній и крѣпостныхъ душъ. Долгу къ 1859 году оказалось на дворянскихъ заложенныхъ имѣніяхъ до 450 милліоновъ рублей.

Такъ что, по словамъ историка (проф. Ключевскаго), „если бы мы предположили вѣроятность дальнѣйшаго существованія крѣпостного права еще на 2—3 поколѣнія, то и безъ законнаго акта, отмѣнившаго крѣпостную зависимость,

дворянскія имѣнія всѣ стали бы государственной собственностью.

„Такъ, — продолжаетъ историкъ, — экономическое положеніе дворянскаго хозяйства подготовило уничтоженіе крѣпостного права, еще въ большей степени подготовленное необходимостью нравственной“.

Къ этому надо еще прибавить, что не малое значеніе имѣла непроизводительность крѣпостного труда и невозможность при немъ развиваться фабричному способу производства товаровъ, такъ какъ помѣщичьи хозяйства старались почти во всемъ обходиться издѣліями дарового труда своихъ же домашнихъ крѣпостныхъ мастеровъ; и потому такъ называемый „внутренній рынокъ“ (сбытъ товаровъ внутри своего государства) для русской промышленности былъ очень ограниченъ. Съ иностранными же фабрикантами русскіе не могли тягаться, какъ по недостатку фабрикъ въ Россіи, такъ и по отсутствію въ ней необходимыхъ для фабричнаго дѣла спеціально образованныхъ инженеровъ, мастеровъ и свободныхъ рабочихъ. Слѣдовательно, и интересы промышленности и торговли Россіи, особенно при быстромъ ростѣ ихъ въ иностранныхъ государствахъ, выдвигали необходимость отмѣны крѣпостныхъ порядковъ.

Съ другой стороны, народъ не покидала надежда на близость свободы, или „воли“, какъ ее называло крестьянство.

Съ воцареніемъ Александра II эта надежда перешла въ увѣренность. Ждали съ особеннымъ нетерпѣніемъ манифеста о заключеніи мира. И хотя въ немъ ни слова не было объ освобожденіи, крестьянскія надежды все росли.

Волненія крестьянъ въ 1854 и 1855 годахъ лучше всего доказываютъ, какъ мало нужно было, чтобы народъ, истомившійся въ рабствѣ, повѣрилъ первому попавшемуся толкователю воли правительства: манифестъ о народномъ ополченіи 1855 года тотчасъ же, напримѣръ, былъ понятъ крестьянами такъ, что тѣ изъ нихъ, кто добровольно пойдетъ въ ополченіе, будутъ освобождены вмѣстѣ съ ихъ семействами. Ни разъясненія ни толкованія властей не помогали, и въ 9 губерніяхъ правительство силою оружія „усмиряло“ народныя надежды.

При такихъ-то условіяхъ, черезъ нѣсколько дней послѣ обнародованія манифеста о заключеченіи мира, государь, въ рѣчи своей къ московскому дворянству, заявилъ, что до него дошли слухи, разнесшіеся среди дворянъ, о желаніи его отмѣнить крѣпостное право. „Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ,—сказалъ государь далѣе,—я считаю нужнымъ объявить вамъ, что не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія“.

Рѣчь государя къ московскому дворянству пронеслась по всей Россіи. Всѣ понимали, что государь ждетъ отвѣта на нее отъ дворянъ-помѣщиковъ. Но помѣщики молчали.

Между тѣмъ государь образовалъ въ январѣ 1857 года „секретный комитетъ“ подъ своимъ

предсѣдательствомъ для работъ по этому вопросу. Но и въ комитетѣ члены его не выказывали особеннаго старанія, засѣданія шли вяло, хотя въ основу работъ комитета положено было довольно скромное предположеніе: „освободить крестьянъ постепенно, безъ всякихъ рѣзкихъ и крупрыхъ переворотовъ". Члены комитета были настолько неподготовлены, такъ плохо знали положеніе крестьянства, что двое изъ нихъ, Ростовцевъ и баронъ Корфъ, даже отказались было отъ участія въ работахъ комитета, откровенно и прямо объясняя отказъ незнаніемъ крестьянскаго быта, и государю пришлось приказать имъ оставаться членами комитета. Такъ шло дѣло до октября 1857 года, когда въ Петербургъ пріѣхалъ генералъ-губернаторъ Виленской, Ковенской и Гродненской губерній, Назимовъ, которому удалось добиться у дворянъ западныхъ губерній разными осторожными уговорами того, что дворяне эти подали черезъ Назимова ходатайство передъ правительствомъ „о примѣненіи къ западнымъ губерніямъ положенія о крестьянахъ, дѣйствующаго въ сосѣдней Курляндской губерніи". Это скромное ходатайство, отъ котораго далеко было до желанія заняться вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, было, однако, встрѣчено государемъ и не многими, сочувствовавшими его мыслямъ объ освобожденіи крестьянъ, сановниками съ большимъ удовольствіемъ. Послѣ трехъ засѣданій „секретнаго комитета", послѣ разныхъ споровъ голоса въ комитетѣ раздѣлились. Государь присоединился къ мнѣнію меньшинства членовъ, стоявшихъ за то, чтобы немедленно приступить „къ преобразованію крестьянскаго быта на началахъ осѣдлости". И вотъ, 20 ноября

1857 года появился знаменитый рескриптъ Александра II генералъ-губернатору Назимову, въ отвѣтъ на ходатайства западныхъ губерній. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, человѣкъ, раздѣлявшій взгляды и желанія императора, получилъ его разрѣшеніе разослать этотъ рескриптъ и свое къ нему „дополнительное отношеніе" въ копіяхъ губернаторамъ и, опасаясь, чтобы дѣло какъ-нибудь не попало снова въ долгій ящикъ, приказалъ въ одну ночь напечатать эти копіи и на другой день, 21 ноября, уже разослалъ ихъ во всѣ концы Россіи.

Рескриптъ этотъ по многимъ причинамъ заставилъ радостно забиться сердца всѣхъ, искренно желавшихъ освобожденія крестьянъ, и съ нескрываемымъ злобнымъ страхомъ заговорить помѣщиковъ-крѣпостниковъ: отъ словъ и слуховъ правительство переходило къ дѣлу. Мало того, къ этому, для большинства ненавистному и несбыточному, дѣлу правительство рѣшило привлечь работниками самихъ же помѣщиковъ: рескриптомъ на имя Назимова повелѣвалось ему „открыть теперь же въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному комитету". Эти комитеты составить изъ выборныхъ самими помѣщиками и въ одинаковомъ числѣ назначенныхъ губернаторомъ помѣщиковъ. Дѣломъ этихъ „губернскихъ комитетовъ" было составить подробный проектъ „объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ". Подъ этими словами для всѣхъ было ясно, что подразумѣвалось, чего хотѣло добиться отъ комитетовъ правительство: освобожденія крестьянъ. Рескриптъ заканчивался словами императора: „Я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправ-

Я. Ив. Ростовцевъ.
(Къ стр. 15.)

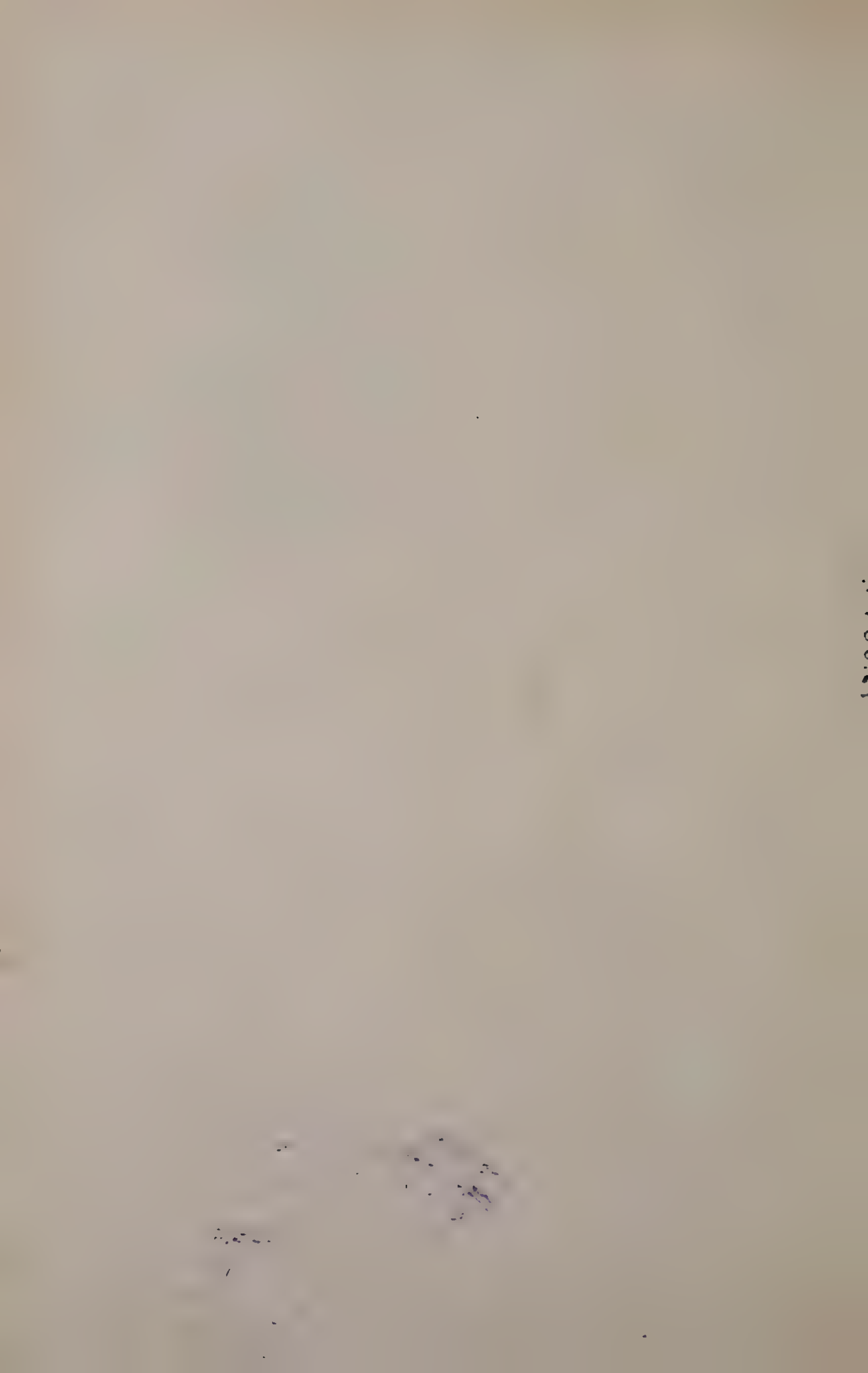

С. С. Ланской.
(Къ стр. 16.)

Н. А. Милютинъ.
(Къ стр. 25.)

Сенаторъ Я. А. Соловьевъ.
(Къ стр. 25.)

даетъ довѣріе, мною оказываемое этому сословію призваніемъ его къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ“.

Дворянство давно уже отвыкло и отъ „довѣрія“ и отъ участія въ дѣлахъ правительства. Давно уже его пріучили молча выслушивать готовыя повелѣнія и приказанія. Поэтому для всѣхъ и самая работа и участіе въ ней самихъ дворянъ-помѣщиковъ было новостью, которая немногихъ сильно обрадовала, а остальныхъ смутила и напугала. Рескриптъ былъ для большинства помѣщиковъ ударомъ грома. Они едва вѣрили, что въ отвѣтъ на осторожное ходатайство, котораго удалось генералъ-губернатору Назимову добиться у дворянства западныхъ губерній, правительство вдругъ поставило въ необходимость владѣльцевъ „душъ“ своими руками выламывать первые камни изъ стараго зданія „крѣпости“, ломать первые винты машины, кормившей даровымъ трудомъ своимъ ихъ самихъ и ихъ семейства, и притомъ начать эту ломку, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, а „теперь же“, какъ повелѣвалъ имъ рескриптъ.

Что же, однако, надо было сдѣлать первымъ губернскимъ комитетамъ?

По основному плану, высказанному въ рескриптѣ, „помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю“; крестьянамъ же „оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа“; кромѣ того, „въ ихъ же пользованіе надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ количество земли, за которую они или платятъ оброкъ или отработываютъ помѣщику“. Крестьяне дѣлятся на

„сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція“.

По словамъ историка паденія крѣпостного права, Иванюкова, этимъ планомъ рескрипта „крѣпостное право отмѣнялось лишь въ смыслѣ произвольнаго распоряженія помѣщикомъ личностью крестьянина. Вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялась крѣпость крестьянъ къ землѣ на время не свыше двадцати лѣтъ: время это названо переходнымъ“. То-есть помѣщикъ переставалъ распоряжаться душами, какъ своей лошадью или охотничьей собакой... Онъ не могъ уже ни продавать крестьянъ, ни покупать ихъ, ни пользоваться вполнѣ ихъ даровымъ трудомъ. Но крестьяне по этому первоначальному плану получали свободу не сразу, а должны были двѣнадцать лѣтъ томиться ни крѣпостными ни свободными, и къ тому же подъ полицейской властью помѣщиковъ.

По счастью, отъ этихъ плановъ правительство вскорѣ, какъ увидимъ, отказалось подъ вліяніемъ настойчивыхъ доводовъ, приводившихся въ печати и особенно въ многочисленныхъ рукописныхъ „запискахъ“, доказывавшихъ весь вредъ и для крестьянства и для государства намѣченнаго плана.

Между тѣмъ вслѣдъ за дворянствомъ трехъ западныхъ губерній ходатайство объ „улучшеніи быта крестьянъ“ (какъ рѣшено было замѣнять слово „освобожденіе“), поступило и отъ петербургскаго дворянства, „которое, какъ самое близкое къ трону, было ранѣе другихъ побуждено къ подачѣ прошенія“. На это ходатайство отвѣтомъ былъ Высочайшій рескриптъ 5 декабря 57 года с.-петербургскому военному генералъ-губернатору

Игнатьеву. Этотъ рескриптъ мало чѣмъ отличался отъ даннаго уже генералъ-губернатору Назимову; по образцу этого рескрипта правительство стало отвѣчать на „ходатайства" дворянъ всѣхъ остальныхъ губерній Европейской Россіи.

Думали, что московское дворянство подастъ примѣръ провинціальнымъ губерніямъ. Но въ Москвѣ въ это время владычествовалъ, въ качествѣ генералъ-губернатора, графъ Закревскій, одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ крѣпостниковъ. Онъ совѣтовалъ дворянамъ „не спѣшить, ждать перемѣны въ дѣлахъ", утверждая, что „имѣетъ на этотъ счетъ самыя вѣрныя свѣдѣнія изъ Петербурга". Самъ же въ это время усиливалъ караулы въ Москвѣ и держалъ наготовѣ войска.

Дворянство, не имѣя, конечно, желанія торопиться, охотно слушалось его совѣтовъ. Зато другая часть Москвы,—люди образованные, ученые, литераторы, совсѣмъ иначе отнеслись къ извѣстію о рескриптѣ, данномъ на имя Игнатьева. 28 декабря 57 г. въ Москвѣ, въ залахъ купеческаго собранія, собралось наскоро до 180 человѣкъ, принадлежавшихъ къ аристократіи ума и образованія. Одушевленіе собравшихся, по словамъ очевидцевъ, было непередаваемо. Многіе плакали отъ радости. Рѣчи велись восторженныя. Особенно выдѣлялись рѣчи профессора Кавелина, Павлова и Кокорева. Такъ, профессоръ Петербургскаго университета Кавелинъ, заговоривъ о великодушномъ призывѣ государя къ дворянству 20 ноября, сказалъ: „Этого 20 ноября чаяли многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу; его провидѣли лучшіе умы и благородн̀ѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія: въ ожиданіи его истомилось много

сердецъ, жаждавшихъ правды... Будемъ надѣяться, что дворянство окажется способнымъ обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы: у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей". Представитель купечества, В. А. Кокоревъ, сказалъ, между прочимъ, обращаясь къ купечеству съ надеждой, что оно, само недавно вышедшее изъ крестьянъ, не откажетъ составить капиталъ для пособія крестьянамъ выкупать усадьбы: „Будемъ откровенны и искренни въ такіе великіе дни отечественныхъ событій и скажемъ правду. Вѣдь всѣ наши капиталы сложились, главнымъ образомъ, отъ крестьянъ... Какой прекрасный случай возблагодарить крестьянъ за богатства, ими же сообщенныя..." За эту рѣчь, по доносу генералъ-губернатора Закревскаго, Кокореву былъ сдѣланъ выговоръ и подобныя собранія, обѣды были запрещены.

Такъ начинается борьба двухъ лагерей, двухъ партій: освободителей и крѣпостниковъ.

Прежде всего крѣпостники взялись за самаго опаснаго своего врага, за самаго вѣрнаго друга народа, — за литературу и печать: по ихъ натравливаніямъ 22 апрѣля 57 года главный комитетъ по дѣламъ печати цензурнымъ предписаніемъ запретилъ пропускать въ печать статьи, въ которыхъ говорилось о необходимости освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и т. п. И что же оказалось? Литературѣ запретили обсуждать первоначальный проектъ. И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ всего само же правительство убѣдилось, что отъ этого проекта необходимо отказаться.

Вслѣдъ за петербургскимъ откликнулось, склоненное къ этому губернаторомъ Муравьевымъ, нижегородское дворянство. За нимъ уже надумало московское. Затѣмъ начали поступать ходатайства прочихъ губерній, были избраны и назначены члены губернскихъ комитетовъ.

Программа, составленная Я. И. Ростовцевымъ для этихъ комитетовъ, скорѣе была на руку крѣпостнической партіи, чѣмъ освободительной. Это объясняется тѣмъ, что самъ Ростовцевъ въ то время еще мало вошелъ въ дѣло, плохо вникъ въ крестьянскій бытъ и былъ еще даже сторонникомъ сохраненія помѣщичьей власти надъ крестьянами. Въ программѣ былъ указанъ даже проектъ готоваго положенія „объ улучшеніи быта крестьянъ такой-то губерніи“. По этому положенію крестьяне избавлялись бы отъ власти помѣщика надъ ихъ личностью „на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ“; получали всѣ права остальныхъ податныхъ сословій; могли пріобрѣтать усадьбы *въ собственность* черезъ выкупъ ихъ у помѣщиковъ; *въ пользованіе же* получали надѣлъ земли; платили подати государству; несли повинности помѣщику денежную оброкъ и натурой поденная работа; дворовые же люди должны были получать теперь жалованіе за свой трудъ, могли переходить въ свободное состояніе по особымъ правиламъ.

Помѣщики же сохраняли за собой право на *всю* землю, на лѣса, на минеральныя богатства, на все, кромѣ выкупленныхъ крестьянами усадебъ. Кромѣ того, помѣщикъ получалъ званіе начальника крестьянскаго общества, долженъ былъ разбирать жалобы и споры крестьянъ; долженъ былъ надзирать за правильнымъ употре-

бленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ".

Конечно, такая программа не очень была опасна помѣщикамъ, у которыхъ отнималось только право покупать и продавать крестьянъ и пользоваться ихъ даровымъ трудомъ; важно было, что у помѣщиковъ не отнимались ни земли ни лѣса; къ тому же, дѣлаясь „начальникомъ крестьянскаго общества", недобросовѣстный помѣщикъ могъ сохранить надъ крестьянами, при желаніи, почти всѣ свои прежнія помѣщичьи права. Кромѣ того, помѣщикъ не обязанъ былъ уже хоть кое-какъ заботиться о крестьянахъ, хоть кое-какъ обезпечивать ихъ существованіе.

По такому плану должны были приняться за свою работу губернскіе комитеты.

Какъ же отнеслись къ первымъ вѣстямъ о рескриптахъ въ народѣ и въ провинціальномъ обществѣ?

Толки о свободѣ въ народѣ начались, какъ мы уже упоминали, сейчасъ же по вступленіи на престолъ Александра II. Слухи, разговоры повсюду быстро переходили въ упорное, напряженное ожиданіе. Къ концу 57 года, т.-е. еще за 4 года до объявленія настоящей воли, народъ уже такъ былъ увѣренъ въ близости освобожденія, что на Новый годъ биткомъ набился въ церкви, надѣясь въ этотъ день услыхать манифестъ объ освобожденіи. Губернаторы доносили, что въ „народѣ распространяется опасный слухъ, что помѣщики скрываютъ полученный будто бы уже указъ о свободѣ". Тогда министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ печатать рескрипты (объ устройствѣ губернскихъ комитетовъ) въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и

распространять ихъ въ народѣ. Послѣ этого прекратились разговоры и слухи, будто помѣщики скрываютъ указъ о свободѣ. Донесенія губернаторовъ стали спокойнѣе (одинъ изъ нихъ даже писалъ, что „помѣщичьи крестьяне тише и спокойнѣе, чѣмъ когда-либо“).

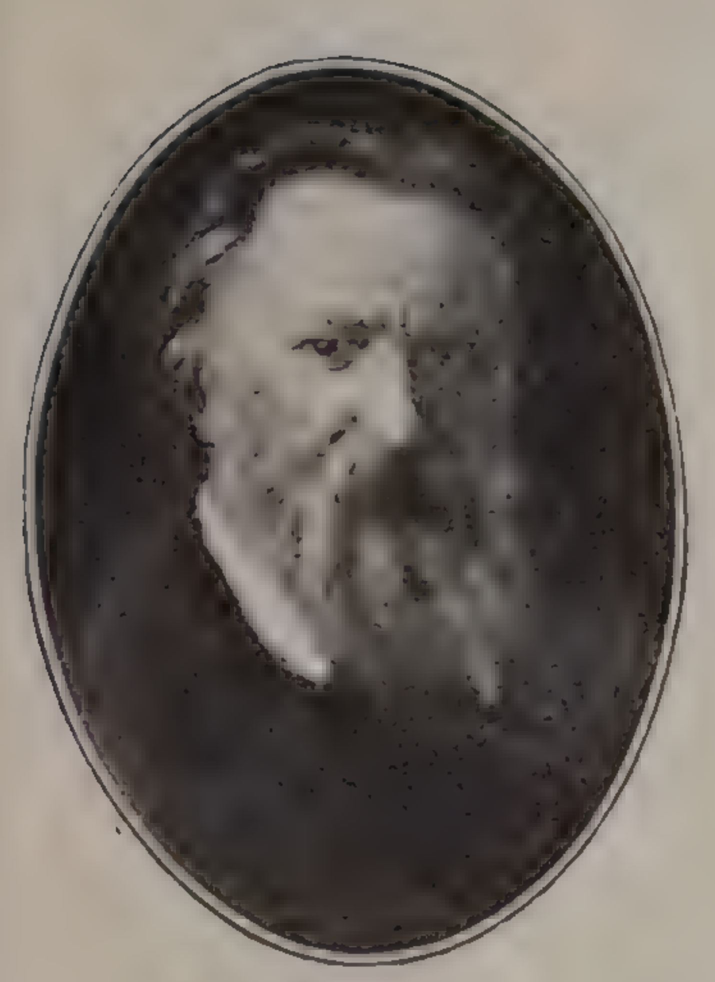
Но крѣпостникамъ-помѣщикамъ и крѣпостникамъ-чиновникамъ это затишье, наступившее среди народа, не нравилось. Они хотѣли всячески убѣдить правительство въ томъ, что „затѣя“ освобожденія — дѣло страшное, что крестьяне, только заслышавъ о началѣ занятій и работъ по освобожденію, сейчасъ же начнутъ бунтовать, жечь усадьбы, убивать помѣщиковъ и грабить ихъ имущество... Ничего этого, однако, не было на самомъ дѣлѣ. Но внѣшнее спокойствіе народа, конечно, не означало его безразличнаго отношенія: внутренняя сила напряженнаго ожиданія росла въ народѣ не по днямъ, а по часамъ, и, какъ увидимъ, нашла себѣ выходъ впослѣдствіи, по обнародованіи воли. Но почти повсемѣстное наружное спокойствіе замѣнившее собою (послѣ обнародованія рескриптовъ объ устройствѣ губернскихъ комитетовъ) участившіеся къ этому времени взрывы народной ненависти къ рабовладѣльцамъ - помѣщикамъ и всѣмъ крѣпостнымъ порядкамъ, — это неожиданно для всѣхъ установившееся наружное спокойствіе народа, во многомъ облегчало друзьямъ освобожденія борьбу съ крѣпостниками.

Съ другой стороны, глухая, сонная провинція, проводившая время въ картахъ, попойкахъ и сплетняхъ, вдругъ задвигалась, очнулась отъ дремоты, отъ бездѣлья. Одна изъ газетъ того времени такъ описываетъ перемѣну въ жизни провинціи, происшедшую подъ вліяніемъ обсу-

жденій такъ называемаго „крестьянскаго вопроса“: „и въ роскошныхъ палатахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ,- вездѣ слышались одни разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ. Люди, прежде никогда ничего не читавшіе, начали учиться, слѣдить за литературой. Въ два послѣдніе года (58 и 59) провинція росла не по днямъ, а по часамъ: взгляды ея расширились и прояснились. Въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, водкѣ, взяткахъ и сплетняхъ являются публичныя библіотеки, журналы и газеты. Вездѣ и повсюду люди развивались, выходили изъ темныхъ поръ апатіи и невѣжества“.

Открытіе губернскихъ комитетовъ стало огромнымъ событіемъ въ жизни общества, -оно всколыхнуло его отъ прежней спячки и равнодушія. „Со всѣхъ сторонъ идеи и свѣтлые взгляды вытѣсняютъ мало-по-малу старую рутину, — писалъ русскій посланникъ въ Вѣнѣ Балабинъ графу Киселеву, побывавъ въ Петербургѣ. И не только въ Петербургѣ понятія измѣняются къ лучшему, но *всюду* то же, даже въ избахъ крестьянъ, которые твердо убѣждены, что ихъ судьба скоро перемѣнится“.

Такую быструю и рѣзкую перемѣну въ жизни провинціи произвело, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что общество было призвано къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, къ обсужденію сложныхъ вопросовъ, требующихъ знаній, подготовки, умственной работы; а все это возбуждало и заинтересовывало не только членовъ

А. И. Герценъ.
(Къ стр. 26.)

Н. Г. Чернышевскій.
(Къ стр. 27.)

Н. А. Добролюбовъ.
(Къ стр. 27.)

В. К. Елена Павловна.
(Къ стр. 35.)

губернскихъ комитетовъ, но и самые широкіе круги общества, повсюду вызывая умственное оживленіе, заставляя забывать каждаго о мелкихъ житейскихъ дѣлишкахъ, которыя раньше казались самыми главными въ жизни.

Итакъ, при молчаливомъ ожиданіи народа и при быстро разраставшемся оживленіи общества въ провинціальныхъ городахъ губернскіе комитеты начали свои занятія. На ряду съ этими комитетами, съ 8 января 58 года образованъ былъ вмѣсто прежняго „секретнаго“ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу; затѣмъ, черезъ 4 мѣсяца, при немъ была учреждена особая комиссія для первоначальнаго разсмотрѣнія работъ губернскихъ комитетовъ. Изъ этой-то комиссіи образовались, спустя еще семь мѣсяцевъ, знаменитыя редакціонныя комиссіи, работы которыхъ шли при самомъ душевномъ, искреннемъ и горячемъ руководительствѣ ихъ предсѣдателя Я. И. Ростовцева; благодаря неустанной защитѣ имъ крестьянскихъ нуждъ, которыя онъ, не жалѣя ни силъ ни времени, изучалъ постоянно, работы въ редакціонныхъ комиссіяхъ не могли въ самомъ главномъ испортить хитрыя уловки крѣпостнической партіи, которая измышляла всѣ способы, чтобы такъ или иначе затянуть дѣло.

Но еще раньше открытія редакціонныхъ комиссій былъ открытъ при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ особый „земскій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета“, членами котораго назначены были Н. А. Милютинъ и Я. А. Соловьевъ. Открытіе этого отдѣла было особенно важно именно потому, что туда назначены были Соловьевъ и Милютинъ: эти два дѣятеля съ самаго начала и до конца стояли за разрѣшеніе

крестьянскаго дѣла въ томъ видѣ, какъ оно намѣчалось редакціонной комиссіей и лучшими голосами въ печати, защищавшими крестьянскіе интересы.

Въ первые годы царствованія Александра II печать получила, наконецъ, нѣкоторую свободу, что сейчасъ же отразилось на содержаніи журналовъ и развитіи журнальной литературы. Однако этой свободы было слишкомъ недостаточно для энергичной борьбы со всей массой зла, оставшагося въ наслѣдство отъ политики предыдущаго царствованія. Понадобился свободный, вполнѣ независимый органъ печати, въ которомъ бы безпощадно вскрывались всѣ язвы русской жизни и смѣло выражались бы какъ требованія необходимыхъ реформъ, такъ и то меньшее, съ чѣмъ могло бы помириться все честное и лучшее въ Россіи. Такимъ органомъ печати сдѣлался знаменитый заграничный журналъ А. И. Герцена „Колоколъ", быстро получившій широкое распространеніе и пріобрѣвшій большое вліяніе не только на общество, но и на правительство. Основу его программы вначалѣ (до 1862 г.) составили три главнѣйшихъ требованія: 1) освобожденіе слова отъ цензуры; 2) освобожденіе податныхъ сословій отъ побоевъ и тѣлесныхъ наказаній; 3) освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ.

Послѣдній пунктъ, вмѣстѣ съ обличеніемъ злоупотребленій правительства и его чиновниковъ, сталъ самой главной задачей „Колокола". Въ отдѣлѣ „Подъ судъ" Герценъ безъ-устали обличалъ произволъ, въ чемъ бы и гдѣ бы онъ ни выразился въ Россіи. Съ мнѣніями „Колокола" по крестьянскому вопросу считался самъ Александръ II, а у главнаго дѣятеля по крестьян-

скому вопросу Я. И. Ростовцева. „Колоколъ“ всегда былъ на рабочемъ столѣ для справокъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дѣятельность Герцена, требовавшаго освобожденія крестьянъ съ достаточнымъ надѣломъ земли, оказала большое вліяніе на ходъ крестьянской реформы.

Не малое значеніе, въ смыслѣ горячей и настойчивой защиты крестьянскихъ интересовъ и раскрытія безчисленныхъ уловокъ крѣпостнической партіи, имѣла дѣятельность и такихъ писателей-журналистовъ, какъ выдающагося ученаго Н. Г. Чернышевскаго и молодого геніальнаго критика — Н. А. Добролюбова, писавшихъ въ журналѣ „Современникъ“, имѣвшемъ, главнымъ образомъ, большое вліяніе на широкую публику. Вначалѣ отношеніе Чернышевскаго къ планамъ правительства было довѣрчивымъ и благожелательнымъ. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ извѣстій о тѣхъ высокихъ суммахъ, которыя назначались въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ за выкупъ крестьянскихъ усадебъ, Чернышевскій быстро разочаровался и въ намѣреніяхъ правительства и особенно въ искренности помѣщиковъ. „Какъ былъ я глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для котораго не обезпечены всѣ условія!“ восклицалъ онъ въ одной изъ статей конца 1858 г. Благотворное вліяніе Добролюбова въ особенности сказалось въ томъ страстномъ призывѣ общества къ общественной работѣ, который звучитъ въ каждой его критической статьѣ и который имѣлъ громадное воспитательное вліяніе на гражданское чувство молодого поколѣнія. Менѣе видную, но все же положительную роль играли другіе журналы этого времени, — „Русскій Вѣстникъ“, руководившійся М. Н. Катковымъ,

тогда рѣшительнымъ защитникомъ либеральныхъ требованій общества, и особенно „Русская Бесѣда". Статьи этихъ журналовъ будили общественное сознаніе и во многомъ вліяли на перемѣны во взглядахъ на крестьянскую реформу и въ правительствѣ, лучшимъ представителямъ котораго въ редакціонныхъ комиссіяхъ пришлось вести стойкую борьбу съ вожделѣніями партіи крѣпостниковъ.

Какъ меньшинству въ комитетахъ, т.-е. тѣмъ членамъ ихъ, которые боролись за освобожденіе крестьянъ *съ землей*, такъ и редакціоннымъ комиссіямъ съ земскимъ отдѣломъ, приходилось защищать свои взгляды и свою работу противъ крѣпостнической партіи и ея представителей въ комитетахъ и комиссіяхъ. Партія же эта поставила своей цѣлью съ самаго начала добиваться, по словамъ Я. А. Соловьева, „или совершеннаго оставленія дѣла, или, если ужъ этого нельзя, то безземельнаго освобожденія крестьянъ съ полученіемъ вознагражденія за личную свободу крѣпостныхъ людей".

Чтобы добиться этого, крѣпостническая партія и ея представители старались всячески запугать правительство, членовъ редакціонныхъ комиссій и губернскихъ комитетовъ волненіями среди крестьянъ, бунтами и общимъ потрясеніемъ экономическаго (денежнаго, хозяйственнаго и промышленнаго) состоянія всего государства русскаго. Кромѣ того, крѣпостническая партія изо всѣхъ силъ старалась о томъ, „чтобы оттѣснить отъ крестьянскаго дѣла всѣхъ людей, сочувствовавшихъ дѣлу освобожденія". Но всѣмъ этимъ проискамъ крѣпостниковъ, ихъ главарей и предста-

вителей скоро былъ нанесенъ сильный ударъ самимъ императоромъ. Именно, лѣтомъ государь предпринялъ путешествіе по Россіи, очень торжественно обставленное: въ первый разъ послѣ войны и объявленія рескриптовъ (объ учрежденіи комитетовъ) императоръ обращался съ рѣчами къ дворянству. Рѣчи эти показали, что воля государя непреклонна и состоитъ въ томъ, чтобы „безобидно" для дворянъ и крестьянъ дворянство „изыскало средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ". Московское дворянство, умышленно откладывавшее подачу ходатайства о разрѣшеніи начать работы по крестьянскому дѣлу, получило прямой и откровенный упрекъ государя за медлительность. Затѣмъ государь опредѣленно указалъ, что онъ понимаетъ „подъ усадебною осѣдлостью не только строенія, но и всю усадебную землю", подчеркнувъ этимъ неправильное толкованіе этого вопроса московскимъ губернскимъ комитетомъ. Въ рѣчи указано было также и на то, что „для своей же пользы дворяне должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ", „что на Московскую губернію смотритъ вся Россія".

Послѣ путешествія государя и его рѣчей крѣпостническая партія поняла, что надежду на остановку и прекращеніе „мечтаній наверху" объ освобожденіи крестьянъ надо бросить. Но, какъ уже упомянули мы со словъ Я. А. Соловьева, крѣпостники рѣшили, что если ужъ нельзя совсѣмъ дѣла этого остановить, то надо добиваться „безземельнаго освобожденія крестьянъ съ полученіемъ денежнаго вознагражденія за личную свободу ихъ". Всѣми путями стали крѣпостники поддерживать и развивать эту мысль, по

которой 23 милліона людей должны были стать нищими, не получивъ, что называется, ни кола ни двора: помѣщики-крѣпостники не могли не сознавать, что они именно этого хотятъ, потому что для крестьянъ другого способа пропитанія, кромѣ хлѣбопашества, въ Россіи почти не было: фабрично-заводская промышленность наша стала развиваться почти 20 лѣтъ спустя.

Однако, какъ ни старалась добиться своего крѣпостническая партія, въ противовѣсъ ея домогательствамъ сама собою пробилась повсюду одна и та же мысль, повернувшая дѣло на другую дорогу. Мысль эта явилась у многихъ почти одновременно, какъ это всегда бываетъ съ такими мыслями, которыя подсказываетъ сама жизнь. Заключалась же эта мысль въ томъ, 1) что подъ усадебной осѣдлостью надо понимать не одну усадебную землю, а все количество земли, необходимое для обезпеченія быта крестьянъ; 2) въ томъ, что путемъ выкупа крестьянами этихъ земель у помѣщиковъ можно достичь безопаснаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Эта мысль заявлена была сначала въ нижегородскомъ губернскомъ комитетѣ, откуда скоро она перешла и въ другіе. Но еще раньше попытки крѣпостническаго дворянства склонить правительство къ тому, чтобы оно рѣшило установить выкупъ за „личность крестьянина“, потерпѣли рѣшительную неудачу. Въ ноябрѣ 58 года, одновременно съ объявленіемъ главному комитету новыхъ плановъ правительства по крестьянскому дѣлу, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской сообщилъ губернаторамъ для передачи въ комитеты, что императоръ не одинъ разъ уже призналъ, что „личность крестьянина и обязательный его трудъ выкупу

подлежать не могутъ“. Такимъ образомъ и другая надежда крѣпостнической партіи потерпѣла крушеніе: правительство безповоротно высказалось, и надѣяться въ этомъ смыслѣ уже было не на что.

Что же тѣмъ временемъ происходило въ губернскихъ комитетахъ? Какъ шла тамъ работа, узнавъ о которой, весь народъ русскій рѣшился терпѣливо ожидать того, чѣмъ она кончится?

Въ комитетахъ сошлись люди разныхъ мыслей. Одни были свирѣпыми защитниками старыхъ порядковъ, съ пѣной у рта требовавшими сохраненія крѣпостного права и всѣхъ выгодъ, для нихъ самихъ отъ этого истекавшихъ. Другіе принадлежали къ людямъ образованнымъ, понимавшимъ весь вредъ и для крестьянъ, и для помѣщиковъ, и для всего государства того порядка, при которомъ одни люди были собственностью другихъ, при которомъ не было и не могло быть ни закона, ни права, ни просвѣщенія, ни справедливости. Эти люди, конечно, отъ всего сердца желали скорѣйшей перемѣны и стояли въ комитетахъ за освобожденіе крестьянъ и притомъ непремѣнно съ землей.

Сойдясь въ комитетахъ, чтобы обсуждать дѣло, которое для однихъ было ненавистнымъ, а для другихъ святымъ, эти люди, конечно, скоро стали во враждебныя отношенія. Борьба разгоралась все сильнѣе, и въ скромной обстановкѣ засѣданій губернскихъ комитетовъ много разъ происходили взрывы взаимнаго негодованія, ненависти и озлобленія. Дѣло доходило до оскорбленій, до скандаловъ; не обходились даже и безъ кулачной расправы, въ которой крѣпостники были такими мастерами дѣла, что, напр., членъ самарскаго

комитета Д. О. Самаринъ вначалѣ вынужденъ былъ запастись револьверомъ и окружить себя тѣлохранителями изъ своихъ дворовыхъ для самозащиты отъ нападеній крѣпостниковъ. Раздоры и скандалы въ комитетахъ доходили до свѣдѣнія высшаго правительства. Председатели нѣкоторыхъ комитетовъ позволяли себѣ даже совершенно незаконныя дѣйствія: такъ, напр., они отказывали членамъ меньшинства въ комитетѣ записывать мнѣнія ихъ въ протоколахъ засѣданій. Приходилось жаловаться на ихъ поступки въ Петербургъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно предписалъ, чтобы мнѣнія меньшинства обязательно записывались въ журналахъ или представлялись особо.

Почти повсюду большинство членовъ въ комитетахъ состояло изъ лицъ, принадлежавшихъ къ крѣпостнической партіи, во главѣ которой вездѣ находились богатые, чиновные или титулованные помѣщики. Они оказались, какъ это бывало и раньше и позже, неспособными подняться надъ своими выгодами и преимуществами во имя блага родины. Люди же, не такіе богатые, но болѣе ихъ образованные, разсуждали иначе: они всячески и въ комитетахъ, и въ частныхъ разговорахъ, и въ особыхъ запискахъ, и въ печати, старались проводить болѣе справедливыя, болѣе близкія нуждамъ родного народа мысли, не отступая для защиты ихъ передъ многими личными непріятностями, неудачами и даже жертвами. Не легко было имъ отстаивать въ комитетахъ свои мысли и убѣжденія, когда противники ихъ на слова и доводы отвѣчали угрозами и даже оскорбленіями. Но все-таки они вели „свою линію“, вели упорную и открытую борьбу

противъ гласнаго, крѣпостническаго большинства. Ведя эту борьбу, они заходили въ своихъ желаніяхъ иногда значительно дальше извѣстныхъ имъ плановъ правительства. Но обстоятельства принуждали правительство давать свободу мнѣніямъ меньшинства въ комитетахъ; къ тому же, по словамъ докладовъ министра внутреннихъ дѣлъ государю, „духъ стремленія ихъ (т.-е. членовъ меньшинства въ комитетахъ) ближе къ видамъ императора, нежели предположенія большинства".

Справедливость требуетъ отмѣтить, что по подсчету министра Ланского, изъ числа губернскихъ комитетовъ *большинство* оказалось такихъ, которые цѣликомъ, или въ большинствѣ, состояли изъ людей, старавшихся, во что бы то ни стало, сохранить крѣпостное право.

Упорство комитетовъ, желавшихъ сохранить крѣпостное право, министръ объяснялъ вліяніемъ нѣкоторыхъ важныхъ сановниковъ и даже членовъ главнаго комитета [1]).

Съ 4 марта 59 года всѣ работы по крестьянской реформѣ перешли въ редакціонныя комиссіи. Предсѣдателемъ этихъ комиссій былъ назначенъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Онъ, еще будучи членомъ главнаго комитета, принялся за добросовѣстное изученіе крестьянскаго вопроса не только въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ. По мѣрѣ того, какъ Ростовцевъ знакомился съ вопросомъ, его отношеніе къ дѣлу освобожденія становилось все сердечнѣе и искреннѣе; ко времени же открытія редакціонныхъ комиссій онъ сдѣлался изъ защитника помѣщичьей власти надъ крестьянами другомъ дѣла полнаго ихъ освобо-

[1]) Всѣ они были крупными помѣщиками, владѣвшими тысячами душъ крестьянъ.

жденія. Большое и благотворное вліяніе на Ростовцева и его образъ мыслей по крестьянскому вопросу оказалъ другъ его юности, Е. П. Оболенскій, — возвращенный изъ ссылки въ Сибирь декабристъ. Такъ, напримѣръ, Оболенскій, повидимому, доказалъ Ростовцеву необходимость надѣлить крестьянъ тѣмъ количествомъ земли, какое было у нихъ при крѣпостномъ правѣ; онъ же указывалъ на всю ненужность учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ при объявленіи воли. Работы редакціонныхъ комиссій, благодаря сдѣланному имъ подбору людей и его рѣшительному почину, съ самаго начала и до самой смерти Ростовцева публиковались въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Въ своемъ заявленіи въ общемъ собраніи комиссій (ихъ было 4: юридическая, административная, хозяйственная и финансовая) Ростовцевъ, какъ предсѣдатель, заявилъ, что занятія комиссій „составляютъ дѣло всей Россіи,—дѣло, съ которымъ связано и спокойствіе и благосостояніе цѣлаго государства, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ“. Что комиссіи, „совершая трудъ, столь близкій интересамъ всѣхъ сословій, обязаны честнымъ отчетомъ передъ всей Россіей“. Съ мнѣніемъ этимъ члены комиссій единогласно согласились, и работы ихъ стали благодаря этому доступны многимъ. А черезъ это всѣ, интересовавшіеся и имѣвшіе какія-нибудь возраженія или дополненія по тому или другому вопросу, всегда могли сообщить комиссіи свои мысли, указать на ошибки или промахи въ работахъ комиссій. Въ такомъ же дѣлѣ, которое касается цѣлаго государства, конечно, и для населенія и для законодателей очень важно, чтобы обмѣнъ мыслей лю-

дей разныхъ мѣстъ, разныхъ взглядовъ и разныхъ знаній свободно доходилъ до законодателей, а планы и работы этихъ послѣднихъ вовремя были извѣстны обществу. Въ комиссіяхъ, какъ и въ комитетахъ, большинство членовъ чаще настаивало на томъ, чтобы права и выгоды помѣщиковъ пострадали какъ можно меньше. И опять, какъ въ комитетахъ, меньшинство, горячо и искренно отстаивало интересы и нужды крестьянъ; во главѣ этого благороднаго и широко образованнаго меньшинства, стоялъ предсѣдатель комиссіи, Ростовцевъ, а правой рукой его былъ Н. А. Милютинъ и цѣлый кружокъ людей, близко узнавшихъ другъ друга благодаря тому, что нашелся человѣкъ, отъ всего сердца желавшій полнаго успѣха, понимавшій, что надо помочь сблизиться между собой членамъ комитета. Человѣкомъ этимъ, просвѣщеннымъ, добрымъ и близко принявшимъ въ немъ самое горячее участіе и, кромѣ того, близкимъ къ государю и уважаемымъ имъ была великая княгиня Елена Павловна, вдова великаго князя Михаила Павловича, брата императора Николая I. Въ первый же годъ воцаренія Александра II, когда еще только по секрету задумано было приступить къ работамъ по улучшенію крестьянскаго быта, великая княгиня Елена Павловна въ мартѣ 56 года представила государю подробный планъ освобожденія 15.000 крестьянъ обоего пола въ принадлежавшихъ ей 10 имѣніяхъ въ Полтавской губерніи. Планъ этотъ въ окончательномъ видѣ былъ выработанъ Н. А. Милютинымъ, который былъ хорошо извѣстенъ великой княгинѣ еще съ 46 года и въ которомъ она сумѣла оцѣнить его способности, характеръ и непоколебимые

взгляды на необходимость искорененія рабства въ Россіи. Планъ касался не только имѣній великой княгини, но былъ планомъ „дѣйствій для освобожденія въ Полтавской и смежныхъ губерніяхъ крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые сами того пожелаютъ“. Планъ этотъ справедливо можно назвать „первымъ камнемъ къ практическому осуществленію освобожденія крестьянъ“.

Елена Павловна была женщиной высоко-образованной, сочувствовавшей всему хорошему, доброму и свѣтлому, и потому постоянно старалась, чѣмъ могла, приходить на помощь людямъ таланта, благородныхъ убѣжденій, - людямъ, отдавшимъ силы свои на общее дѣло. Она окружала себя такими людьми, приглашая ихъ къ себѣ запросто, постоянно имѣла съ ними дружескія бесѣды. Конечно, она не могла не оцѣнить Н. А. Милютина, который былъ душою дѣла освобожденія. Кромѣ него, она запросто приглашала къ себѣ и другихъ членовъ редакціонныхъ комиссій: входила во всѣ ихъ нужды, принимая въ нихъ самое теплое участіе, постоянно была самой старательной посредницей между государемъ и Милютинымъ; устраивала у себя встрѣчи ихъ, выставляла во-время передъ государемъ въ настоящемъ свѣтѣ разныя злобныя сплетни на Милютина, который своей самоотверженно-суровой защитой крестьянскихъ интересовъ наживалъ себѣ съ каждымъ днемъ все новыхъ и новыхъ враговъ среди дворянъ и вельможъ-крѣпостниковъ.

Когда открытъ былъ земскій отдѣлъ, работой котораго было обсудить всѣ проекты по сельско-хозяйственному дѣлу при новомъ устройствѣ кре-

стьянъ, Милютинъ, бывшій до того времени какъ бы въ тѣни, получилъ право стать офиціально у самаго источника „завѣтнаго дѣла“, получилъ прямой доступъ ко всѣмъ работамъ по освобожденію, которымъ онъ отдавался весь.

Враги-крѣпостники не дремали, конечно, и, понимая, какъ сильны его знанія и преданность дѣлу освобожденія, пытались не разъ столкнуть его и лишить возможности работать, стараясь подорвать къ нему довѣріе государя. Очень многіе не стыдились называть Милютина „врагомъ отечества“, „измѣнникомъ царя“ только за то, что онъ всю душу вкладывалъ въ святое дѣло освобожденія. Одно время клеветники почти достигли своего, и только министръ Ланской спасъ его участіе въ дѣлѣ, отвѣтивъ на вопросъ государя, ручается ли онъ за Милютина, что ручается „какъ за самого себя“.

Ставъ близко къ любимому дѣлу, Милютинъ принялся за него съ беззавѣтной преданностью, за что, какъ писалъ ему изъ Москвы Дмитріевъ, имя его „во всѣхъ устахъ съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ русскихъ помѣщиковъ“. Конечно, эти выраженія ненависти высказывались не только Милютину, но и вообще редакціоннымъ комиссіямъ.

Первымъ важнымъ рѣшеніемъ редакціонныхъ комиссій было то, что крестьяне должны быть освобождены *съ землей*.

Два члена—графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ—настаивали на безземельномъ освобожденіи, желая сохранить выгоды помѣщиковъ, т.-е. чтобы черезъ двѣнадцать лѣтъ „временно обязаннаго“ состоянія крестьяне возвратили землю помѣщикамъ и устраивались бы потомъ, какъ знали.

Ростовцевъ заявилъ на это, что „если хотятъ отнять землю у крестьянъ, то пусть это дѣлаютъ теперь же. Зачѣмъ оставлять ее у нихъ на двѣнадцать лѣтъ? Это значитъ прежде отдать, а потомъ отнимать“. Послѣ разныхъ споровъ порѣшили, что крестьянъ надо освобождать, надѣливъ ихъ землей, за которую они должны заплатить выкупъ. Выкупъ же долженъ совершаться „по любовному соглашенію между помѣщиками и крестьянами“, т.-е. выкупить землю послѣ двѣнадцати лѣтъ крестьяне могли бы только съ согласія помѣщика.

Графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ, какъ сказано было, были противъ такого рѣшенія, хотѣли *безземельнаго* освобожденія и, встрѣтивъ дружный отпоръ, подали государю просьбу объ ихъ увольненіи изъ комиссіи. Но на эти просьбы государь отвѣтилъ резолюціей, которой повелѣвалъ „исполнить по мнѣнію *большинства*, но желаю, чтобы и два члена остались въ комиссіи“... Этой резолюціей твердо была высказана мысль государя, чтобы освобождаемые крестьяне получили *въ собственность* (путемъ выкупа) необходимое для обезпеченія ихъ жизни количество земли, или такъ называемые надѣлы.

Къ августу комиссіи разсчитывали закончить общій сводъ всѣхъ комитетскихъ мнѣній. Съ 1 по 15 августа предложено было представителямъ губернскихъ комитетовъ, или, какъ ихъ называли, „депутатамъ“, съѣхаться въ Петербургъ для того, чтобы принять участіе въ совѣщаніяхъ по крестьянскому вопросу, какъ это было обѣщано лично, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, Александромъ II. Всего собралось 36 человѣкъ, изъ которыхъ 9 были представителями мнѣній меньшинства въ комите-

тахъ, а 27 человѣкъ представителями большинства, т.-е. изъ крѣпостнической партіи.

Разсчитывая на то, что изъ депутатовъ три четверти будутъ стараться отстаивать интересы помѣщиковъ, крѣпостническая партія начала хлопотать о томъ, чтобы все дѣло передать въ руки дворянства. Ей пришелъ на подмогу сенаторъ Безобразовъ, который со своими единомышленниками сочинилъ проектъ адреса государю отъ всего русскаго дворянства; въ адресѣ этомъ онъ проводилъ мысль о томъ, что надо составить особое собраніе изъ выборныхъ дворянъ отъ каждой губерніи; предсѣдателю дать право прямого доступа къ императору; засѣдать собранію въ залахъ дворца и т. п.

Зная, съ какими желаніями съѣхались въ Петербургъ депутаты (исключая 9 человѣкъ, представителей меньшинства въ комитетахъ), министръ Ланской подалъ государю записку, въ которой напоминалъ, что „уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли вашего величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ“. Поэтому министръ указывалъ на то, что для дѣла будетъ прямой вредъ, если депутатамъ позволить образовать партію и дать имъ право голоса въ законодательной работѣ. Государь съ этимъ взглядомъ согласился.

25 августа, въ первомъ общемъ собраніи комиссіи и депутатовъ, Ростовцевъ прочиталъ высочайше данную ему инструкцію, по которой депутаты получали названіе „членовъ, избранныхъ губернскими комитетами“; они должны дать только *отвѣты* на вопросы о *мѣстныхъ свѣдѣніяхъ* и письменныя объясненія свои; пред-

сѣдателю редакціоннаго комитета дается право, *по своему усмотрѣнію* и по мѣрѣ надобности, *приглашать* членовъ для словесныхъ объясненій; всѣ необходимыя свѣдѣнія и объясненія должны быть доставлены членами отъ комитетовъ не позже мѣсяца со дня сдѣланныхъ запросовъ.

Съѣзжаясь, депутаты разсчитывали, что они не оставятъ въ работахъ комиссіи камня на камнѣ. Вдругъ, съ перваго же собранія, ихъ окатили холодной водой: изъ полномочныхъ депутатовъ передѣлали въ членовъ отъ губернскихъ комитетовъ, которые только отвѣчаютъ на вопросы объ *мѣстныхъ* условіяхъ въ ихъ губерніяхъ; совершенно не желаютъ знать *ихъ* мнѣній, *вообще* лишаютъ ихъ возможности отстаивать эти мнѣнія, а прямо требуютъ, чтобы они въ мѣсячный срокъ только отвѣтили на вопросы, которые имъ поставятъ въ ненавистныхъ имъ редакціонныхъ комиссіяхъ. Депутаты были поражены. Они рѣшили сразу не сдаваться, подали ходатайство государю о томъ, чтобы всѣ соображенія ихъ по предъявленнымъ вопросамъ и вообще по существу крестьянскаго вопроса поступили на судъ высшаго правительства. Но Ростовцевъ объявилъ имъ Высочайшее рѣшеніе, что имъ не запрещается частнымъ образомъ совѣщаться, но ихъ совѣщанія, а значитъ, и ихъ рѣшенія на этихъ совѣщаніяхъ „не должны имѣть характера офиціальнаго“.

Такъ происки крѣпостниковъ еще разъ потерпѣли отпоръ и полную неудачу.

25 сентября „члены отъ губернскихъ комитетовъ“ должны были дать отвѣты на предложенные имъ письменные вопросы. Но они просили отсрочки, которая, съ согласія государя, дана имъ была до 10 октября. Все это время депутаты разъ-

ѣзжали по Петербургу, повсюду взводя самыя разнообразныя обвиненія на комиссіи; эти обвиненія и клеветы съ удовольствіемъ подхватывались людьми однѣхъ мыслей съ обвинявшими и клеветавшими на членовъ комиссій депутатами. Больше всего, конечно, старались оклеветать Ростовцева. Какъ человѣкъ воспріимчивый, прямой и не привыкшій къ интригамъ, онъ близко принималъ къ сердцу выходки депутатовъ, трепавшихъ его имя по городу. Въ концѣ октября онъ заболѣлъ желчной лихорадкой, скоро слегъ въ постель, а въ ночь на 6 декабря 1860 года умеръ. За нѣсколько часовъ до смерти, прощаясь съ государемъ, Ростовцевъ говорилъ ему: „не бойтесь... не бойтесь“. Къ утру онъ скончался.

Но явные и тайные враги освобожденія не унимались.

Передъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, депутаты рѣшили еще разъ попытать счастья: составили и подали государю адресы, въ которыхъ, указывая на разногласіе своихъ мнѣній съ мнѣніями редакціонныхъ комиссій, просили имъ, депутатамъ, дозволить: 1) „разсмотрѣть окончательные труды редакціонныхъ комиссій, *до* поступленія ихъ на обсужденіе главнаго комитета“, 2) „предоставить сему комитету изустныя объясненія въ подтвержденіе изложенныхъ нами мнѣній“. Получивъ эти адресы, государь приказалъ разсмотрѣть ихъ главному комитету. Комитетъ постановилъ сдѣлать подписавшимъ адресы выговоръ черезъ губернаторовъ и отдать нѣкоторыхъ подъ особый надзоръ мѣстнаго начальства.

Это постановленіе вызвало уже ропотъ неудовольствія не только среди тѣхъ, къ кому оно относилось, но и среди сочувствовавшихъ дѣлу

освобожденія. Мѣра была, дѣйствительно, нехороша и несправедлива, и всякій въ правѣ былъ говорить о томъ, что правительство этимъ распоряженіемъ преслѣдуетъ людей за одно желаніе выразить свои мысли. Съ другой стороны, эти выговоры какъ бы оправдывали депутатовъ передъ дворянствомъ, которое вообще считало, что въ Петербургѣ депутаты вели себя слишкомъ уклончиво. Хотя для дѣла освобожденія непринятіе депутатскихъ адресовъ и вообще ограниченіе „депутатовъ" принесло только пользу, однако не мѣшаетъ замѣтить, что къ концу 59 г. въ дѣйствіяхъ правительства произошелъ поворотъ. Выговорамъ, замѣчаніямъ, даже ссылкѣ подверглись также и люди, горячо стоявшіе за освобожденіе крестьянъ и, кромѣ того, видѣвшіе необходимость въ томъ, чтобы при новомъ порядкѣ были какъ можно скорѣе сдѣланы перемѣны въ устройствѣ суда и въ положеніи печати. Правительство, т.-е. высшіе государственные чиновники были все тѣ же, что и въ прошлое царствованіе; въ большинствѣ это были люди, привыкшіе къ тому, что *они* распоряжались всѣми дѣлами, считаясь только съ одобреніемъ или неодобреніемъ императора Николая I; эти люди никакъ не могли, конечно, понять и оцѣнить вполнѣ той пользы, какую получала законодательная работа при участіи неподчиненныхъ имъ членовъ общества. Они съ крайней неохотой и затаенной злобой смотрѣли на то, что сонная до того времени провинція зашевелилась, начала читать, учиться, высказывать свои мысли и желанія въ печати, т.-е. въ газетахъ и журналахъ, которые съ 58 г. получили больше свободы и *всѣ*, за исключеніемъ одного только „Журнала Землевладѣльцевъ"

который пытался защищать интересы помѣщиковъ), старательно разбирали и помогали обществу разбираться въ главныхъ вопросахъ дѣла освобожденія. Литература эта много помогала работѣ редакціонныхъ комиссій. Голоса въ ней раздавались все рѣшительнѣе и грознѣе, доказывая всѣмъ интересующимся, что крестьяне непремѣнно должны быть освобождены съ надѣлами земли въ полную собственность посредствомъ *обязательнаго* выкупа. Многія статьи такимъ образомъ шли гораздо дальше извѣстныхъ плановъ правительства. Другія старались предостеречь губернскіе комитеты отъ ошибокъ, за которыя потомъ пришлось бы расплачиваться, главнымъ образомъ, крестьянамъ. Третьи описывали исторію крестьянскаго сословія и различные способы упраздненія крѣпостного права въ другихъ государствахъ.

Статьи читались, перечитывались, обсуждались, о нихъ спорили, горячились, читали указанныя въ нихъ сочиненія, и дѣло освобожденія, о которомъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ никто не смѣлъ заикнуться, выяснялось общими усиліями и невольно привлекало къ себѣ все больше и больше людей, недостаточно прежде понимавшихъ значеніе крѣпостного права и необходимость его отмѣны.

На эту честную и чрезвычайно важную и полезную для дѣла освобожденія и для развитія общества гласность, т.-е. возможность открыто выражать свои мысли и пожеланія въ печати, большинство высшихъ чиновниковъ, составлявшихъ правительство, конечно, не могло смотрѣть довольными глазами. Въ концѣ 58 года, вдобавокъ, измѣняется и самый планъ реформы, и притомъ именно въ томъ самомъ направленіи,

которое указывала литература. Всѣ чины правительства, которые стояли за старые порядки (а такихъ было большинство), быстро увидѣли, какъ много дѣлаетъ литература и принялись за ея обуздываніе.

Въ началѣ 59 года была запрещена газета „Парусъ“, издававшаяся И. С. Аксаковымъ въ Москвѣ. За пропущенную въ ней статью о пользѣ свободнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ цензоръ Капнистъ смѣщенъ съ должности... По цензурѣ разосланъ новый циркуляръ, въ концѣ котораго сказано, что „правительство не видитъ никакой пользы въ гласности, ибо считаетъ унизительнымъ для себя обращать вниманіе на всѣ жалобы и замѣчанія, заключающіяся въ статьяхъ обличительнаго содержанія“. Одно распоряженіе догоняло другое, и уже къ концу 59 года въ газетахъ и журналахъ принуждены были замолчать о крестьянскомъ дѣлѣ. Этимъ, однако, не ограничились и постарались добиться запрещенія заводить рѣчь о крестьянскомъ вопросѣ на дворянскихъ выборахъ, въ декабрѣ 59 года и въ началѣ 60 года.

Когда губернскій предводитель рязанскаго дворянства прочелъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, запрещавшій касаться крестьянскаго дѣла и работъ по крестьянскому вопросу, дворянское собраніе постановило подать государю адресъ, въ которомъ говорилось, что коренными законами государства дворянскому сословію дано право разсуждать на выборахъ о своихъ пользахъ и нуждахъ. Циркуляръ, запретившій говорить дворянамъ о крестьянскомъ вопросѣ, тѣмъ самымъ запретилъ дворянамъ говорить о своихъ нуждахъ и пользахъ, которыя тѣсно связаны съ

крестьянскимъ вопросомъ. Адресъ былъ переданъ въ главный комитетъ, и по телеграфу отвѣчено было рязанскому собранію отказомъ и подтвержденіемъ циркуляра.

Дворяне рѣшили подать всеподданнѣйшее прошеніе. Предводитель Новалишинъ представилъ отъ себя одобренное собраніемъ прошеніе и получилъ за него выговоръ.

За рязанскимъ собраніемъ повторилось то же самое въ другихъ собраніяхъ—тверскомъ, владимирскомъ и другихъ.

Тверской предводитель Унковскій, бывшій депутатомъ отъ большинства тверского губернскаго комитета, подписавшій первымъ всеподданнѣйшее прошеніе, былъ немедленно уволенъ отъ должности, а потомъ *сосланъ* въ Вятку; говорившій рѣчь въ собраніи бѣжецкій помѣщикъ Европеусъ — въ Пермь.

Во владимирскомъ собраніи ковровскій предводитель дворянства, Безобразовъ, сказалъ большую рѣчь, въ которой, не касаясь крестьянскаго вопроса, призывалъ дворянство не колебаться и высказать „доброму государю правдивымъ задушевнымъ словомъ всю истину“... Дворянинъ Протопоповъ въ концѣ своей рѣчи указалъ, что необходимы для общихъ пользъ и нуждъ государства свободныя выборныя начала, отвѣтственность всѣхъ служащихъ одинаково равная передъ судомъ, *гласное судопроизводство и судъ присяжныхъ*. Въ этомъ же смыслѣ былъ составленъ адресъ государю.

Въ главномъ комитетѣ, гдѣ адресъ разсматривался, раздавались голоса, требовавшіе строгаго наказанія Безобразова и Протопопова. Но дѣло кончилось замѣчаніемъ губернскому предводителю.

Цензура получила приказаніе не пропускать въ газеты ничего о дворянскихъ собраніяхъ, кромѣ сообщеній о выбранныхъ лицахъ и „увеселеніяхъ, которымъ предается дворянство“.

Между тѣмъ къ концу 59 года редакціонныя комиссіи разработали, черезъ 8 мѣсяцевъ усиленныхъ занятій, всѣ главные вопросы крестьянской реформы.

Но смерть Ростовцева вызвала опасенія, что съ назначеніемъ на его мѣсто новаго предсѣдателя ходъ работъ и весь уже выработанный планъ могутъ въ корень измѣниться. Опасенія эти были настолько сильны, что Н. А. Милютинъ приготовился къ отставкѣ. Толки, вызванные смертью Ростовцева, и напряженное ожиданіе продолжались, однако, 4 дня.

Выборъ государя вмѣсто тѣхъ кандидатовъ на предсѣдательское кресло, которыхъ называли за эти 4 дня, сталъ, наконецъ, извѣстенъ: предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ министръ юстиціи графъ Панинъ.

Крѣпостническая партія съ восторгомъ приняла это назначеніе, такъ какъ графъ Панинъ извѣстенъ былъ всѣмъ, какъ отъявленный крѣпостникъ, формалистъ, буквоѣдъ-законникъ и деспотъ-самодуръ. Противники освобожденія рѣшили, что „дѣло отложено, значитъ, въ дальній ящикъ“. Но и они, однако, были удивлены выборомъ государя. Преданная же дѣлу освобожденія великая княгиня Елена Павловна, встревоженная и пораженная рѣшеніемъ государя, выразила свое удивленіе государю. На это онъ отвѣчалъ: „да вы не знаете графа Панина: его убѣжденія — *это точное исполненіе моихъ приказаній*“.

Эти слова лучше всего говорятъ, что за человѣкъ былъ графъ Панинъ. Завзятый крѣпостникъ, самый заклятый врагъ освобожденія, онъ получилъ приказаніе стать во главѣ такого дѣла и согласился на это, несмотря на то, что долженъ былъ дѣлать дѣло, противное его убѣжденіямъ. Когда же его спросили, какъ это случилось, онъ объяснилъ дѣло въ такихъ словахъ великому князю Константину Николаевичу:

„Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣряюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, — *я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже наперекоръ*, съ той и даже большею энергіей, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“.

И вотъ такой человѣкъ (который, по словамъ, сказаннымъ графу Бобринскому, всю жизнь подписывалъ „вещи, не согласныя съ своими убѣжденіями“) занялъ предсѣдательское кресло Ростовцева въ редакціонныхъ комиссіяхъ, буквально сгорѣвшаго на работѣ любимаго дѣла, окончить которое онъ за нѣсколько часовъ до смерти умолялъ государя словами: „не бойтесь, не бойтесь... доводите его до конца“.

Отношенія Панина къ членамъ комиссіи быстро опредѣлились. При назначеніи его предсѣдателемъ ему было поставлено государемъ условіе: *не дѣлать никакихъ измѣненій ни въ ходѣ дѣла ни въ личномъ составѣ редакціонной комиссіи*. Въ своей вступительной рѣчи онъ постарался показать себя „вѣрнымъ слугой“ государя, указавъ на то, что дворянская партія „нерѣдко опрометчиво и неосновательно укоряла редакціонную комиссію“. Даже счелъ нужнымъ указать на

то, что „за крестьянъ между нами нѣтъ представителей, и потому намъ самимъ предстоитъ *отстаивать* ихъ“.

Но это „отстаиваніе“ крестьянъ и это исполненіе воли государя—ничего не мѣнять въ ходѣ дѣла—графъ Панинъ понималъ, очевидно, посвоему, такъ какъ съ первыхъ же засѣданій сталъ дѣлать попытки добиться отъ комиссіи *существенныхъ* измѣненій въ тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя состоялись при Ростовцевѣ. Когда эти попытки стали одна за другой встрѣчать дружный отпоръ со стороны Милютина, Черкасскаго, Самарина и другихъ, графъ Панинъ, ставъ къ нимъ въ самыя холодныя отношенія, началъ дѣйствовать иначе. Онъ избѣгалъ уже открыто домогаться въ засѣданіяхъ склонять членовъ комиссіи на сторону своего мнѣнія, а попросту сталъ затягивать дѣло канцелярскимъ способомъ: назначалъ засѣданія въ дни, неудобные для членовъ, долго не подписывалъ журналы засѣданій, держа ихъ у себя, придирался къ разнымъ канцелярскимъ мелочамъ и т. д. Но отъ желанія затягивать всячески дѣло графу Панину пришлось скоро отказаться. Члены редакціонной комиссіи во всѣ глаза глядѣли за уловками своего предсѣдателя и часто выводили его, что называется, на свѣжую воду. Графъ Панинъ, всю жизнь привыкшій видѣть передъ собой только покорныхъ и смиренныхъ передъ нимъ чиновниковъ, попалъ тутъ къ людямъ, которые не гнули передъ нимъ ни своей спины ни своихъ мыслей. Сначала это его приводило въ безсильную злобу и бѣшенство: онъ пробовалъ на разные лады бороться съ независимостью этихъ людей и ихъ мнѣній. Въ концѣ-концовъ прину-

Гр. В. Н. Панинъ.
(Къ стр. 46.)

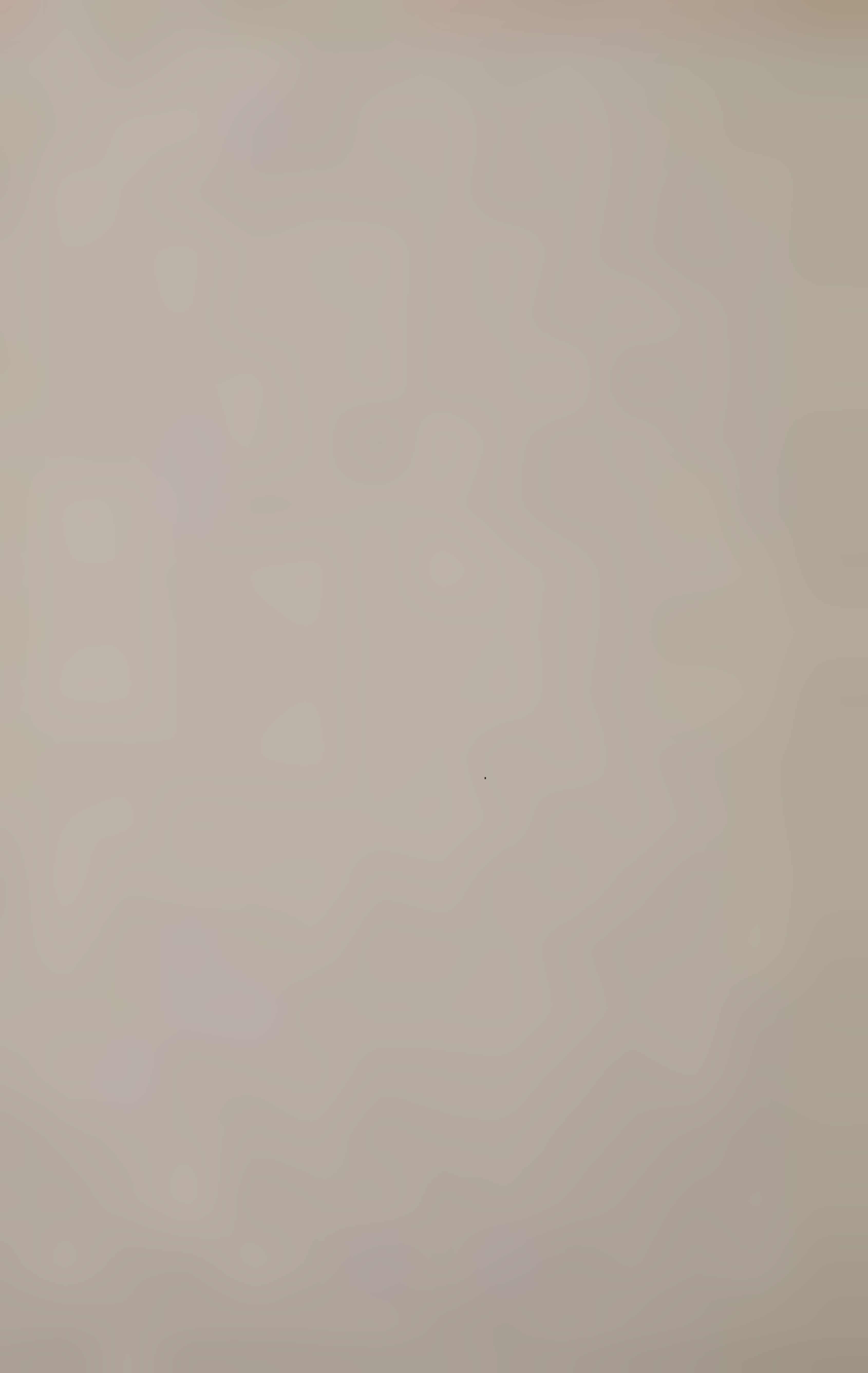
В. А. Черкасскій.
(Къ стр. 48.)

Ю. О. Самаринъ.
(Къ стр. 48.)

Вел. Кн. Конст. Николаевичъ.
(Къ стр. 58.)

жденъ былъ съ сокрушеннымъ вздохомъ сказать: „Да, надо признаться, время тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошло безвозвратно“.

Затягивать дѣло нельзя было еще и потому, что послѣдовало прямое предписаніе государя окончить работы комиссій къ октябрю 60 года. Графъ Панинъ рѣшилъ тогда перемѣнить политику. Въ разговорахъ своихъ со своимъ приближеннымъ, М. П. Топильскимъ, онъ откровенно, по-домашнему, признался, что „въ редакціонныхъ комитетахъ я всего говорить не могу. Мнѣ необходимо для главнаго комитета и Государственнаго Совѣта (гдѣ должны были разсматриваться работы комиссіи) „оставить *зацѣпы*“. Въ засѣданіяхъ же редакціонныхъ комиссій сіятельный предсѣдатель увѣрялъ членовъ 16 апрѣля 1860 года, что онъ „человѣкъ *честный*: не хочетъ говорить здѣсь одно, а потомъ дѣлать другое“.

Таковъ былъ предсѣдатель, занявшій кресло Ростовцева въ комиссіяхъ, многіе члены которыхъ были люди выдающихся способностей, благородной прямоты, талантовъ, ума, знаній. Задачей этихъ людей было разрушить рабство и на его обломкахъ построить новое зданіе свободнаго сельскаго быта. Задачу эту редакціонныя комиссіи рѣшали доброжелательно, иногда самоотверженно. Не графу Панину, — застарѣлому чиновнику - буквоѣду, чванливому вельможѣ, льстивому царедворцу и жестокосердному защитнику сначала крѣпостничества, а потомъ кнута и плетей,—не ему было тягаться съ этими людьми, изъ которыхъ имена многихъ исторія будетъ почитать, какъ имена добрыхъ друзей народа и защитниковъ его интересовъ и нуждъ.

Кромѣ вопроса объ освобожденіи, редакціонной комиссіи пришлось разрѣшать спутанные и очень трудные вопросы собственности.

Какъ бы то ни было, помѣщики юридически были собственниками своихъ земель и угодій. Заботясь объ однихъ, приходилось какъ бы отнимать собственность у другихъ. Но и въ комитетахъ, и въ особенности въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, и скоро въ редакціонныхъ комиссіяхъ, и въ планахъ правительства высшаго, вмѣстѣ съ государемъ, скоро укрѣпилась мысль, что нельзя и крестьянъ освобождать *безъ земли*. Землю же имѣли, главнымъ образомъ, помѣщики. Поэтому, какъ уже мы сказали, появилась мысль о томъ, чтобы крестьянъ надѣлить землей, *выкупленной* у помѣщиковъ *правительствомъ*. Вопросъ о томъ, какъ всего проще, удобнѣе, выгоднѣе для крестьянъ и „безобиднѣе" для помѣщиковъ это сдѣлать, былъ вопросомъ очень труднымъ. Государь указывалъ на то, что выкупъ долженъ быть „*по полюбовному* соглашенію". Въ печати же и среди нѣкоторыхъ, особенно сочувствовавшихъ освобожденію „депутатовъ", проводилась мысль, что выкупъ долженъ быть *обязательнымъ*, т.-е., что земли должны быть надѣлены крестьянамъ, оцѣнены и за нихъ потомъ выплачиваемы деньги помѣщику обязательно, не глядя на то, согласенъ или не согласенъ на это самъ помѣщикъ. Но на требованіе обязательнаго выкупа, предсѣдатель редакціонной комиссіи въ засѣданіи еще 20 мая 59 года заявилъ, что по Высочайшей волѣ, выкупъ долженъ быть *полюбовный*, и комиссіямъ осталось только, стараясь не нарушить воли Александра II, вообще клонить свои заключенія къ выкупу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ началѣ своихъ

работъ, послѣ того, какъ редакціонная комиссія приняла за правило, что за помѣщикомъ остается третья часть *удобныхъ* земель (т.-е. годныхъ для хлѣбопашества, луговъ, усадебъ и т. п.), редакціонная комиссія находила, что необходимо обезпечить крестьянамъ *право переселяться* изъ густо населенныхъ мѣстъ въ мѣста, меньше населенныя, но болѣе удобныя. Во второй половинѣ работъ редакціонная комиссія *выбросила*, однако, изъ своихъ проектовъ статьи 6 и 11, въ которыхъ говорилось о переселеніи. Одной причиной такой отмѣны было опасеніе, что крестьяне „могли бы большими массами бросить земли“, отчего-де пришло бы въ разстройство общее хозяйство покидаемыхъ мѣстъ; другой же причиной была опасность обезземелить крестьянъ. Но окончательно редакціонныя комиссіи не отказывались отъ всякой мысли о переселеніи, только рѣшили отложить этотъ вопросъ до окончанія реформы.

Конечно, вопросъ о землѣ для помѣщиковъ былъ самымъ главнымъ вопросомъ послѣ того, какъ уже всѣмъ стало понятно, что удержать крѣпостное право нельзя, что наступали его послѣдніе дни. Большинство комитетовъ губернскихъ много положило хлопотъ и споровъ, чтобы освободить крестьянъ безъ земли или уступить имъ земли какъ можно меньше. Но въ печати и въ редакціонныхъ комиссіяхъ друзья дѣйствительнаго, а не обманнаго освобожденія крестьянъ, усердно объясняли всю опасность для государства сдѣлать вдругъ нищими 23 милліона людей, согнать ихъ съ земли, которую, какъ умѣли, пахали ихъ дѣды и отцы, на всѣ четыре стороны.

Установить справедливые надѣлы было дѣломъ очень нелегкимъ, такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ

и земля разная, и цѣна ея разная, и всѣ условія труда тоже различны.

Высочайшимъ рескриптомъ 2 ноября 1857 г., какъ главное основаніе надѣленія крестьянъ землей, было указано, что „крестьянамъ отводится надлежащее по мѣстнымъ условіямъ количество земли для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ". Послѣ очень долгихъ споровъ рѣшили, что такъ какъ невозможно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, для каждаго отдѣльнаго двора въ точности обозначить надѣлъ, одинаковый со всѣми другими надѣлами, то самымъ правильнымъ будетъ, если опредѣлить самый большой надѣлъ и самый меньшій. Къ этимъ высшимъ и низшимъ надѣламъ подгонять уже всякій разъ и остальные, глядя по землѣ, по удобствамъ, по угодьямъ, по тому, какіе есть заработки и промыслы, кромѣ землепашества въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ.

16 комитетовъ приняли за норму, т.-е. за вполнѣ достаточное и правильное количество, тѣ самые надѣлы, которые сами помѣщики отвели своимъ крестьянамъ. Но всѣ комитеты, каждый на свой ладъ, уменьшали въ своихъ расчетахъ эти существующіе надѣлы. Такъ какъ надѣлы, отведенные самими помѣщиками, хотя, въ общемъ, были достаточны, но часто дѣлались помѣщиками совершенно произвольно, т.-е. въ однихъ мѣстахъ давались крестьянамъ надѣлы очень большіе, а въ другихъ очень недостаточные, то редакціонныя комиссіи рѣшили принять *вообще* существующіе, данные самими помѣщиками надѣлы, а въ нужныхъ случаяхъ или отбавлять или прирѣзывать землю крестьянамъ, подгоняя такъ, чтобы прибли-

зительно получились одинаковые надѣлы по числу десятинъ, а главное по удобствамъ земли. Для этого редакціонныя комиссіи раздѣлили губерніи, по хозяйственнымъ условіямъ и по размѣрамъ данныхъ самими помѣщиками надѣловъ, на *полосы*, а полосы на *мѣстности* и уже для каждой полосы и мѣстности опредѣлялся высшій и низшій надѣлы. Низшій надѣлъ противъ высшаго рѣшено было опредѣлить въ одну третью часть, т.-е., если высшій выходилъ въ 9, напримѣръ, десятинъ, то низшій надѣлъ въ такой полосѣ или мѣстности не могъ быть уже меньше 3 десятинъ. Первоначальные высшіе надѣлы редакціоннымъ комиссіямъ пришлось понижать, т.-е. уменьшать. Причиной, конечно, было, главнымъ образомъ, то, что дворяне-помѣщики въ губернскихъ комитетахъ и потомъ черезъ своихъ депутатовъ 1-го и затѣмъ 2-го призыва въ Петербургѣ всячески настаивали на томъ, чтобы земли имъ, помѣщикамъ, было оставлено какъ можно больше. Редакціонная комиссія отстаивала, какъ могла, свои расчеты надѣловъ, но помѣщикамъ все-таки удавалось принуждать разными способами редакціонную комиссію къ постепенному пониженію надѣловъ. Чтобы видно было, какъ понижались надѣлы, просмотримъ надѣлы черноземной полосы. Сначала редакціонная комиссія приняла высшіе надѣлы въ 4 и $4^1/_2$ десятины на душу; послѣ провѣрки на мѣстахъ и домогательствъ депутатовъ, уже при графѣ Панинѣ, тоже, съ своей стороны, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ старавшемся о томъ, чтобы понизить надѣлы, — надѣлы черноземной полосы уменьшили на $^1/_4$ десятины въ 7 уѣздахъ, на $^1/_2$ десятины въ 25 уѣздахъ и еще въ двухъ уѣздахъ на $^3/_4$ и на 1 десятину; по-

ниженіе надѣловъ состоялось всего въ 42 уѣздахъ. Повышеніе же только въ 3 уѣздахъ. Въ главномъ комитетѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, куда перешли работы редакціонной комиссіи, надѣлы еще были значительно уменьшены; такъ, для черноземной полосы надѣлы уменьшены уже не въ 42 уѣздахъ, а въ 50 уѣздахъ. Уменьшеніе сдѣлано было отъ 1/4 десятины до 3 1/2 десятинъ на каждый надѣлъ въ разныхъ уѣздахъ разно: на 1/4 и 1/3 десятины въ 42 уѣздахъ, на одну и двѣ десятины въ 4 уѣздахъ, и отъ 3 до 3 1/2 въ 4 уѣздахъ. Короче сказать: 4-десятинные надѣлы послѣ освобожденія получила *едва одна двадцать пятая часть* всего бывшаго крѣпостного населенія, т.-е. всего нѣсколько сотенъ тысячъ изъ 23 милліоновъ освобожденныхъ крестьянъ. Всѣ остальные получили гораздо меньше. Напримѣръ, въ Воронежской и Пензенской губерніяхъ *почти пятая часть всѣхъ* крестьянъ тамошнихъ получила *меньше одной десятины*.

Кромѣ опредѣленія надѣловъ, редакціонныя комиссіи должны были еще установить такъ называемыя повинности крестьянъ по отношенію къ помѣщику за предоставленные имъ надѣлы. Большинство комитетовъ остановилось на мысли, что величина повинностей должна соразмѣряться съ цѣнностью земли: чѣмъ дороже въ такомъ-то мѣстѣ земля, тѣмъ и повинностей (деньгами или работой) крестьянинъ долженъ нести больше. При крѣпостномъ правѣ бралось съ крестьянъ все, что можно взять. Съ освобожденнаго крестьянина помѣщики хотѣли выжать еще больше: оцѣнку земли установить они могли, какъ вздумалось, провѣрить это было нельзя. А значитъ, можно всегда

было обозначать цѣну земли гораздо дороже настоящей ея цѣны и съ этимъ вмѣстѣ назначать больше повинностей для крестьянина. Редакціонная комиссія рѣшила принять въ основу расцѣнки повинностей тѣ повинности, которыя крестьяне несли въ крѣпостномъ состояніи. Откинувъ разныя крайности, редакціонныя комиссіи рѣшили, что высшему надѣлу долженъ соотвѣтствовать и высшій размѣръ повинностей, съ тѣмъ, чтобы при уменьшеніи надѣла, по особымъ правиламъ уменьшались и повинности.

При крѣпостномъ правѣ помѣщикъ былъ для своихъ крестьянъ и хозяинъ, и судья, и полиція. Какъ бы ни распоряжался крестьянами помѣщикъ въ качествѣ хозяина, судьи или полицейскаго, - крестьянамъ некуда было на него жаловаться. Хотя губернаторамъ правительство и приказывало преслѣдовать помѣщиковъ за жестокое обращеніе съ крестьянами, но такъ было только на бумагѣ. На самомъ же дѣлѣ часты были случаи, когда даже засѣкавшіе насмерть своихъ крестьянъ помѣщики отдѣлывались, благодаря знакомству, связямъ и деньгамъ, одиѣми взятками чиновникамъ, которыхъ въ такихъ случаяхъ губернаторъ для формы присылалъ производить слѣдствіе.

Задумавъ дѣло освобожденія, правительство вначалѣ не рѣшалось на полную отмѣну помѣщичьей власти. Въ печати сейчасъ же заговорили о томъ, что полная отмѣна помѣщичьей власти необходима какъ для правильнаго государственнаго устройства, такъ и для благополучнаго окончанія дѣла освобожденія. Конечно, легко себѣ представить всю трудность положенія крестьянъ, которые при сохраненіи помѣщичьей власти не знали бы даже, въ чемъ же состоитъ

ихъ освобожденіе, если ихъ не освобождаютъ отъ самаго главнаго — помѣщичьей власти и произвола.

Цензура получила особый циркуляръ, въ которомъ приказывалось не пропускать статей о полной отмѣнѣ помѣщичьей власти. Комитеты, заявившіе себя въ вопросѣ о надѣлахъ съ корыстной стороны, и въ этомъ вопросѣ не положили охулки на руку: большинство ихъ старалось о сохраненіи власти помѣщика, предлагая назначать помѣщиковъ начальниками крестьянскихъ обществъ. Только въ 6 комитетахъ (тверскомъ, владимирскомъ, ярославскомъ, калужскомъ, харьковскомъ, саратовскомъ) большинство членовъ было въ этомъ вопросѣ однѣхъ мыслей съ меньшинствомъ и желало полной отмѣны помѣщичьей власти, высказываясь за то, чтобы были устроены судъ присяжныхъ, мировые судьи, и за большія права сельскаго міра. За полную отмѣну помѣщичьей власти высказывались, конечно, всѣ истинные друзья освобожденія.

Въ 1858 году высшее правительство стало, какъ уже мы видѣли, колебаться относительно своихъ плановъ и все болѣе склоняться на сторону мнѣній, высказываемыхъ въ литературѣ. 4 декабря 1858 года въ журналѣ главнаго комитета сказано: „Государь императоръ повелѣлъ сообразить, можетъ ли IX глава программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, оставаться въ прежней силѣ, или слѣдуетъ ее измѣнить". IX глава была о правахъ и отношеніяхъ помѣщиковъ.

Опираясь на это повелѣніе государя, редакціонная комиссія постановила замѣнить помѣщичью власть такими начальниками, которыхъ бы кре-

стьяне *избирали изъ своего же общества*, а помѣщику дать право только заступничества и ходатайства за крестьянъ, если онъ того пожелаетъ и *по просьбѣ* крестьянъ разбирать нѣкоторые ихъ споры и тяжбы между собой. Этимъ рѣшеніемъ комиссіи сохраняли то управленіе крестьянскимъ „міромъ" или „общиной", которое создалось въ русской деревнѣ съ незапамятныхъ временъ, котораго не могло вытравить даже крѣпостное право. Общинное управленіе заключается въ томъ, что всѣ общественныя дѣла рѣшаются на мірскомъ сходѣ всей крестьянской общины, или всего „общества". Право голоса принадлежитъ каждому хозяину и каждому взрослому члену общины; дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, при чемъ мнѣніе „стариковъ", по обычаю, имѣетъ почти всегда и вездѣ очень вѣское, почти рѣшающее значеніе. Всѣ же общественныя и административныя обязанности исполняются особыми выборными: десятскими, сотскими, волостнымъ старшиной и членами волостного правленія и волостнымъ писаремъ; послѣдніе (т.-е. старшина, судьи и писарь) засѣдаютъ въ волостномъ судѣ. Въ этомъ видѣ и вошло постановленіе комиссіи въ Положеніе 19 февраля.

10 октября 60 года редакціонная комиссія закончила свои работы. Въ теченіе года и семи мѣсяцевъ члены ея работали, не покладая рукъ. Ростовцевъ умеръ на этой работѣ. Назначеніе графа Панина вмѣсто него чуть не разогнало ея членовъ, которыхъ уговорилъ не подавать въ отставку во главѣ съ Милютинымъ только великій князь Константинъ Николаевичъ, одинъ изъ преданныхъ дѣлу освобожденія защитниковъ его. Съ этимъ дѣломъ такъ приходилось уже торо-

питься правительству, что въ тотъ же самый день, когда комиссіи закрылись, по высочайшему повелѣнію возобновилъ свои засѣданія главный комитетъ для разсмотрѣнія проекта, составленнаго редакціонной комиссіей. Члены ея собрались въ послѣдній разъ. Долго дожидались предсѣдателя. Но графъ Панинъ счелъ за лишнее пріѣхать попрощаться съ членами комиссіи. Вмѣсто этого онъ прислалъ письмо на имя Булгакова, которому поручилъ объявить Высочайшее повелѣніе о закрытіи ея.

Наканунѣ открытія засѣданія главнаго комитета предсѣдатель его, князь Орловъ, главный защитникъ дворянскихъ правъ и противникъ редакціонной комиссіи былъ разбитъ параличомъ. На его мѣсто былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Это неожиданное назначеніе во многомъ помогло дѣлу освобожденія: великій князь сочувственно относился къ работамъ комиссіи и былъ все время горячимъ защитникомъ крестьянскихъ интересовъ въ главномъ комитетѣ, гдѣ старался убѣждать и склонять на свою сторону особенно отстаивавшихъ права и интересы помѣщиковъ членовъ, особенно князя Гагарина, Муравьева и графа Панина.

14 января 61 года главный комитетъ уже закончилъ свои занятія. 28 было назначено первое засѣданіе Государственнаго Совѣта, куда перенесли проектъ. Засѣданіе было открыто большой рѣчью Александра II, въ началѣ которой императоръ выразилъ рѣшительное свое *требованіе*, чтобы Государственный Совѣтъ окончилъ дѣло къ половинѣ февраля; высказалъ радость свою о томъ, что народъ съ удивительнымъ спокойствіемъ дожидаетъ окончанія начатаго дѣла. Дальше импе-

раторъ разсказалъ исторію крѣпостного права. „Оно у насъ прежде не существовало: право это установлено самодержавной властью, и только самодержавная власть можетъ уничтожить его; а на это есть моя прямая воля“, заявилъ императоръ; затѣмъ Александръ II изложилъ ходъ работы, предпринятой по дѣлу освобожденія и въ концѣ выразилъ *требованіе*, чтобы члены Государственнаго Совѣта, „отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали, какъ государственные сановники“. Засѣданія Государственнаго Совѣта продолжались всего двѣ съ половиной недѣли. Большинство членовъ Совѣта были *противъ* проекта, и засѣданія были очень бурны. Государь, большею частью, соглашался съ меньшинствомъ; однако, согласно мнѣнію подавляющаго большинства, государь одобрилъ новое уменьшеніе предѣльныхъ нормъ надѣловъ для многихъ уѣздовъ и, кромѣ того, введеніе такъ называемаго четвертного, или „нищенскаго“, надѣла, по предложенію кн. Гагарина. Установленіе такъ называемыхъ „нищенскихъ“ надѣловъ очень тяжело отразилось впослѣдствіи на положеніи сотенъ тысячъ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что, кромѣ выкупа, Положеніе 19 февраля установило еще другой способъ прекращенія обязательныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками: именно, по добровольному соглашенію съ крестьянами, помѣщикъ могъ *подарить* имъ часть ихъ надѣла, съ такимъ расчетомъ, чтобы этотъ „дарственный“ (сиротскій или нищенскій) надѣлъ былъ бы не меньше одной четвертой высшаго надѣла (т.-е. въ большинствѣ случаевъ меньше одной десятины на ревизскую душу). Уступая эту незначительную часть надѣльной земли помѣщикъ, этимъ самымъ вы-

купалъ себѣ и потомству своему право вѣчнаго пользованія безъ всякихъ дальнѣйшихъ проволочекъ той частью, которую ему пришлось бы отдать крестьянамъ на общихъ съ другими условіяхъ выкупной операціи. При этомъ черезъ 9 лѣтъ послѣ обнародованія Положенія 19 февраля крестьяне, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, могли отказаться отъ пользованія землею, до одной трети высшаго или указнаго надѣла, и затѣмъ черезъ эти 9 лѣтъ получали право и навсегда отказаться отъ пользованія надѣленною землею.

Установленіе такого „добровольнаго соглашенія", вмѣсто общихъ повсюду правилъ выкупа, какъ рѣшили редакціонныя комиссіи и на что не согласилось огромное большинство членовъ Государственнаго Совѣта, для сотенъ тысячъ крестьянъ оказалось хитрой ловушкой.

Соблазняясь тѣмъ, что безъ всякихъ дальнѣйшихъ сложныхъ и безконечныхъ платежей (въ случаѣ бы выкупа) имъ предлагаютъ землю *даромъ* и безъ всякихъ проволочекъ, крестьяне въ очень многихъ мѣстахъ соглашались на приведенныя условія, и только потомъ, увидѣвъ, что другіе, по выкупу, получили большіе надѣлы, понимали съ ужасомъ, въ какую мертвую петлю втянули ихъ помѣщики, — но уже было поздно.

Что касается выкупа надѣловъ, то въ общихъ чертахъ онъ былъ основанъ на томъ, что казна брала на себя $^4/_5$ капитальной суммы, которая приходилась за надѣлъ. Эти $^4/_5$, въ видѣ ссуды помѣщику за землю, выдавались ему отъ правительства, а самая ссуда ложилась на крестьянъ, какъ ихъ долгъ казнѣ. За этотъ долгъ они обязывались казнѣ выкупнымъ платежомъ

Митр. московск. Филаретъ.
(Къ стр. 61.)

Гр. Блудовъ.
(Къ стр. 77.)

С. И. Зарудный.
(Къ стр. 77.)

Д. Н. Замятнинъ.
(Къ стр. 84.)

который опредѣлялся, какъ проценты со взятой изъ казны ссуды.

Вѣсть о скоромъ окончаніи крестьянскаго дѣла, конечно, проникла въ народъ. Изъ провинціи получались извѣстія, что ожиданія народа достигли крайней степени вѣры въ близость свободы. Великая княгиня Елена Павловна 18 февраля писала Милютину, что, по словамъ ея людей, если ничего не будетъ къ 19 февраля, чернь явится къ Зимнему дворцу съ требованіемъ освобожденія. Наконецъ 16 февраля разсмотрѣніе проекта и всѣ подготовительныя работы были закончены. Государственный секретарь В. П. Бутковъ 19 февраля отвезъ въ Зимній дворецъ проектъ манифеста, составленный митрополитомъ московскимъ Филаретомъ и положеніе о крестьянахъ для подписи. Великій день наступилъ. Милліоны людей получали свои человѣческія права, освобождаясь отъ рабства. Императоръ оставилъ проектъ у себя и наединѣ съ самимъ собой подписалъ актъ освобожденія. Рабскія цѣпи упали, разбитыя неотложной потребностью народа и дружными стараніями его друзей.

Черезъ 9 дней манифестъ былъ напечатанъ. 2 марта прочитанъ въ общемъ собраніи Сената.

Давно жданный день объявленія воли наступилъ. 5 марта, въ ясный весенній день, въ Петербургѣ съ амвона въ церквахъ былъ прочитанъ манифестъ 19 февраля. Народъ, стоявшій у манежа, гдѣ государь лично прочелъ манифестъ, снялъ шапки, когда показался государь, *но ура не смѣлъ кричать*, не имѣя на то разрѣшенія полиціи. Въ другихъ мѣстахъ манифестъ объявлялся позднѣе.

Объявленіе воли не вызвало въ народѣ той „пугачевщины", которой крѣпостническая партія пыталась запугать правительство и общество. Однако во многихъ мѣстахъ затаенныя въ народѣ на время надежды на полное освобожденіе съ достаточнымъ количествомъ земли увидѣли себя далеко не удовлетворенными, что вызвало не мало случаевъ крестьянскихъ волненій. Причинъ тому можно насчитать не мало.

Прежде всего, какъ уже сказано было, многія темныя выраженія Положенія 19 февраля, написаннаго недоступнымъ пониманію крестьянина языкомъ, вызывали самыя фантастическія, сказочныя толкованія смысла этихъ мѣстъ, особенно подъ вліяніемъ не стѣснявшагося на догадки воображенія „чтецовъ", приглашавшихся крестьянами для „вычитыванія" настоящей воли. Толкованія эти, падая на подготовленную долгимъ, страстнымъ ожиданіемъ воли почву крестьянскихъ надеждъ, дѣйствовали какъ искра на порохъ, давая взрывы иногда основательнаго, а чаще — по недоразумѣнію вспыхивавшаго озлобленія и слѣпой упорной убѣжденности, за которыми слѣдовали грабежи и убійства помѣщиковъ, „подмѣнившихъ царскую волю", какъ полагали крестьяне, а затѣмъ—усмиреніе „бунтовщиковъ" войсками и оружіемъ. Какъ часто были эти волненія, показываетъ общая цифра ихъ за 1861—63 гг.: по офиціальнымъ свѣдѣніямъ ихъ было около 1200. Съ другой стороны, не мало поводовъ къ недовольству и негодованію крестьянъ подавали и сами помѣщики, во многихъ мѣстахъ не стѣснявшіеся, путемъ хитрыхъ уловокъ, подкуповъ и взятокъ, обкрадывать крестьянъ въ землѣ, которой и по законнымъ-то

надѣламъ, установленнымъ положеніемъ, *не хватало* на то, чтобы „обезпечивать не только уплату податей и повинностей, но и самыя необходимыя потребности крестьянскаго населенія“, по словамъ ученаго изслѣдователя крестьянскаго хозяйства, пр. Янсона.

Несправедливости, всевозможные подвохи, обходъ закона, все было пущено въ ходъ помѣщиками при введеніи Положенія 19 февраля, и какъ ни плохо разбирались крестьяне въ новомъ законѣ, однако не могли не видѣть, какъ „благородное дворянство“ устраиваетъ собственное благополучіе за счетъ крестьянской безпомощности и вѣковой безправности. Не мало поводовъ къ сильному недовольству среди крестьянъ вызвала также неравномѣрность самыхъ надѣловъ, назначенныхъ въ равномъ размѣрѣ крестьянамъ одной мѣстности, но разныхъ собственниковъ: нерѣдко часть одного селенія, считавшаяся помѣщичьей, получала средніе, т.-е. не превышавшіе 2½ десятинъ, надѣлы въ то время, какъ сосѣди, считавшіеся государственными, получали 4 и выше десятины на душу.

Недостатки Положенія 19 февраля повели къ ухудшенію экономическаго положенія крестьянъ. Населеніе росло, а количество земли оставалось почти то же самое; уйти же въ другія мѣста, менѣе населенныя и съ лучшей землей, крестьяне до 1889 года не могли: только въ этомъ году вышелъ законъ, разрѣшавшій крестьянамъ по особымъ правиламъ отыскивать черезъ ходоковъ земли и переселяться.

Въ концѣ-концовъ, недостаточность надѣловъ и непомѣрно высокія повинности, съ одной стороны, и крайняя подозрительность и стѣснитель-

ность последовавшихъ законовъ о крестьянахъ, съ другой стороны, привели къ полному упадку крестьянскаго хозяйства, къ ежегоднымъ недородамъ и голодовкамъ, значительному вырожденiю крестьянскаго населенiя отъ недоѣданiя и болѣзней, къ тому воплю о *землѣ и правахъ*, который нашелъ самый живой откликъ въ первой сессiи перваго русскаго парламента.

Положенiе 19 февраля 1861 года касалось только части крестьянскаго населенiя Россiи, — именно помѣщичьихъ и дворовыхъ крестьянъ; освобожденные отъ крѣпостного права крестьяне были оставлены *податнымъ* сословiемъ, что было связано съ круговой порукой въ уплатѣ повинностей и выкупныхъ, а также и съ ограниченiемъ во многихъ очень важныхъ правахъ противъ другихъ свободныхъ сословiй: освобождаясь отъ крѣпостной власти помѣщика, крестьяне оставались прикрѣпощенными къ *землѣ*, такъ какъ покинуть надѣлъ, продать, подарить его, переѣхать въ другое мѣсто крестьянинъ не могъ; свободы въ семейныхъ раздѣлахъ не было, и т. д. Словомъ, въ смыслѣ *правовомъ* устройство крестьянскаго быта только *начиналось* Положенiемъ 19 февраля 1861 г. Предстояло развить начатую крестьянскую реформу въ области правовой — до полнаго уравненiя крестьянъ въ гражданскихъ правахъ съ другими сословiями. Съ другой стороны, экономическое положенiе крестьянъ, созданное Положенiемъ 19 февраля 1861 г. (главнымъ образомъ, недостаточность надѣловъ и несоразмѣрность съ ними платежей) требовало возможно скораго и рѣшительнаго улучшенiя и облегченiя.

Что же сдѣлано было законодательствомъ о крестьянахъ за истекшіе почти 1½ вѣка?

Прежде всего, почти вслѣдъ за окончаніемъ работъ по крестьянской реформѣ, заботы о крестьянскомъ дѣлѣ перешли или были переданы въ другія руки. Многіе изъ видныхъ дѣятелей отстранились сами, встрѣчая къ себѣ недовѣріе и враждебность правительства, другіе были удалены. Въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ, подъ руководствомъ двуличнаго новаго министра, П. А. Валуева, съ которымъ мы еще встрѣтимся въ этой книжкѣ, закипѣла работа по распространенію Положенія 19 февраля 1861 г. на другіе разряды крестьянъ, при чемъ Министерство чисто-механически примѣняло Положеніе, почти не считаясь съ мѣстными особенностями быта и условій того или другого разряда крестьянъ, и уже однимъ этимъ было нанесено не мало несправедливостей и убытковъ какъ крестьянамъ, такъ и государству. На такое механическое распространеніе (съ мелочными, но очень разнообразными измѣненіями) Положенія 19 февраля ушло *20 лѣтъ*. За это время все то, что первоначально считалось *временнымъ* въ дѣлѣ устройства крестьянъ постепенно, незамѣтно укрѣпилось и стало *постояннымъ*. Это одно значительно ухудшило положеніе крестьянъ. И уже въ концѣ 70-хъ гг. ученымъ экономистомъ, проф. Янсономъ, положеніе крестьянскаго хозяйства, на основаніи собранныхъ имъ неопровержимыхъ цифровыхъ данныхъ, изображается близкимъ къ нищенскому. Въ 12 нечерноземныхъ губ., пишетъ Янсонъ, „не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей хозяйства, *въ большинствѣ же и прокор-*

мить ихъ не въ состоянiи". Въ 19 черноземныхъ губернiяхъ, по словамъ того же ученаго, даже *высшiе* надѣлы „не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенiя".

Въ началѣ 80-хъ гг. такое тяжкое положенiе крестьянства стало побуждать правительство къ нѣкоторымъ мѣрамъ, направленнымъ на улучшенiе какъ экономическаго, такъ и правового состоянiя крестьянъ (законъ 28 декабря 1881 г. объ *обязательномъ* выкупѣ, прекратившiй „обязательныя" отношенiя между крестьянами и помѣщиками въ мѣстахъ, гдѣ еще не состоялось къ тому времени добровольныхъ сдѣлокъ о выкупѣ крестьянами надѣловъ, облегченiя въ арендѣ казенныхъ земель, и т. п.). 18 мая 1882 г. былъ учрежденъ *крестьянскiй поземельный банкъ*, дѣятельность котораго направилась на то, чтобы помочь земельной тѣснотѣ, т.-е. выдачей ссудъ облегчить крестьянамъ прикупку новыхъ участковъ. Черезъ 6 лѣтъ разрѣшено было составлять крестьянамъ особыя товарищества для покупокъ земли черезъ этотъ банкъ. Однако помощь крестьянскаго банка чувствительнѣе всего отзывалась на положенiи болѣе зажиточной части крестьянства. Гораздо большее значенiе имѣла *отмѣна подушной подати*, совершившаяся 28 мая 1885 г. Этой отмѣной съ крестьянства снималось свыше 55 милл. руб. платежей, связанныхъ съ подушной податью; мѣру эту слѣдуетъ отмѣтить еще и потому, что отмѣной подушной подати какъ бы вызывалось и дальнѣйшее уравненiе крестьянъ въ правахъ съ другими сословiями.

Но уже въ слѣдующемъ 1886 году правительство рѣзко повернуло на другую дорогу, —

въ сторону не улучшенія экономическаго положенія крестьянъ и не дальнѣйшаго уравненія ихъ въ правахъ съ другими сословіями, а въ сторону все возраставшей *опеки* власти надъ крестьянами. Въ 1873 г., при обсужденіи закона объ „уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ" тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевъ, робко говорилъ о необходимости установить через эти присутствія *руководительство* крестьянами. Въ 1886 году министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Толстой, доказывалъ уже необходимость „присвоить сходу обязанность *опеки* надъ отдѣльными членами (сельскаго) общества" въ вопросѣ объ стѣсненіи права семейныхъ раздѣловъ. Стѣсненія эти и понадобившаяся правительству *опека* надъ личностью крестьянина и была проведена въ новомъ законѣ 18 марта 1886 г. *о семейныхъ крестьянскихъ раздѣлахъ*, по которому раздѣлы, имѣющіе такое важное значеніе въ крестьянскомъ быту, допускались только съ разрѣшенія схода; безъ этого же разрѣшенія подѣлившіеся члены семьи платили подати въ томъ же размѣрѣ, какъ вся семья до раздѣла. Другой законъ того же года — *о наймѣ на сельскія работы* — передавалъ опеку уже помѣщику, ставя въ кабалу нанявшагося къ нему рабочимъ крестьянина, который сурово карался по этому закону за „самовольный" уходъ отъ хозяина. Черезъ три года стремленіе установить надъ крестьянами опеку не косвенно, черезъ сельскіе сходы и помѣщика, а прямо, черезъ своихъ чиновниковъ, законодательство осуществило въ законѣ 12 іюня 1889 г. *о земскихъ начальникахъ*, которые, совмѣщая въ своемъ лицѣ и административную и судебную власть, будучи *въ огромномъ большин-*

стьь случаевъ мѣстными помѣщиками, какъ бы вновь возродили въ деревнѣ крѣпостное право, являясь тѣми самыми „начальниками крестьянскихъ обществъ", о которыхъ мечтала крѣпостническая партія въ 1857 г. Ниже, въ главѣ о судебной реформѣ, мы скажемъ о земскихъ начальникахъ и о той роли, которую они сыграли и продолжали играть въ крестьянской жизни, подробнѣе.

Но правительство ограничивало крестьянъ не только въ области спеціальнаго крестьянскаго законодательства, но и въ области общаго. Ниже, въ главѣ о земствѣ, мы увидимъ, что по новому земскому положенію 1890 года отъ крестьянъ 1) была отнята почти половина ихъ гласныхъ, и 2) отнято право свободныхъ выборовъ гласныхъ, которыхъ съ 1890 г. долженъ утверждать губернаторъ. Изъ крупныхъ законодательныхъ перемѣнъ послѣднихъ лѣтъ надо отмѣтить *отмѣну круговой поруки* въ платежѣ повинностей (законъ 12 марта 1903 г.), въ которой уже не было и надобности, послѣ многихъ измѣненій въ податныхъ порядкахъ; къ тому же законъ этотъ допускаетъ и даже обязываетъ взыскивать недоимку самыми разорительными способами, включительно до того, что на покрытіе недоимки можетъ быть полученъ *въ отсутствіе* недоимщика его кровный заработокъ.

Введеніе народнаго представительства въ лицѣ новыхъ законодательныхъ учрежденій — Государственной Думы и реформированнаго Государственнаго Совѣта — не ознаменовалось для крестьянъ ничѣмъ положительнымъ. Единственный законодательный актъ, кое въ чемъ улучшившій правовое положеніе крестьянъ, — высочайшій указъ

5 октября 1907 г., отмѣнившій „нѣкоторыя ограниченія въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ другихъ бывшихъ податныхъ сословій“, — состоялся помимо законодательныхъ учрежденій. Указомъ 5 октября отмѣнено нѣсколько мелкихъ ограниченій крестьянъ въ правахъ (напр., земскіе гласные отъ крестьянъ не должны теперь утверждаться губернаторомъ; получившіе образованіе могутъ оставаться членами крестьянскихъ обществъ; члены одного общества могутъ вступать въ другое, не исключаясь изъ перваго; отмѣненъ порядокъ, по которому для поступленія въ среднія и высшія учебныя заведенія отъ крестьянъ требовался увольнительный приговоръ отъ общества); тѣмъ же указомъ дано право крестьянину получать *безсрочную* паспортную книжку, т.-е. отмѣнена та паспортная волокита, которая такъ тяжело отразилась и на правовомъ и на экономическомъ положеніи крестьянина, когда домохозяину, по закону 3 іюня 1894 г., временный паспортъ выдавался „не иначе, какъ съ согласія схода, подчиненнаго земскому начальнику, а членамъ крестьянскаго двора — съ согласія земскаго начальника“. Но власть земскаго начальника указомъ 5 октября оставлена была почти нетронутой, и одна эта опека „близкой къ населенію и твердой“ власти сводитъ для крестьянина положительныя статьи указа 5 октября почти на нѣтъ.

Указъ 9 ноября 1907 г., прошедшій съ нѣкоторыми измѣненіями черезъ III Государственную Думу и Государственный Совѣтъ и получившій силу закона въ 1910 г., является актомъ, который въ корнѣ измѣнитъ земельныя отношенія крестьянъ. По этому закону 1) крестьянамъ

предоставляется право требовать отъ сельскаго общества выдѣла своего участка изъ общественной земли *въ полную собственность*, 2) разселяться отдѣльными хуторами, на такъ называемыхъ „отрубныхъ участкахъ". Въ силу перваго изъ указанныхъ положеній общинный строй крестьянскаго землевладѣнія, вѣками укрѣпившійся въ крестьянской жизни, явно разрушается, создается особый классъ мелкихъ собственниковъ въ средѣ крестьянства, и тѣмъ вводится въ русскую дѣйствительность новая экономическая группа, интересы которой будутъ прямо противоположны той части крестьянства, которая обезземелится за счетъ первой. Въ силу второго (правда, въ большинствѣ насильственно насаждаемаго) порядка крестьянская община распыляется на мелкія хуторскія хозяйства, которыя ни въ чемъ уже не будутъ имѣть той помощи и поддержки со стороны сосѣдей-крестьянъ, какая имѣла мѣсто обычно въ сельскомъ „мірскомъ" хозяйствѣ.

Такимъ образомъ къ концу 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права перемѣны, внесенныя законодательствомъ въ крестьянскую жизнь, закончились удержаніемъ надъ крестьянами опеки правительственной власти въ лицѣ земскаго начальника и всего полицейскаго надзора въ деревнѣ и рѣшительнымъ натискомъ законодательства на общинное землевладѣніе крестьянства, попыткой насадить классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ и тѣмъ обезсилить крестьянскую 80-милліонную массу въ ея борьбѣ за волю и землю. Участіе крестьянъ въ законодательствѣ, т.-е. допущеніе депутатовъ отъ крестьянъ въ Государственную Думу, не могло ничѣмъ отра-

зиться на судьбѣ крестьянства, такъ какъ представительство ихъ, по закону 3 іюня 1907 года, какъ и представительство другихъ демократически настроенныхъ группъ населенія, значительно было сокращено и перевѣсъ предоставленъ помѣщичьимъ и зажиточнымъ кругамъ. Судьбы крестьянства и черезъ 50 лѣтъ послѣ паденія крѣпостного права темны и безрадостны.

ГЛАВА II.

Судебная реформа.

Уничтоженіе крѣпостного права совершилось, позорное рабство и его упорные защитники уступили дружному натиску неотложной потребности и благороднымъ усиліямъ друзьей народа. Наступала, казалось, новая жизнь для русскаго народа, жизнь „свободныхъ полноправныхъ гражданъ". Безправные люди получили права, и правительство, торжественно обѣщавшее заняться „усовершенствованіемъ внутренняго благоустройства Россіи", должно было понимать, что сдѣланъ пока еще, хотя и самый главный, но всего первый шагъ: задумавши строить домъ, нельзя было успокоиться на томъ, что заложенъ фундаментъ. Путь для „благоустройства" только открывался съ отмѣной крѣпостного права, или, вѣрнѣе, народнаго безправія.

Прежде всего и больше всего отъ крѣпостныхъ порядковъ страдало правосудіе. Вѣрнѣе сказать, что при крѣпостномъ правѣ его не было вовсе, да и не могло его быть. Крѣпостные были уже потому лишены всякой надежды и права на правосудіе, что были крѣпостными. Ихъ первымъ и послѣднимъ судьей былъ помѣщикъ. Судъ этотъ, правда, былъ скорый, но милостивымъ и правымъ, т.-е. справедливымъ, его нельзя было назвать

никакъ. Тотъ же судъ, который былъ вообще установленъ для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, былъ такимъ судомъ, про который И. С. Аксаковъ, черезъ 20 лѣтъ послѣ его уничтоженія, могъ только одно написать: „Старый судъ? При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ"...

Старый судъ не зналъ ничего, кромѣ писанной бумаги. Живой человѣкъ, вся его жизнь, всѣ общественныя, экономическія и внутреннія душевныя причины, которыя натолкнули его на проступокъ или преступленіе, не существовали для судей, которые рѣшали дѣла, или, вѣрнѣе, подписывали заготовленные крючкотворомъ-секретаремъ готовыя рѣшенія, въ своихъ камерахъ и канцеляріяхъ *тайно*, по бумагамъ, а не устнымъ *гласнымъ* способомъ, какъ теперь; доказательствомъ вины была опять-таки бумага, написанная чиновникомъ, который составлялъ ее, конечно, въ пользу того, кто далъ ему покрупнѣе взятку. Правда поэтому всегда оказывалась на сторонѣ не праваго, а того, кто побогаче и повліятельнѣе. Судьи, прокуроры, подьячіе, повытчики,—всѣ и повсюду брали взятки, и это было, конечно, однимъ изъ главныхъ золъ стараго суда. Чтобы показать, каковъ былъ старый судъ и какая была въ немъ справедливость, разскажемъ здѣсь объ одномъ дѣлѣ. Въ судебной перепискѣ есть „дѣло о помѣшательствѣ и смерти несовершеннолѣтней фигурантки московскихъ театровъ Авдотьи Аршининой". Заключалось дѣло въ томъ, что молодой московскій аристократъ, князь Че—скій, напоилъ возбуждающимъ растворомъ молоденькую дѣвушку-фигурантку (т.-е. артистку балета), проданную ему ея же отцомъ, въ компаніи со

своими пріятелями, изнасиловалъ ее и тѣмъ довелъ до состоянія остраго помѣшательства. Доставленная въ больницу (съ тяжелыми мѣстными пораненіями), она черезъ нѣсколько дней умерла. Какъ посмотрѣлъ на это возмутительное преступленіе молодыхъ аристократовъ тогдашній судъ? А вотъ какъ: московскій совѣстный судъ 9 февраля 1848 г. заключилъ: подсудимаго Че—скаго отдать въ солдаты съ *выслугою и безъ лишенія* правъ, а при неспособности къ военной службѣ—въ писцы военнаго вѣдомства, также съ выслугою и безъ потери правъ. Послѣ разсмотрѣнія въ Сенатѣ, послѣ долгой волокиты, послѣ доклада императору Николаю, приговоръ былъ, наконецъ, окончательно утвержденъ Сенатомъ уже въ 52 году въ томъ же самомъ размѣрѣ, съ прибавкой... церковнаго покаянія.

Люди состоятельные, чиновные, титулованные, наконецъ, просто дворяне, могли, строго говоря, считать себя вполнѣ безнаказанными при такомъ судѣ. Кражи и хищенія, особенно казенныхъ денегъ, считались дѣломъ „отъ Бога положеннымъ". Если же случалось иногда, что по той или другой причинѣ изъ „временнаго позаимствованія" получалось „дѣло", то оно тянулось безконечно, а укравшій дворянинъ или чиновникъ, или просто „большой человѣкъ", продолжалъ себѣ попрежнему благодушествовать, угощая пріѣзжающихъ слѣдователей, задаривая въ нужное время разнымъ способомъ судей, и все было въ порядкѣ. Съ другими же людьми, особенно изъ людей малосостоятельныхъ, особенно не церемонились; побоями, а часто настоящими *пытками* и *истязаніями* добывала отъ нихъ полиція сознаніе въ разныхъ поступкахъ, которыхъ они никогда и не

совершали. По этимъ „дознаніямъ" выводилось обвиненіе. И часто человѣкъ присуждался къ Сибири, каторгѣ и плетямъ только за то, что *побоями* и *истязаніями* у него вымогали сознаніе въ преступленіи, котораго онъ не помышлялъ совершить.

Благодаря канцелярской тайнѣ и безконечной волокитѣ, дѣла затягивались такъ, какъ это было для судей или для богатыхъ подсудимыхъ выгодно. Напримѣръ, дѣло „о пропажѣ изъ Московскаго уѣзднаго казначейства мѣдной монеты на 115 тысячъ", начатое въ 1844 году, окончилось *черезъ 21 годъ*, въ 1865 году.

Слѣдствіе производила полиція. Тутъ ужъ все, конечно, зависѣло отъ того, могъ или не могъ подозрѣваемый откупиться взятками. Главнымъ образомъ, старались добиться того, чтобы подозрѣваемый кого-нибудь оговорилъ, или чтобы онъ сознался. Для этого всѣ средства были хороши. На первомъ планѣ, разумѣется, были угрозы, побои, истязанія, даже *пытки* [1]). Такъ какъ дѣла тянулись безконечно, то подсудимые все это время томились въ тюрьмахъ. Тюрьмы же того времени были крайне тѣсны, арестантовъ держали впроголодь, подаянія сострадательныхъ людей едва въ третьей части доходили до заключенныхъ. Уголовныя наказанія сопровождались почти во всѣхъ случаяхъ битьемъ плетьми, розгами, наложеніемъ клейма (буквы К. А. Т. на лбу и щекахъ), кромѣ того, особыми жестокими наказаніями шпицрутенами или прогнаніемъ сквозь строй.

---

[1]) Напр., въ 1820 г., послѣ ревизіи гр. Сперанскимъ Сибири, при работахъ по укрѣпленію береговъ р. Ангары, былъ сломанъ домъ прежней губернской канцеляріи, въ которомъ нашли *застѣнокъ, съ разными орудіями пытки* (Бар. М. А. Корфъ. „Жизнь гр. Сперанскаго", т. II, стр. 237).

Взятки, подкупы, продажность судей, самые судебные уставы,—все было подъ стать крѣпостнымъ порядкамъ, все на нихъ покоилось. Но съ отмѣной крѣпостного права положеніе крестьянъ, т.-е. главной части населенія, измѣнилось. Изъ безправныхъ рабовъ 23 милліона людей обращались въ свободныхъ. Отношенія между крестьянами, купцами, горожанами, помѣщиками и властями получались совершенно иныя. Ясно, что при прежнихъ судебныхъ порядкахъ нельзя было оставаться.

Сознаніе несовершенства судовъ у правительства было еще за 20 лѣтъ до описываемаго времени. Но во главѣ судебнаго вѣдомства стоялъ 30 лѣтъ министромъ юстиціи графъ Панинъ. Мы уже знаемъ по крестьянской реформѣ, что это былъ за человѣкъ. Въ крестьянскомъ вопросѣ онъ былъ завзятымъ крѣпостникомъ. Въ судебномъ дѣлѣ онъ былъ тупой законникъ - буквоѣдъ, не допускавшій мысли о томъ, чтобы что-нибудь надо было въ корень измѣнить въ судебныхъ порядкахъ. За 30 лѣтъ своего владычества въ Министерствѣ Юстиціи онъ не провелъ *ни одной* значительной, что-нибудь улучшавшей реформы. Иногда ему приходила фантазія перемѣнить что-нибудь въ порядкахъ канцелярій. Но даже эти пустяковыя перемѣны Панинъ устраивалъ чисто по-самодурски, какъ ему въ голову пришло, не обращая вниманія на то, что отъ такой перемѣны и чиновникамъ хуже и для дѣла вредъ. Поэтому неудивительно, что работы по подготовкѣ судебной реформы начались не при Министерствѣ Юстиціи, которое, конечно, должно бы было первое за это взяться, а при II отдѣленіи Е. И. В. канцеляріи. Главноуправляющимъ II

отдѣленіемъ былъ графъ Блудовъ. Еще въ 43 г. графъ Блудовъ затребовалъ отъ чиновъ судебнаго вѣдомства замѣчанія ихъ о главныхъ недостаткахъ дѣйствующаго судебнаго законодательства. Въ 1850 и 52 г. графъ Блудовъ исходатайствовалъ Высочайшія повелѣнія объ устройствѣ при II отдѣленіи комитета для составленія проектовъ новыхъ судебныхъ уставовъ. Съ воцареніемъ Александра II комитетъ этотъ рѣзко измѣнилъ направленіе своихъ работъ: общій умственный подъемъ, произведенный работами по отмѣнѣ крѣпостного права, конечно, захватилъ и графа Блудова, который, кстати сказать, никогда не былъ врагомъ народной свободы и правъ. Въ 1857—60 годахъ графъ Блудовъ представилъ въ Государственный Совѣтъ новые уставы, въ которыхъ главными основами было: почти полное отдѣленіе власти судебной отъ административной, уничтоженіе канцелярской тайны, введеніе адвокатуры, т.-е. защитниковъ, *гласности* (публичности суда) и устности. По этимъ новымъ уставамъ вводилось бы сравнительно съ существовавшими порядками, много хорошаго и полезнаго въ судѣ. Но жизнь шла быстро впередъ, и для нея этого новаго было бы мало. Великое событіе освобожденія крестьянъ въ корень, какъ уже сказано было, измѣняло всѣ отношенія. Вмѣсто прежняго *помѣщичьяго* суда, вѣрнѣе самодурской расправы, надо было устроить судъ отъ государства и общества. „При крѣпостномъ правѣ,- говоритъ одинъ изъ создателей судебныхъ уставовъ Александра II, С. И. Зарудный, — при крѣпостномъ правѣ въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями тогда были помѣщики... Послѣ 19 февраля и высшіе наши сановники сознали, что

появилась безотлагательная необходимость въ судѣ скоромъ и справедливомъ“.

По возвращеніи своемъ изъ Крыма, осенью 61 года, государь пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло судебнаго преобразованія. Государственный секретарь Бутковъ въ представленномъ докладѣ указалъ на встрѣченныя II отдѣленіемъ затрудненія при разборѣ проектовъ новыхъ судебныхъ уставовъ, составленныхъ графомъ Блудовымъ, и предлагалъ, прежде чѣмъ обсуждать эти проекты во всѣхъ подробностяхъ, сначала опредѣлить и утвердить *основныя начала* для работъ по новому судопроизводству. Государь согласился съ этимъ докладомъ Буткова. 19 октября 61 года Бутковымъ былъ представленъ на утвержденіе государя новый докладъ, составленный С. И. Зарудным. По этому докладу, утвержденному государемъ, поручалось государственной канцеляріи, *вмѣстѣ съ прикомандированными туда юристами*, извлечь изъ проектовъ графа Блудова *главныя основныя начала*.

На первый взглядъ отъ этого распоряженія дѣло какъ будто мало подвигалось впередъ. Но на дѣлѣ было иначе. Во-первыхъ, починъ и руководство перешло къ Буткову и главному сотруднику его Зарудному, который всей душой стоялъ за самыя коренныя перемѣны въ устройствѣ суда. Кромѣ того, прикомандированные къ государственной канцеляріи юристы были все люди, изучившіе право, стоявшіе на той высотѣ знаній, какая была достигнута въ свободныхъ и культурныхъ европейскихъ государствахъ.

Къ концу 61 года эти юристы разобрали проекты Блудова и убѣдились въ томъ, что его

проекты судебныхъ уставовъ плохо между собой согласованы и что ничего цѣльнаго изъ нихъ нельзя составить, а надо все дѣло сдѣлать сызнова, положивъ въ основу тѣ главныя правила и начала, которыя выработаны въ юридической наукѣ лучшими учеными юристами и оправдали ужъ себя на практикѣ.

Въ январѣ 62 года, когда гр. Блудова въ Государственномъ Совѣтѣ замѣнили княземъ Гагаринымъ, состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ разрѣшалось изложить въ общихъ чертахъ соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ „главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи“.

Западныя государства, какъ болѣе образованныя и свободныя давно поняли, какъ важно для всего государства и для каждаго отдѣльнаго гражданина, чтобы права и обязанности ихъ были точно обозначены въ законѣ. Точно такъ же хорошо понимали тамъ и то, что права каждаго человѣка могутъ быть только тогда прочными и вѣрными, когда ихъ защищаетъ *независимый* отъ другихъ властей судъ, которому нельзя приказывать этого обвинить, а этого оправдать, нельзя въ немъ перемѣнять судей иначе, какъ по суду; что только твердое исполненіе судомъ законовъ можетъ ограждать права отдѣльнаго человѣка, или личности; что судъ долженъ быть *открытымъ*, *гласнымъ*, гдѣ все разбирательство проходитъ на глазахъ у каждаго, кто пожелаетъ прійти въ судъ на разборъ дѣла; что судъ долженъ быть *скорый*, безъ проволочки; что правильнѣе всего,

если въ важныхъ дѣлахъ вопросъ о томъ, виноватъ или не виноватъ подсудимый, будутъ рѣшать *выборные* отъ общества люди *(присяжные)*, которые самого подсудимаго никогда не знали и ничѣмъ въ его дѣлѣ не заинтересованы, а потому могутъ судить его по чистой совѣсти и по своему крайнему разумѣнію; судьи же должны только опредѣлять послѣ приговора присяжныхъ, какое наказаніе назначить виновному изъ тѣхъ, какія положены по законамъ; что не всякій обвиняемый можетъ самъ доказать свою невиновность или объяснить всѣ причины, толкнувшія его на путь проступка или преступленія, а потому справедливо, чтобы каждый обвиняемый имѣлъ за себя *защитникомъ* человѣка опытнаго, знающаго законы и образованнаго, который бы защищалъ его на судѣ отъ обвиненія; что и тому, кто обвиняетъ подсудимаго и тому, кто защищаетъ его, надо дать право говорить открыто рѣчи, дозволить допрашивать на судѣ и обвиняемаго и потерпѣвшаго и каждаго свидѣтеля.

Желая и въ Россіи устроить судъ на такихъ же основаніяхъ, юристы, которымъ поручили составить новые судебные уставы, рѣшили позаимствовать изъ судебныхъ уставовъ европейскихъ государствъ все лучшее, удобное и вполнѣ справедливое, оправдавшее себя на дѣлѣ, на опытѣ, а именно: судъ съ присяжными; несмѣняемость судей; независимость ихъ отъ какихъ-нибудь властей, а также независимость защитниковъ или адвокатовъ; равенство всѣхъ передъ закономъ; устное разбирательство; гласность суда; раздѣленіе властей судебныхъ и административныхъ.

Эти главныя основанія или „Основныя положенія судебнаго преобразованія" въ трехъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта—27 августа, 3 и 4 сентября 62 года—были приняты *единогласно*. Даже Панинъ заявилъ, что „дѣйствительно независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ".

Эти „Основныя положенія" были утверждены государемъ и затѣмъ опубликованы. Несмотря на то, что въ Россіи тогда немного было образованныхъ юристовъ, со всѣхъ концовъ ея поступило 446 различныхъ замѣчаній, записокъ и т. п., доказывавшихъ, что повсюду желаніе суда праваго и скораго, основаннаго на законѣ, а не на произволѣ, было самымъ больнымъ мѣстомъ. Всѣ эти „замѣчанія" были собраны вмѣстѣ и напечатаны по мысли С. И. Заруднаго, который съ самаго начала настаивалъ и добивался того, чтобы всякому желающему могли быть извѣстны тѣ общія основанія, на которыхъ выработавшіе ихъ юристы предложили составленіе новыхъ судебныхъ уставовъ.

Какъ отнеслось къ предположенной реформѣ судовъ общество?

Послѣ того, какъ крѣпостники потерпѣли пораженіе и крѣпостное право перестало существовать, имъ не изъ-за чего было особенно возставать противъ хорошаго и правильнаго устройства суда. Скорѣе напротивъ: чувствуя себя сильными при крѣпостномъ правѣ, относясь къ суду презрительно, считая себя самихъ высшими судьями надъ крѣпостными своими, съ отмѣной крѣпостного права они почувствовали, что всѣ отношенія въ государствѣ измѣнились, и что надо кому-нибудь эти новыя отношенія наладить и устано-

вить. Мировыхъ посредниковъ, которые устанавливали земельныя отношенія между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными по Положенію 19 февраля, было, конечно, для этого недостаточно. Нуженъ былъ судъ, притомъ такой, къ которому всякій могъ бы относиться съ уваженіемъ; необходимость въ немъ всѣми чувствовалась и сознавалась многими. Поэтому извѣстія о томъ, что правительство рѣшило кореннымъ образомъ передѣлать судъ и устроить судъ „скорый, правый и милостивый", было встрѣчено безъ той злобы, какою встрѣчены были вѣсти о намѣреніяхъ правительства отмѣнить крѣпостное право. Однако и тутъ не обошлось безъ нѣкоторой борьбы. Больше всего нападали на мысль о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ. Люди крѣпостническаго склада мыслей старались доказать, что устроить судъ присяжныхъ у насъ нельзя, потому что присяжные, выбранные изъ неграмотныхъ крестьянъ, будутъ не въ состояніи ничего понять на судѣ; что нельзя изъ вчерашняго раба дѣлать судью; что вообще судъ присяжныхъ, т.-е. судей, выбранныхъ отъ общества, вредное дѣло; что это поведетъ къ тому, что всякій начнетъ считать свои права большими, чѣмъ на самомъ дѣлѣ...

За всѣмъ этимъ пряталась, конечно, совсѣмъ другая мысль. Люди, изъ рукъ которыхъ друзья народа только что вырвали гнусное крѣпостное право, хорошо понимали, что этотъ судъ будетъ защищать законныя права каждаго, главнымъ образомъ, по совѣсти, по внутреннему убѣжденію: что отъ этого суда ловкому человѣку нельзя будетъ уйти безнаказанно только потому, что нѣтъ на него достаточныхъ прямыхъ уликъ.

Защищая судъ присяжныхъ отъ всѣхъ возраженій его противниковъ, юристы, составлявшіе „Основныя положенія“ для будущаго устройства суда, говорили въ своихъ „соображеніяхъ“, что *именно потому*, что народъ нашъ мало развитъ и надо устроить судъ присяжныхъ, такъ какъ въ числѣ другихъ оснований къ введенію суда присяжныхъ „не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество“. Что именно „неразвитость“ нашего народа требуетъ *скорѣйшаго* введенія суда присяжныхъ, потому что такой именно народъ (т.-е. плохо развитой, мало образованный) и нуждается въ судьяхъ, *которые бы вполнѣ его понимали*. Кромѣ того, судъ присяжныхъ потому еще особенно въ Россіи былъ желателенъ, что у насъ, какъ нигдѣ въ другой странѣ, понятія, обычаи и образъ жизни одного сословія совсѣмъ не похожи на понятія, обычаи и образъ жизни другого сословія. Поэтому одни судья изъ высшихъ классовъ населенія, безъ помощи присяжныхъ отъ разныхъ сословій, даже и не могутъ, при всемъ желаніи, вполнѣ правильно разбираться въ такихъ дѣлахъ, гдѣ будутъ подсудимые и потерпѣвшіе изъ другихъ сословій. Какъ ни нападали и тогда и потомъ на судъ присяжныхъ, онъ вполнѣ оправдалъ защиту сторонниковъ его и, кромѣ великой пользы, ничего не принесъ съ собой „вреднаго“; зато самъ пострадалъ отъ безчисленныхъ нападковъ враговъ законной защиты правъ каждаго, потому что много важнѣйшихъ дѣлъ, разбиравшихся сначала съ участіемъ присяжныхъ, впослѣдствіи было отъ него отнято и передано суду „коронныхъ“, т.-е. назначенныхъ

отъ правительства судей и „сословныхъ представителей".

Послѣ того, какъ „Основныя положенія" были утверждены государемъ, работа по составленію проектовъ судебныхъ установленій (т.-е. всего, что относится къ самому устройству судебныхъ мѣстъ) закипѣла дружно. Засѣданія и собранія комиссіи происходили днемъ и вечеромъ, затягиваясь въ жаркихъ спорахъ за полночь. Осенью 63 года комиссія закончила уже, всего черезъ 11 мѣсяцевъ работы, всѣ свои труды и представила полные проекты съ объяснительными записками (1758 печатныхъ страницъ) на заключеніе II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи и министра юстиціи Д. Н. Замятнина; затѣмъ проекты перешли въ Государственный Совѣтъ, который ко 2 октября 69 года, послѣ незначительныхъ поправокъ, окончилъ ихъ разсмотрѣніе. 20 ноября 1864 года новые судебные уставы были подписаны Александромъ II въ Царскомъ Селѣ. Въ этотъ же день подписанъ былъ указъ Правительствующему Сенату, которому повелѣвалось распубликовать новые судебные уставы во всеобщее свѣдѣніе. Этотъ указъ, перечисливъ разныя подготовительныя работы по улучшенію судебной части въ Россіи, заканчивался такими словами: „Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы, говоритъ императоръ Александръ II, -находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить судъ *скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ* подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить въ народѣ *уваженіе къ закону*, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое *должно быть*

постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго".

Этими словами вводилось въ жизнь русскую важнѣйшее условіе здоровой жизни государства: *право* и *законъ*, которые долженъ былъ для каждаго бѣдняка и богача, простолюдина и знатнаго вельможи, безъ всякаго различія, для *всѣхъ равно*, *одинаково*, охранять судъ скорый, правый, милостивый и независимый. Ужасу и мраку тяжкаго вѣкового безправія милліоновъ русскихъ людей сильной рукой благородныхъ и просвѣщенныхъ законодателей во второй разъ наносился вѣрный, мѣткій ударъ. Крѣпостное право пало. Вслѣдъ за нимъ пало теперь его родное дѣтище—старый, продажный, жестокій несправедливый судъ, со всей своей волокитой, со своими взятками, со своей канцелярской тайной, со своимъ письменнымъ производствомъ, со всѣмъ своимъ развращавшимъ вліяніемъ. Изъ крѣпостныхъ рабовъ 23 милліона людей стали свободными. Вмѣсто темнаго застѣнка стараго суда, продажности, беззаконія и томительной волокиты открывались двери новаго, надъ которымъ засіяли долго жданныя слова: „правда и милость да царствуетъ въ судахъ".

Посмотримъ теперь, какъ былъ устроенъ новый судъ по уставамъ 64 года.

Мы уже знаемъ главныя основы, на которыхъ построены были уставы 64 года: теперь прослѣдимъ, какъ эти основы проведены были на дѣлѣ.

Прежде всего въ судебныхъ уставахъ установлены: 1) правила гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и 2) система судопроизводства. Власть судебная поручается, съ одной стороны, отдѣльнымъ лицамъ, съ другой—судебнымъ кол-

легіямъ. *Единичная* власть судебная принадлежитъ мировымъ судьямъ; затѣмъ лицамъ прокурорскаго надзора и судебнымъ слѣдователямъ, при условіи отчасти коллегіальнаго, отчасти личнаго надзора за правильностью и законностью дѣйствій отдѣльныхъ судебныхъ лицъ. *Коллегіальная* же судебная власть предоставлена съѣздамъ мировыхъ судей, окружнымъ судамъ, судебнымъ палатамъ и Правительствующему Сенату. Судебная власть всѣхъ этихъ учрежденій простирается на лица всѣхъ сословій и на всѣ дѣла, гражданскія и уголовныя. Всѣ названныя учрежденія рѣшаютъ дѣла по *существу*, за исключеніемъ Сената, который (какъ верховный кассаціонный судъ) наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы закона, разъясняетъ всѣ сомнительные случаи въ толкованіи смысла его статей и наблюдаетъ за единообразнымъ, т.-е. одинаковымъ исполненіемъ закона всѣми судебными учрежденіями имперіи.

Чрезвычайно важными условіями для отправленія правосудія и для охраны правъ и закона въ судебныхъ уставахъ 64 года являются коллегіальность суда и судебныя инстанціи.

Подъ коллегіальностью суда разумѣютъ участіе въ отправленіи правосудія совмѣстно нѣсколькихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ. Такая коллегіальность суда [1]) важна потому, что она обезпечиваетъ большую степень внимательности судьи, большую степень справедливости его сужденій по дѣлу и большую степень точности въ исполненіи закона и въ толкованіи внутренняго смысла его статей. Такимъ образомъ

---

[1]) При участіи присяжныхъ засѣдателей судьи не участвуютъ въ опредѣленіи виновности, а только въ разборѣ дѣла и въ опредѣленіи по закону наказанія, въ случаѣ обвиненія.

правосудіе пріобрѣтаетъ при условіи коллегіальности большую равномѣрность, вдумчивость, осторожность и законность.

Другимъ важнымъ условіемъ для обезпеченія истинной силы правосудія являются судебныя инстанціи, или высшія судебныя мѣста для провѣрки рѣшеній нижестоящихъ судебныхъ мѣстъ. Число судебныхъ инстанцій сравнительно со старыми судами сокращено до двухъ. А черезъ это уничтожена безконечная волокита старыхъ судовъ, которые всегда могли тянуть дѣла десятки лѣтъ, перенося ихъ изъ одной инстанціи въ другую, выматывая силы и средства заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Теперь же, по уставамъ 64 года, дѣло уже не можетъ такъ тянуться, такъ какъ главныхъ судебныхъ инстанцій установлено всего двѣ — судебная палата и Правительствующій Сенатъ. Для дѣлъ, разбираемыхъ мировыми судьями, такой высшей инстанціей является *съѣздъ мировыхъ судей*, т.-е. собраніе участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей. Для окружныхъ судовъ — судебная палата. Для окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ — Правительствующій Сенатъ.

Приговоры суда первой инстанціи (т.-е. мировыхъ судей, или окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей) могутъ быть въ законный срокъ обжалованы (апелляціи) въ первомъ случаѣ — въ съѣздъ мировыхъ судей, во второмъ — въ судебную палату. Приговоры же ея, какъ и окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, считаются окончательными и могутъ быть обжалованы въ Сенатъ и отмѣнены имъ только въ случаѣ нарушенія или неправильнаго примѣненія закона (такая жалоба на нарушеніе или непра-

вильное примѣненіе закона называется кассаціонной жалобой).

Учрежденіе судебныхъ инстанцій тоже весьма важно для охраны правосудія, права и закона, такъ какъ возможность перенесенія дѣла на разсмотрѣніе высшей судебной инстанціи понуждаетъ судъ низшей инстанціи дѣйствовать возможно осмотрительно и согласно съ точнымъ смысломъ закона, а потерпѣвшему отъ неправильнаго, или несправедливаго, или нарушающаго точный смыслъ закона толкованія его и примѣненія даетъ законную надежду на болѣе правильное, справедливое и согласное съ закономъ рѣшеніе его дѣла. Кромѣ того, разсмотрѣніе дѣлъ въ высшемъ кассаціонномъ судилищѣ имперіи, т.-е. въ Правительствующемъ Сенатѣ, обезпечиваетъ правосудію точное толкованіе внутренняго смысла закона и помогаетъ въ такомъ толкованіи закона всѣмъ судебнымъ учрежденіямъ имперіи; толкованія Сената или такъ называемыя „рѣшенія кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената“ создаютъ основанія для правильнаго разрѣшенія запутанныхъ судебныхъ дѣлъ согласно буквѣ и смыслу закона.

Одной изъ главныхъ основъ судебныхъ уставовъ 64 года, какъ мы видѣли, есть *гласность* новаго судопроизводства и *состязательность* судебнаго разбирательства какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Состязательность судебнаго разбирательства заключается въ томъ, что обстоятельства дѣла выясняются при помощи преній сторонъ, т.-е. судебнаго спора между представителями обвиненія и защиты. Уставы 64 года вполнѣ правильно оцѣнили устройство системы защиты въ западныхъ странахъ, гдѣ

защита вручена или самому подсудимому или же особымъ защитникамъ (адвокатамъ). Вводя адвокатуру въ русскій судъ, составители судебныхъ уставовъ Александра II отнеслись съ полнымъ уваженіемъ къ этому институту и положили въ основу его устройства начала коллегіальности, независимости и самоуправленія. Давая русскимъ адвокатамъ званіе присяжнаго повѣреннаго, уставы 64 года озаботились о томъ, чтобы адвокаты высоко и честно могли держать знамя своей важной и отвѣтственной дѣятельности. Для этого судебные уставы 64 года сплотили присяжныхъ повѣренныхъ въ отдѣльное *сословіе*, для принадлежности къ которому, помимо знаній и университетскаго образованія, нужны еще извѣстныя нравственныя качества, такъ какъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ право принять или не принять къ себѣ новаго члена послѣ извѣстнаго испытанія его нравственныхъ и дѣловыхъ свойствъ, разрѣшая работать новому собрату сначала въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго подъ руководствомъ и наблюденіемъ одного изъ опытныхъ своихъ сочленовъ, а затѣмъ уже ходайствуютъ передъ окружнымъ судомъ о представленіи новаго принимаемаго въ сословіе адвоката на утвержденіе министромъ юстиціи. Кромѣ того, при округѣ судебной палаты могутъ быть образованы особые, *выборные* отъ всего сословія округа „совѣты присяжныхъ повѣренныхъ“; на обязанности этихъ совѣтовъ лежитъ общее наблюденіе надъ дѣятельностью всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ своего округа, наложеніе дисциплинарныхъ взысканій на провинившихся, взысканіе за дѣйствія, не составляющія нарушенія законовъ, а представляющія изъ себя

нарушеніе обычаевъ и обыкновеній сословія. Такая постановка сословія присяжныхъ повѣренныхъ обезпечила значительный нравственный уровень русской адвокатурѣ.

Всѣ дѣла гражданскія, т.-е. дѣла по имущественнымъ тяжбамъ, спорамъ и искамъ, по новымъ судебнымъ уставамъ поручены разбирательству „коронныхъ" судей, т.-е. судей, назначенныхъ правительствомъ. Судъ гражданскій, такъ же, какъ и уголовный, коллегіаленъ: дѣла рабираются въ публичномъ, гласномъ засѣданіи не менѣе, какъ 3-мя судьями (2-мя членами суда подъ предсѣдательствомъ 3-го, или товарища предсѣдателя окружнаго суда, съ замѣной иногда члена суда почетнымъ мировымъ судьей). Громадное число дѣлъ, прошедшихъ въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ и другихъ инстанцій, и строго законное, добросовѣстное и справедливое ихъ рѣшеніе позволяетъ сказать, что дѣятельность нашихъ коронныхъ судей „цивилистовъ" (т.-е. занимающихся гражданскими дѣлами) принесла населенію и всему государству большую пользу и содѣйствовала воспитанію въ народной массѣ уваженія къ суду и вѣры въ законность его дѣйствій. Это огромная работа, такъ какъ старый судъ пріучилъ народъ бояться его, не вѣрить, не уважать и не понимать законовъ.

Къ сожалѣнію, двери новаго суда открылись не сразу повсемѣстно. Суды открывались постепенно, начиная съ Петербургскаго судебнаго округа, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ Европейской Россіи новые суды начали дѣйствовать черезъ 4 года. Но даже черезъ 25 лѣтъ это намѣреніе, какъ многія другія хорошія намѣренія, не было исполнено, потому что очень скоро свѣтлая заря

довѣрія къ силамъ народа и общества стала меркнуть, задергиваться тучами, уступая мѣсто выползавшимъ изъ всѣхъ щелей сумеркамъ опеки надъ народомъ, продолжающейся до нашихъ дней.

17 апрѣля 75 года, въ передѣланномъ для помѣщенія окружнаго суда и судебной палаты зданіи бывшаго арсенала, состоялось въ Петербургѣ торжественное открытіе *первыхъ* новыхъ судебныхъ установленій по судебнымъ уставамъ 20 ноября 64 года. Этого дня наша родина ждала несравненно дольше, чѣмъ великаго дня освобожденія крестьянъ. Русскіе люди, народъ русскій, былъ свободнымъ раньше. 19 февраля 61 года онъ только обратно получилъ свою свободу. Справедливаго же суда на Руси до этого дня никогда не было.

Понятно, что люди всѣхъ сословій шли толпами на первыя засѣданія новаго суда, чтобы воочію увидѣть новый судъ и новые порядки. Больше же всего ихъ притягивало туда желаніе узнать, какъ будетъ исполнять свою великую службу, какъ будетъ судить по совѣсти русскій *присяжный*, еще недавно крѣпостной рабъ. Но тотъ, кто шелъ въ новый судъ съ затаеннымъ злорадствомъ, ожидая заранѣе, что судъ присяжныхъ не оправдаетъ себя, скоро долженъ былъ признать, что душа народа осталась и послѣ двухъ вѣковъ рабства здоровой и совѣсть присяжнаго изъ народа чутка, что присяжный несетъ долгъ свой честно, осторожно и вдумчиво, по глубокому своему убѣжденію, а потому и судъ присяжныхъ оказался не только правильнымъ, не только „скорымъ, правымъ и милостивымъ", но и *мудрымъ* судомъ народной совѣсти. Къ суду приступали присяжные, какъ къ вели-

кому святому дѣлу, и именно такое ихъ отношеніе сдѣлало то, что населеніе, убѣгавшее отъ прежняго суда, старавшееся „хорониться" отъ него, какъ отъ чумы, стало постепенно пріучаться *уважать* новый судъ и *довѣрять* ему, зная и убѣдившись воочію, что этотъ судъ дѣйствительно судитъ поновому, по *закону* и по *совѣсти*, чего раньше ни въ одномъ судѣ у насъ не было.

Посмотримъ теперь, какое вліяніе на судебные уставы 64 г. оказало законодательство протекшихъ 45 лѣтъ, что новаго оно въ нихъ внесло.

Мы уже сказали, что новые суды по уставамъ Александра II вводились постепенно и, въ концѣ-концовъ, до нашихъ дней, т.-е. черезъ 45 лѣтъ, все еще далеко не повсемѣстно введены въ имперіи.

Но и введенныя уже въ жизнь новыя судебныя установленія недолго продержались на той высотѣ и независимости права, на какую ихъ поставили творцы уставовъ 64 года. Причиной (къ которой мы еще вернемся въ концѣ этой книжки) послужило то обстоятельство, что новое вино „влили въ старые мѣхи": общія условія жизни остались старыми и въ эти старыя, покоившіяся на произволѣ условія жизни хотѣли вдвинуть лишь *законъ* и *право*. И вотъ мы видимъ, какъ съ первыхъ же шаговъ новаго суда, съ первыхъ же приговоровъ присяжныхъ, съ первыхъ же рѣчей защитниковъ новыя судебныя учрежденія вызываютъ во всѣхъ, кому ненавистны свѣтъ правды и справедливости, ожесточенную злобу, а въ правительствѣ желаніе, съ каждымъ годомъ потомъ разраставшееся, сглаживать бившее въ глаза противорѣчіе между новымъ судомъ и ста-

рымъ строемъ всей остальной русской жизни. Начинается ежедневный поединокъ между закономъ и произволомъ, развертывается длинный списокъ урѣзокъ и искаженій судебныхъ уставовъ 64 года. „Всѣ онѣ (т.-е. урѣзки) *безъ единаго* исключенія направлялись къ умаленію значенія главныхъ основъ новаго суда“, при чемъ „ни одной черты не было прибавлено въ *законодательномъ* порядкѣ“ (т.-е. въ томъ порядкѣ, какимъ перешли въ законъ проекты составителей судебныхъ установленій) „для укрѣпленія, напримѣръ, самостоятельности и независимости суда, для расширенія суда съ присяжными, для упроченія присяжной адвокатуры. Всѣ измѣненія, дополненія и поправки (всего числомъ *больше 700* за 45 лѣтъ!), внесенныя въ судебные уставы 64 года, вводились незамѣтно, безъ обсужденія прежняго порядка; такимъ образомъ, снаружи казалось, что все въ уставахъ Александра II по-прежнему, а внутри содержаніе подмѣнивалось другимъ, и это другое содержаніе иногда въ корень измѣняло смыслъ многихъ статей закона, а иногда шло совершенно въ разрѣзъ съ самыми основными, общими началами судебныхъ установленій, которыя, какъ мы видѣли, составители-юристы такъ заботливо, стройно и строго старались провести въ своей законодательной работѣ. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ нововведеній, или, какъ принято называть, „новеллъ“, исказившихъ за 45 лѣтъ наши судебные уставы. Были даже такіе моменты, когда можно было сильно опасаться, что всѣ, цѣликомъ, судебные уставы 64 года будутъ замѣнены новыми и ужъ, конечно, составленными съ совершенно другими цѣлями и на совершенно иныхъ основаніяхъ.

Поэтому, чтобы только на нѣсколькихъ примѣрахъ показать разрушительную, по отношенію къ судебнымъ уставамъ 64 года, работу позднѣйшаго законодательства и получавшихъ силу закона всевозможныхъ обязательныхъ „циркуляровъ“, мы бѣгло только просмотримъ главнѣйшіе изъ нихъ, въ порядкѣ ихъ появленія.

Послѣ первыхъ же судебныхъ разбирательствъ съ присяжными засѣдателями дѣлъ по нарушеніямъ постановленій о печати, дѣлъ, кончившихся *оправданіемъ*, законъ 12 декабря 66 года *устранилъ* для цѣлаго ряда наиболѣе серьезныхъ дѣлъ „о печати“ ихъ подсудность окружному суду, а подчинилъ эти дѣла, какъ суду первой инстанціи, судебной палатѣ. Такимъ образомъ, „судъ общественной совѣсти“ вообще сохранялся, но имѣющія *общественный* интересъ и важность дѣла о нарушеніяхъ цензуры переданы суду коронному, т.-е. судей отъ правительства.

Число дѣлъ, „изъятыхъ“ изъ вѣдѣнія суда съ присяжными дальнѣйшими „новеллами“ 71, 72, 78, 80 и 86 гг., увеличивается и подтверждается, при чемъ эти „новеллы“ лишаютъ суда общественной совѣсти снова именно тѣ преступленія, которыя болѣе всего заинтересованы въ безпристрастіи и отсутствіи произвола: именно, дѣла *по всѣмъ политическимъ* преступленіямъ. Первоначальное производство по этимъ дѣламъ передается изъ рукъ судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ въ руки особыхъ учрежденій полиціи и офицеровъ корпуса жандармовъ, а разбирательство этихъ дѣлъ, т.-е. самый судъ происходитъ негласно, „при закрытыхъ дверяхъ“, иногда поручается военному суду, а за послѣдніе годы, согласно 1035 ст. Уст. уголов. судопроиз., раз-

рѣшается *безъ всякаго суда*, по усмотрѣнію и произволу администраціи, жандармеріи или министра внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ такихъ способовъ „временное", но изъ году въ годъ, 25 лѣтъ, примѣняемое уже почти въ $^2/_3$ имперіи, „положеніе объ усиленой и чрезвычайной охранѣ" устанавливаетъ еще особый, внѣсудебный порядокъ производства и разрѣшенія политическихъ дѣлъ, освобождая администрацію отъ всякаго стѣсненія въ руководствованіи закономъ. Между тѣмъ еще при обсужденіи проекта судебныхъ уставовъ въ Государственномъ Совѣтѣ было высказано, что „*всякое изъятіе изъ общаго* порядка судопроизводства уголовнаго *возбуждаетъ недовѣріе къ суду*, котораго дѣйствія въ такомъ случаѣ обыкновенно истолковываются превратно, какъ предпринятыя будто бы не въ общихъ видахъ открытія истины".

Законъ 29 мая 69 года идетъ еще дальше названныхъ нововведеній. Онъ нарушаетъ одно изъ самыхъ основныхъ правилъ новаго суда: *равенство всѣхъ* передъ закономъ. По новымъ законамъ высшимъ чинамъ администраціи (до оберъ-полицмейстера включительно) предоставлено право, въ случаѣ призыва ихъ въ качествѣ свидѣтелей по дѣлу, *требовать допроса ихъ на дому* (1 членомъ окружного суда, а не всей комиссіей по дѣламъ въ окружныхъ судахъ). Этотъ законъ дѣлаетъ то, что занятія высшей администраціи и полиціи ставятся какъ бы выше отправленія членами суда правосудія.

Несмѣняемость судей еще въ 66 году, при введеніи судебныхъ уставовъ на Кавказѣ, была признана „непримѣнимой", и затѣмъ въ 71, 75, 78, 88, 89 и слѣдующихъ годахъ эта „непри-

мѣнимость“ все подтверждалась и расширялась, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось и число мѣстъ, гдѣ судьи могли быть смѣняемы по усмотрѣнію начальства. Вмѣстѣ съ тѣмъ закономъ 25 мая 85 года ограничена и *самостоятельность* судей. Какъ будто бы усиливался только *надзоръ* за дѣятельностью судей, противъ котораго ничего бы нельзя возразить, но *одновременно* новый законъ ввелъ въ этотъ надзоръ также и *личное усмотрѣніе* и *воздѣйствіе* министра юстиціи и старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, облекая ихъ *единоличной* властью и предоставляя имъ право разныхъ „напоминаній“ и „указаній“ по отношенію къ судьямъ, что на практикѣ скоро перешло почти въ открытую возможность давать суду распоряженія о самомъ способѣ отправленія правосудія, о закрытіи дверей, т.-е. объ уничтоженіи гласности, публичности суда, другого основного начала судебныхъ уставовъ. Опять, какъ и раньше, широкому потоку „усмотрѣнія“, а главное, искаженія судебныхъ уставовъ прорѣзывалась незамѣтная на первый взглядъ щель въ строгой, казалось, неприступной твердынѣ судебныхъ уставовъ 64 года. Враждебная уставамъ 64 года рука коснулась и судебныхъ слѣдователей: независимость ихъ важна и для правосудія и для населенія, а получается эта независимость отъ Высочайшаго утвержденія исполняющаго должность слѣдователя въ должности: тогда его можно смѣстить *только* по суду. Но съ 67 года министръ все рѣже и рѣже представляетъ къ утвержденію исправляющихъ должность судебныхъ слѣдователей въ должности, незамѣтно, но мѣтко попадая въ цѣль. Уставы не измѣнены, *утвержденные* слѣдователи безъ суда не смѣня-

ются; но право министра представлять или нѣтъ къ утвержденію судебныхъ слѣдователей дѣлаетъ то, что на самомъ-то дѣлѣ слѣдователи находятся въ подчиненіи у министра.

Такимъ образомъ, на протяженіи 45 лѣтъ судебные уставы 64 года, по внѣшности, сохранены. Но внутреннее ихъ содержаніе во многомъ урѣзано и искалѣчено: изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ изъято рѣшеніе дѣлъ о печати, о преступленіяхъ политическихъ и о преступленіяхъ по должности, т.-е. преступленіяхъ лицъ изъ администраціи; поколебленъ принципъ гласности суда, равенства передъ судомъ и закономъ; несмѣняемости и независимости судей и судебныхъ слѣдователей нанесенъ тяжелый ударъ; поставлены преграды развитію адвокатуры, въ смыслѣ ограниченій по вѣроисповѣданію (законъ 89 года объ евреяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые принимаются по новому закону не иначе, какъ съ утвержденія министра юстиціи) и т. п.

Мировые судьи.

Въ новые суды (т.-е. окружный судъ, судебную палату и Сенатъ) поступали дѣла по преступленіямъ значительнымъ. Но среди населенія ежедневно возникаетъ много мелкихъ дѣлъ, разныхъ ссоръ, оскорбленій, мелкихъ тяжбъ и т. п., для которыхъ въ особенности необходимъ судъ *возможно скорый и доступный по дешевизнѣ* для населенія. Черезъ два года послѣ утвержденія новыхъ судебныхъ уставовъ, такой именно судъ для мелкихъ дѣлъ былъ устроенъ подъ названіемъ *мировыхъ судебныхъ учрежденій*.

Мысль о необходимости для мелкихъ дѣлъ создать судъ мировыхъ судей была еще у правительства въ 1826 году. Но она заглохла и только въ 59, черезъ 33 года, снова возникла и была проведена въ особой „запискѣ“ графа Блудова. Что побуждало къ тому правительство? Графъ Блудовъ объясняетъ дѣло такъ: „Основаніемъ предположеній объ учрежденіи мировыхъ судей,—говоритъ онъ,—были два важныя обстоятельства: *уничтоженіе крѣпостного состоянія и рѣшительное отдѣленіе власти судебной отъ административной.* Доселѣ крестьяне помѣщичьи, составляющіе почти половину крестьянскаго населенія, не имѣли дѣлъ гражданскихъ, и не было повода учреждать гражданскіе суды для разбирательства споровъ по имуществамъ движимымъ незначительной цѣны, какъ сіе установлено въ отношеніи къ маловажнымъ проступкамъ, кои предоставлены вѣдѣнію полиціи“. Но послѣ отмѣны крѣпостного права и устраненія, по новымъ судебнымъ уставамъ, всякаго вмѣшательства полиціи въ судебныя дѣла нельзя уже было бы оставить въ рукахъ становыхъ приставовъ разбирательство „маловажныхъ“ проступковъ. Графъ Блудовъ поэтому предлагаетъ въ своей запискѣ и считаетъ *необходимымъ* замѣнить власть и дѣятельность становыхъ „судебнымъ установленіемъ, которое будетъ гораздо полезнѣе, ибо оному можно будетъ ввѣрить и веденіе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. *Во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ,*—доказываетъ дальше графъ Блудовъ,—*существуютъ такія судебныя лица и мѣста;* они тѣмъ въ особенности полезны, что споры въ нихъ кончаются большею частію *миромъ, сокращеннымъ порядкомъ... безъ издержекъ*“.

Такіе судьи, стремившіеся покончить споръ миромъ, извѣстны подъ именемъ *мировыхъ судей*, притомъ *выборныхъ* отъ населенія. Сначала графъ Блудовъ предлагалъ выбирать мировыхъ судей изъ дворянъ. Послѣ же освобожденія крестьянъ предложилъ это право предоставить *всѣмъ* сословіямъ. Такъ это приняли и составители новыхъ судебныхъ уставовъ. Конечно, мировой судья только тогда могъ съ пользой дѣлать свое дѣло, когда къ нему и къ его рѣшеніямъ населеніе могло бы отнестись съ полнымъ довѣріемъ, зная, что онъ не покривитъ душой.

Такъ посмотрѣлъ и Государственный Совѣтъ: въ журналѣ засѣданій его въ 62 году записано: „мировые судьи должны быть по преимуществу мѣстными судьями и хранителями мира; общее довѣріе мѣстныхъ обывателей составляетъ необходимое условіе ихъ назначенія". На такихъ-то основаніяхъ и были введены въ 66 году мировые судьи. Повсюду они встрѣчены были съ большимъ интересомъ, который съ первыхъ же разборовъ дѣлъ мировыми судьями быстро перешелъ въ полное довѣріе къ нимъ и ихъ суду среди того самаго населенія, которое раньше не знало другого суда, кромѣ взятокъ, ругани и побоевъ въ полиціи.

Первые мировые судьи были выбраны удачно и вполнѣ оправдали себя. Они горячо взялись за то, чтобы добросовѣстнымъ разборомъ дѣлъ заставить обывателей, обращавшихся въ ихъ камеры, поскорѣе забыть о всѣхъ несправедливостяхъ, которыя каждый день сильные причиняли слабымъ. Народъ сейчасъ же понялъ, что новые судьи не похожи на старыхъ. Въ камерѣ своей мировой судья ко всѣмъ обращался оди-

наково вѣжливо, будь это генералъ или его кухарка. Каждаго внимательно выслушивалъ.

Всѣ тѣ проступки, которые раньше совершались совершено безнаказанно и, главнымъ образомъ, причиняли обиду, оскорбленія или убытки безправной бѣднотѣ, всѣ они теперь могли быть безъ всякихъ особенныхъ расходовъ отданы на судъ мирового судьи.

Неудивительно, что съ первыхъ же дней открытія своихъ камеръ мировые судьи были завалены массой жалобъ и прошеній. Новый судъ пришелся по душѣ населенію, кромѣ интереса, какъ что-то новое, невиданное, главнымъ образомъ, своей доступностью, быстротою и отсутствіемъ сложныхъ формальностей. Съ первыхъ же дней мировые судьи поставили себѣ правиломъ *пріохотить* народъ къ суду, пріучить къ тому, чтобы вмѣсто расправы „домашними средствами" обыватели шли въ судъ, который одинъ могъ на дѣлѣ доказать сильному, что *право*, обезпеченное закономъ, находитъ въ немъ, въ судьѣ, защитника, хотя бы обидчикъ и былъ „большимъ" человѣкомъ.

И вотъ „толпа народа валитъ къ мировымъ судьямъ, вылѣзаютъ на свѣтъ изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ такія дѣла, которыя на памяти людской никогда иначе не рѣшались, какъ кулачнымъ правомъ, а въ самомъ лучшемъ случаѣ, терпѣніемъ и забвеніемъ".

Мировые судьи, такъ быстро повсюду привлекавшіе къ себѣ довѣріе населенія, не всѣмъ, однако, нравились. Скоро въ народѣ стало проникать сознаніе, что „нынче всѣ равны передъ судомъ". Такія мысли, которымъ можно было бы только радоваться, какъ доказательству того, что

бывшіе недавно рабами люди начинали сознавать свое человѣческое достоинство, право, законность и справедливость поступковъ своихъ и другихъ людей, такія мысли въ народѣ не могли понравиться людямъ крѣпостническаго закала. Понимая, что „доброе старое время", т.-е. время крѣпостныхъ порядковъ, вернуть невозможно, крѣпостники ополчились на все, отъ чего вѣяло „новымъ" духомъ,—свободы, справедливости и законности. Конечно, новые мировые, которые, напримѣръ, „не гладили по головкѣ" барина, ускакавшаго на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленнаго имъ на дорогѣ, или мужей, не имѣвшихъ понятія, что нельзя избивать своихъ женъ до полусмерти, или господъ, прогнавшихъ слугъ, не выдавши имъ за полгода жалованіе, только потому, что они имъ, господамъ, „не понравились",—конечно, всѣмъ такимъ людямъ новые судьи не могли нравиться. Особенно отличалась въ клеветахъ и выдумкахъ на новые суды вообще и на мировыхъ судей въ частности газета „Вѣсть". А сами крѣпостники повсюду кричали о томъ, что мировые судьи „портятъ народъ", что „хама ставятъ на одну доску съ барыней" и этимъ „колеблютъ основы государства". Эти люди никакъ не могли понять, что только равенство всѣхъ передъ закономъ дѣлаетъ законъ прочнымъ, сильнымъ и тѣмъ укрѣпляетъ государство.

Но мировые судьи продолжали работать такъ же, какъ начали.

Съ 1889 года этотъ неустанный трудъ мировыхъ судей, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, былъ прерванъ: въ этомъ году вышелъ законъ о земскихъ начальникахъ, замѣнившій

мировыхъ судей „близкою къ населенію и твердою властью", той самой, которую еще въ 57 г. добивались крѣпостники сохранить за помѣщиками, убѣждая правительство присвоить помѣщику званіе „начальника крестьянскаго общества", который постарому чинилъ бы „судъ и расправу", былъ бы и *судьей* надъ крестьянами и ихъ *полиціей* [1]. Новый законъ какъ разъ и поручилъ земскимъ начальникамъ соединить въ своемъ лицѣ и судебную и административную власть. А такъ какъ земскимъ начальникомъ можетъ быть только дворянинъ - землевладѣлецъ, притомъ безъ обязательства быть человѣкомъ образованнымъ, то мы и въ правѣ сказать, что въ лицѣ земскихъ начальниковъ какъ бы воскресли, казалось, навсегда похороненные редакціонными комиссіями „начальники крестьянскихъ обществъ".

Для того, чтобы оцѣнить всю тяжесть новой „близкой къ населенію и твердой" власти для этого самаго населенія (т.-е. почти исключительно для крестьянъ),—власти, замѣнившей собой мировыхъ судей, надо прежде всего не забывать, что мировые судьи были во-1) *только* судьями, а во-2) были судьями, *выбранными* отъ населенія. Земскіе же начальники во-1) назначаются по представленію и выбору губернатора, а во-2) совмѣщаютъ въ себѣ и судейскую власть и административную. Легко понять, что для крестьянъ новымъ закономъ создано положеніе, совершенно не похожее на положеніе остальныхъ классовъ населенія: всѣ остальные русскіе граждане пользуются судебной властью, отдѣленной по судебнымъ уставамъ отъ административной, такъ какъ

[1]) См. стр. 19.

такое смѣшеніе властей, какъ въ лицѣ земскихъ начальниковъ, повсюду, во всемъ мірѣ признано совершенно непригоднымъ для судьи и роняющимъ достоинство суда.

Соединяя въ себѣ и судью и полицейскаго, земскій начальникъ въ любую минуту можетъ переводить себя изъ одной должности въ другую. Разбирая, напримѣръ, дѣло, какъ судья, онъ можетъ тутъ же наложить на подсудимаго, или свидѣтелей, или крестьянъ изъ публики чисто-полицейское взысканіе (арестъ до 3 сутокъ, напримѣръ) за самый невинный проступокъ или только показавшееся ему проступкомъ чье-нибудь дѣйствіе. Дѣйствуя же какъ представитель полицейской власти, онъ можетъ всегда, при желаніи, пустить угрозу въ ходъ, какъ судья, который самъ же будетъ судить созданное имъ же „дѣло“. Такимъ образомъ получается кругъ, изъ котораго некуда крестьянину выйти въ поискахъ правды и справедливости. А такъ какъ земскимъ начальникомъ можетъ быть едва грамотный дворянинъ, то нетрудно себѣ представить, какъ часты могутъ (и на самомъ дѣлѣ были и есть) случаи самаго грубаго произвола и попранія закона, къ тому же требующаго отъ земскаго начальника „твердой власти“. Правда, что *судебное* дѣло можетъ быть перенесено крестьяниномъ въ съѣздъ, а оттуда въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Но если и удастся крестьянину такимъ способомъ добиться правды *по суду*, то недовольный такимъ рѣшеніемъ дѣла земскій начальникъ всегда можетъ пустить въ ходъ свою полицейскую власть и такимъ образомъ „доѣхать человѣка если не мытьемъ, такъ катаньемъ“. При такихъ условіяхъ понятно то

недоброжелательство, которое почти повсемѣстно вызвалъ къ себѣ институтъ земскихъ начальниковъ и то нетерпѣніе, съ которымъ страна ждетъ отмѣны этого института, сумѣвшаго, кажется, сдѣлать все, чтобы отучить народъ отъ чувства законности.

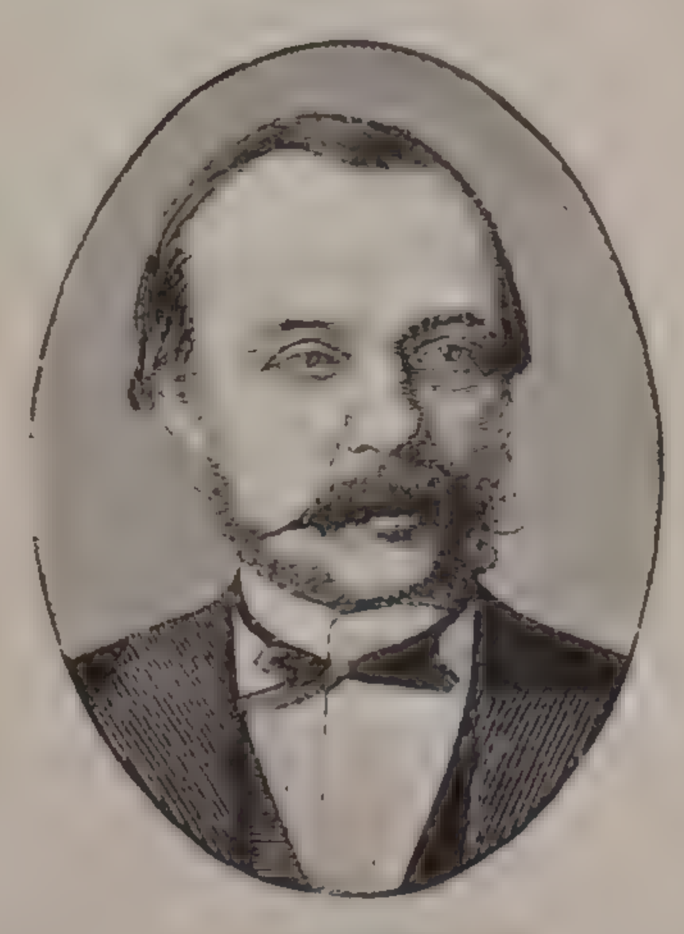
А. М. Унковскій.
(Къ стр. 104.)

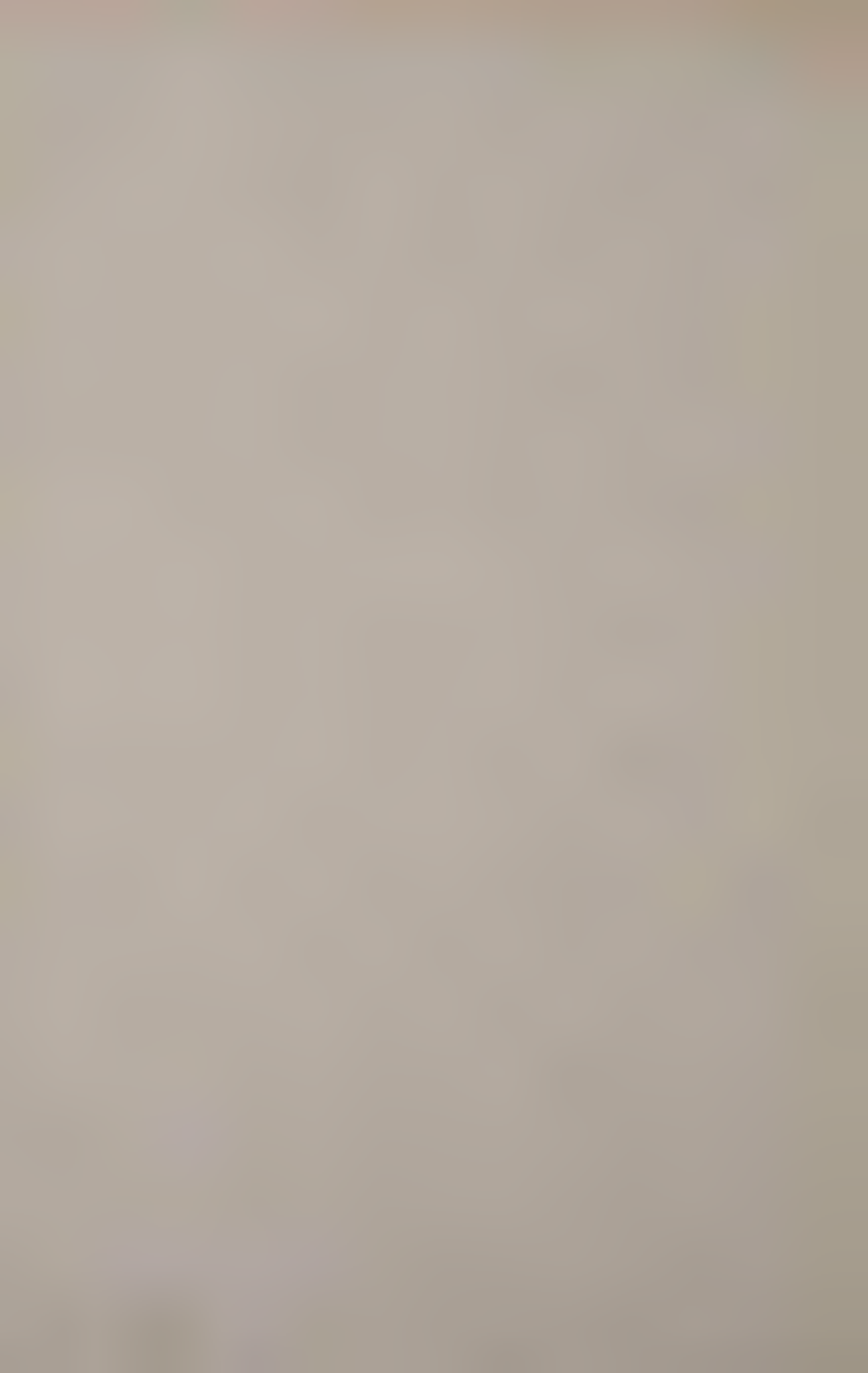
Гр. П. А. Валуевъ.
(Къ стр. 107.

Гр. Д. А. Милютинъ.
(Къ стр. 131.)

Гр. Д. А. Толстой.
(Къ стр. 137.)

ГЛАВА III.

Земство и городское самоуправленіе.

Уничтоженіе крѣпостного права въ корень измѣняло всѣ отношенія въ государствѣ.

Среди людей, отдававшихъ свои силы подготовительнымъ работамъ по отмѣнѣ крѣпостного права, было не мало такихъ, которые и тогда указывали на то, что уничтоженіе крѣпостного состоянія отразится на всѣхъ внутреннихъ нашихъ непорядкахъ и неустройствахъ. Изъ такихъ, глубоко понимавшихъ неотложныя нужды родины людей особенно опредѣленно высказался председатель тверского комитета по крестьянскому дѣлу, А. М. Унковскій. Въ отзывѣ своемъ на работы редакціонной комиссіи Унковскій предупреждалъ правительство, что „если управленіе останется попрежнему, то помѣщичьи крестьяне должны неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ"; что быть крѣпостными помѣщика даже выгоднѣе, чѣмъ чиновника, такъ какъ помѣщикъ для своей выгоды все же хоть кое-какъ да заботился о крѣпостныхъ, а чиновникъ только будетъ командовать надъ ними; что поэтому все внутреннее управленіе надо устроить такъ, чтобы чиновниковъ и чиновничьей власти было какъ можно меньше, а чтобы ихъ власть, ихъ участіе въ управленіи общественными

дѣлами были переданы выбраннымъ людямъ отъ самого общества, т.-е. чтобы общества *самоуправлялись.*

Мысли, которыя высказывалъ Унковскій, раздѣляли многіе. Редакціонныя комиссіи тоже признавали, что однимъ чиновникамъ не управиться въ тѣхъ новыхъ условіяхъ русской жизни и народнаго хозяйства, которыя наступали съ паденіемъ крѣпостного права; что необходимо участіе въ управленіи общественными дѣлами самого общества,—другими словами, необходимо общественное самоуправленіе.

И вотъ, еще до окончанія работъ редакціонныхъ комиссій, въ концѣ 50-хъ годовъ была образована особая правительственная комиссія для выработки основныхъ началъ земской реформы, на которыхъ можно было бы устроить земскія учрежденія.

Къ сожалѣнію, на этотъ разъ правительство измѣнило планъ и характеръ работъ.

Необходимо замѣтить, что при учрежденіи комиссіи для составленія Земскаго Положенія правительство рѣшило отдать всю работу въ руки чиновниковъ, совсѣмъ не допустивъ представителей общества. Подъ вліяніемъ постоянныхъ усилій крѣпостнической партіи запугать правительство, въ намѣреніяхъ его стала замѣчаться значительная перемѣна. Одушевленное въ самомъ началѣ реформъ мыслью о *коренныхъ* перемѣнахъ, оно постепенно начало отступать отъ первоначальной рѣшимости. Поэтому-то Земскому Положенію и суждено было выйти изъ рукъ чиновничьей комиссіи.

Вначалѣ эта комиссія была образована подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина. Мы уже

знаемъ изъ крестьянской реформы, какой это былъ истинный другъ народа, какой это великій былъ „кузнецъ-гражданинъ", расковывавшій рабскія цѣпи неволи. Но недолго ему пришлось предсѣдательствовать въ комиссіи по земскому дѣлу. Перемѣна во взглядахъ правительства на дѣло реформъ отразилась прежде всего на тѣхъ, кто былъ душой освобожденія крестьянъ. И вотъ, подъ вліяніемъ этой перемѣны, уже въ апрѣлѣ 61 года, т.-е. всего черезъ 2 мѣсяца послѣ подписанія великаго освободительнаго манифеста 19 февраля, министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской и товарищъ его Н. А. Милютинъ получаютъ отставку. Имъ не довелось завершить завѣтное дѣло, которому оба они отдавали свои силы и знанія: устройство быта освобожденныхъ крестьянъ, устройство всей обновленной паденіемъ крѣпостного права внутренней жизни Россіи переходило въ руки совсѣмъ другихъ людей. Новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ П. А. Валуевъ, который и принялъ предсѣдательство въ комиссіи по земскому дѣлу.

Новый министръ былъ просто ловкій чиновникъ, человѣкъ высшаго свѣта, дорожившій своей карьерой, — человѣкъ, который, по мѣткому слову великой княгини Елены Павловны, „способенъ много наговорить, но сдѣлать немногое". И вотъ, несмотря на то, что въ составъ комиссіи по земскому дѣлу входили нѣкоторые очень способные и проявившіе себя въ другихъ реформахъ люди, напримѣръ, С. И. Зарудный (замѣчательный дѣятель судебной реформы), работы комиссіи были очень нерѣшительны, что объясняется вліяніемъ предсѣдателя Валуева. Однако прежде чѣмъ составить полный проектъ

Земскаго Положенія, комиссія выработала свои „соображенія объ устройствѣ земскаго хозяйственнаго управленія". Въ нихъ комиссія высказывалась въ томъ смыслѣ, что земскому самоуправленію „должна быть предоставлена дѣйствительная и самостоятельная власть въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго интереса, мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ"; что правительственной власти надо предоставить только право *надзора за законностью* состоявшихся земскихъ постановленій; что земскія учрежденія должны имѣть отвѣтственность только *передъ судомъ*, а не передъ администраціей.

Относительно состава земскихъ учрежденій комиссія въ своихъ первоначальныхъ „соображеніяхъ" держалась того мнѣнія, что *все* населеніе уѣзда, которое участвуетъ въ общихъ хозяйственныхъ интересахъ, должно имѣть право и на участіе въ завѣдываніи дѣлами, „до этихъ интересовъ касающимися". Этимъ соображеніемъ комиссія указывала на то, что въ завѣдываніи этими дѣлами, т.-е. вообще въ земскомъ дѣлѣ, должны на одинаковыхъ правахъ участвовать *всѣ сословія вмѣстѣ*, безъ всякаго раздѣленія, безъ всякихъ особыхъ сословныхъ преимуществъ.

Такимъ образомъ комиссія первоначально высказалась за то, чтобы было создано дѣйствительно независимое, самостоятельное и притомъ *всесословное* земство.

Но эти намѣренія во многомъ были урѣзаны Валуевымъ и его единомышленниками. Принявъ послѣ Милютина подъ свое предсѣдательство комиссію по земскому дѣлу, Валуевъ началъ гнуть планы реформы по-своему, часто не скрывая своихъ цѣлей. Даже въ офиціальныхъ рѣчахъ

онъ прямо заявлялъ, что устройство независимыхъ земскихъ учрежденій „свяжетъ руки правительству“! Буквально такъ онъ и выразился въ своей рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ.

Общество, какъ мы уже знаемъ, было лишено права принимать участіе въ занятіяхъ комиссіи. Когда же проектъ Земскаго Положенія былъ внесенъ на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, то туда хотя и были приглашены дворянскіе предводители и городскіе головы Москвы и Петербурга, но, конечно, ихъ слабые голоса если и раздавались иногда въ защиту правъ земства, то никакого вліянія не могли оказывать. На мнѣніе же печати въ это время особеннаго вниманія, какъ раньше, правительство уже не обращало. Въ Государственномъ Совѣтѣ изъ всего числа членовъ его только 4 были противъ того, чтобы гласные избирались по сословіямъ въ отдѣльныхъ собраніяхъ, на чемъ настаивалъ проектъ валуевской комиссіи, желавшей придать земству *сословный* характеръ. 4 члена указывали на то, что цѣль земскихъ учрежденій состоитъ въ томъ, чтобы въ каждой мѣстности призвать къ завѣдыванію мѣстными хозяйственными дѣлами *всѣ классы* общества, земство составляющіе, безразлично, такъ какъ самое земство есть не что иное, какъ соединеніе жителей одной мѣстности для удовлетворенія своимъ общимъ хозяйственнымъ нуждамъ. По проекту избиратели гласныхъ раздѣлены были на три собранія: землевладѣльческое (почти одни дворяне), городское и сельское. 4 члена объясняли въ Государственномъ Совѣтѣ, что избранные въ такихъ отдѣльныхъ собраніяхъ мѣстныхъ сословій люди будутъ считать себя не представителями общихъ

всему земству интересовъ, а защитниками особыхъ выгодъ каждый своего класса или сословія. При такомъ порядкѣ не будетъ никакого *единодушія*, которое должно составлять главный характеръ земскихъ учрежденій. Поэтому 4 члена настаивали на томъ, чтобы гласныхъ избирали въ *общихъ* собраніяхъ, на которыхъ присутствовали бы всѣ избиратели *безъ различія сословій*, отчего гласные тогда смотрѣли бы на себя, какъ на уполномоченныхъ всего земскаго общества, и могли бы стоять за общіе для всего земства интересы, а не за выгоды, нужныя какому-нибудь отдѣльному сословію. Но большинство числа членовъ Государственнаго Совѣта не согласилось съ ними, а выступило въ защиту проекта.

По вопросу о томъ, кому быть предсѣдателемъ на собраніяхъ уѣзднаго земства, голоса раздѣлились поровну. Одни считали правильнымъ, чтобы собраніе уѣзднаго земства выбирало предсѣдателя изъ своего состава; другіе стояли за то, чтобы предсѣдателемъ былъ уѣздный предводитель дворянства. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился государь, оно было утверждено и получило силу закона. Относительно предсѣдателя губернскаго земскаго собранія меньшинство членовъ Государственнаго Совѣта считало, что справедливо было бы дать собранію право самому избирать изъ своего состава предсѣдателя. Если же предсѣдателемъ будетъ губернскій предводитель дворянства, то этимъ одному сословію въ земствѣ будетъ оказано явное предпочтеніе передъ остальными, входящими на одинаковыхъ правахъ въ его составъ; кромѣ того, предсѣдатель, какъ избранный однимъ всего сословіемъ, можетъ считать, что онъ поэтому обязанъ защищать на губернскихъ зем-

скихъ собраніяхъ интересы только своего, дворянскаго, сословія.

Но большинство членовъ Государственнаго Совѣта и тутъ настояло на томъ, чтобы предсѣдателемъ губернскихъ земскихъ собраній былъ губернскій предводитель дворянства.

Относительно самаго важнаго вопроса, — вопроса о томъ, какими дѣлами будетъ вѣдать земство, какія на земствѣ будутъ обязанности и какія будутъ даны ему права, — валуевская комиссія проводила ту мысль, что земскія учрежденія, „имѣя характеръ мѣстный“ и общественный... „не могутъ имѣть въ своемъ подчиненіи какія-либо изъ правительственныхъ мѣстъ“. Другими словами, земскія учрежденія должны быть, по проекту, *съ правами и обязанностями, но безъ всякой власти.* Земскія учрежденія, говорилось въ проектѣ, — это учрежденія *мѣстныя*, общественныя, а не государственныя. Поэтому дѣла земскихъ учрежденій — дѣла мѣстныя, а дѣла правительственныхъ учрежденій — дѣла общегосударственныя. Кромѣ того, комиссія въ своемъ проектѣ опредѣлила, что изъ мѣстныхъ дѣлъ земства вѣдаютъ не всѣ дѣла, а только дѣла *мѣстнаго общественнаго хозяйства.* Къ этимъ мѣстнымъ хозяйственнымъ дѣламъ были отнесены:

1) завѣдываніе нѣкоторой частью ($^1/_3$) всѣхъ губернскихъ земскихъ повинностей;

2) дѣла по народному продовольствію;

3) дѣла по охраненію народнаго здравія;

4) дѣла по народному образованію;

5) дѣла по взаимному страхованію и

6) по развитію торговли и промысловъ.

Отдѣливъ земскія дѣла, какъ дѣла мѣстныя и притомъ хозяйственныя, отъ всѣхъ другихъ

дѣлъ общегосударственныхъ, проектъ валуевской комиссіи, перешедшій затѣмъ съ небольшими измѣненіями въ законъ о земствѣ, отдѣлилъ другъ отъ друга то, что невозможно отдѣлить. Многія дѣла, безчисленные вопросы, поднимавшіеся впослѣдствіи въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ, какимъ-нибудь однимъ земствомъ, бывали вопросами, рѣшеніе которыхъ было бы важно не для этого одного мѣста, а для всего государства. Но всякій разъ, когда такой вопросъ поднимался, правительство указывало земству на то, что его дѣло заниматься только своими мѣстными дѣлами, а не общегосударственными. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы важное для заявившаго о немъ земства и для всего государства дѣло было рѣшено по ходатайству того земства, которое о немъ заговорило, сразу, для пользы всѣхъ земствъ или для пользы всего государства, — такое дѣло часто именно потому не получало нужнаго рѣшенія, что о немъ земство взялось хлопотать и показало тѣмъ, что оно „незаконно поднимаетъ общегосударственные вопросы".

Рѣшая вопросъ о томъ, кто именно будетъ входить въ составъ земства, кто будетъ имѣть право избирать земскихъ гласныхъ, валуевская комиссія предложила въ своемъ проектѣ Земскаго Положенія раздѣлить избирателей не по отдѣльнымъ округамъ, а просто на три отдѣльныхъ группы, положивъ въ основу права избирать гласныхъ обладаніе извѣстнымъ количествомъ земли. Группы избирателей комиссія предложила раздѣлить на три:

1) частныхъ землевладѣльцевъ,
2) городскія общества и
3) общества сельскія.

Такимъ образомъ вполнѣ сохранялось раздѣленіе избирателей *по сословіямъ*. При этомъ дворяне-землевладѣльцы получали явное преимущество передъ другими двумя группами избирателей.

Отношеніе земскихъ учрежденій къ учрежденіямъ правительственнымъ проектъ комиссіи устанавливалъ далеко не такъ, какъ сами же составители проекта предполагали въ своихъ „соображеніяхъ“. Какъ уже мы знаемъ, тамъ, въ этихъ своихъ „соображеніяхъ“, комиссія высказывалась за то, что земскому самоуправленію „должна быть предоставлена дѣйствительная и самостоятельная власть въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ“; что правительственная власть должна имѣть только право надзора за законностью состоявшихся земскихъ постановленій; что, наконецъ, земскія учрежденія должны за свои дѣйствія отвѣчать только передъ судомъ, а не передъ администраціей. Но отъ этихъ своихъ же предположеній, которыя могли обезпечить дѣлу земства силу независимой живой работы, почти ничего не осталось въ проектѣ. На дѣлѣ оказалось иначе: самостоятельность дѣйствій земскихъ собраній была ограничена проектомъ тѣмъ, что губернатору предоставлено было право останавливать не только незаконныя постановленія земства, но и такія, которыя, *по мнѣнію* губернатора, могли бы быть несогласными съ государственной пользой. Губернаторами бываютъ люди разные, и „мнѣнія“ у нихъ могутъ быть тоже разныя. Поэтому ясно, что, давая губернатору право по одному своему *мнѣнію* (которое, конечно, не всегда могло быть вполнѣ вѣрнымъ и правильнымъ останавливать постановленія зем-

ства, — давая это право губернатору, проектъ валуевской комиссіи отдавалъ земское дѣло во многихъ случаяхъ вполнѣ на произволъ губернской правительственной власти, вмѣсто того, чтобы дать только право надзора за законностью постановленій земства, какъ это предполагала сначала сдѣлать комиссія. Кромѣ того, проектъ валуевской комиссіи давалъ той же правительственной власти въ лицѣ губернатора еще одинъ способъ связать руки самостоятельности земства: по проекту губернаторъ утверждаетъ смѣты земскихъ доходовъ и расходовъ, и безъ его утвержденія смѣты земства не могутъ приводиться въ исполненіе. Такимъ образомъ земства не могли, по проекту, сами ни назначать суммы своихъ сборовъ ни распредѣлять эту сумму по своимъ расходамъ. Этимъ правиломъ, а кромѣ того, и многими другими, проектъ приводилъ самостоятельность земства къ тому, что во всякомъ важномъ дѣлѣ земство могло дѣйствовать только съ утвержденія своихъ постановленій губернаторомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ опасенія Валуева, что земство „свяжетъ руки правительству“, земству пришлось прочитать навыворотъ.

Проектъ, послѣ нѣкоторыхъ измѣненій, изъ которыхъ самымъ крупнымъ было предложеніе министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, чтобы въ число земскихъ дѣлъ были включены заботы о народномъ просвѣщеніи, былъ утвержденъ государемъ 1 января 1864 года и сталъ закономъ подъ названіемъ „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“.

Организація земскихъ учрежденій по закону 1864 г.

Посмотримъ теперь, какъ были устроены самыя земскія учрежденія по закону 64 года. Мы уже знаемъ, что земства учреждались для управленія „мѣстными хозяйственными дѣлами", къ которымъ законъ отнесъ, главнымъ образомъ, завѣдываніе частью земскихъ повинностей, капиталами и имуществами, а также

заботы о народномъ здравіи,
заботы о народномъ образованіи,
завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ,
путями сообщенія и т. д.

Положеніе 64 года раздѣлило земства на *губернскія* и *уѣздныя*. Тѣ и другія состоятъ изъ земскихъ собраній, которымъ принадлежитъ общая распорядительная власть и надзоръ за тѣми земскими учрежденіями, которыя *исполняютъ* постановленія земскихъ собраній, — за *губернскими* и *уѣздными земскими управами*.

Собранія состоятъ изъ гласныхъ: *уѣздныхъ*, избираемыхъ особыми избирательными собраніями и волостными сходами, и *губернскихъ*, избираемыхъ изъ числа своихъ гласныхъ уѣздными собраніями. Для выборовъ земскихъ гласныхъ отъ уѣзда населеніе его разбито на три части: на землевладѣльцевъ частныхъ и на городскія и сельскія общества. Выборы производятся на особыхъ съѣздахъ: землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и выборныхъ отъ сельскихъ обществъ. Чтобы имѣть право выбора, для частныхъ землевладѣльцевъ надо имѣть земли цѣнностью не ниже 15.000 руб. или же имѣть за-

водъ, фабрику и т. п. съ годовымъ оборотомъ не меньше 6.000 руб.

Такъ какъ во время введенія земскихъ учрежденій „частными землевладѣльцами“ были почти одни дворяне, то въ земскихъ собраніяхъ дворянъ оказалось больше, чѣмъ лицъ другихъ сословій: именно, въ 22 губерніяхъ за первыя 2 трехлѣтія дворянъ было 44,9%, крестьянъ — 37,4%, духовныхъ—½%, остальныхъ—17,2%; значитъ, изъ 100 человѣкъ гласныхъ 45 были дворяне, т.-е. они составляли почти половину всѣхъ остальныхъ сословій. По новому же положенію 90 года, о которомъ скажемъ дальше, это число дворянъ-гласныхъ еще сильно увеличилось, такъ какъ у крестьянъ новымъ закономъ были отняты 40,3% ихъ гласныхъ, и всѣ эти гласные изъ крестьянъ замѣнены дворянами.

Съѣзды землевладѣльцевъ и городскіе избирали въ гласные только своихъ членовъ, а сельскіе какъ своихъ членовъ, такъ и членовъ съѣзда землевладѣльцевъ, а также и членовъ мѣстнаго духовенства.

Самыя собранія земскія раздѣляются на *очередныя*, одинъ разъ въ году, и *чрезвычайныя*, по мѣрѣ встрѣтившейся неотложной необходимости. Предсѣдательствуетъ какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, въ уѣздныхъ собраніяхъ — уѣздный предводитель дворянства, а въ губернскихъ — губернскій предводитель дворянства.

Работа земскихъ собраній заключается въ разсмотрѣніи и утвержденіи смѣты доходовъ (земскихъ сборовъ) и расходовъ; въ разсмотрѣніи докладовъ управы по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства, и въ общемъ наблюденіи и руковод-

ствѣ всѣмъ земскимъ дѣломъ по уѣзду или губерніи.

Такимъ образомъ земское собраніе является органомъ гласнаго и притомъ публичнаго обсужденія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью земства; подъ перекрестнымъ огнемъ живого, словеснаго обсужденія выясняется въ собраніи дѣйствительная польза того или другого мѣропріятія; освѣщаются всѣ неудачи и промахи; становятся тутъ же въ собраніи очевидными, достойныя или не оправдавшія оказаннаго довѣрія дѣйствія земскихъ работниковъ... Словомъ, воочію обнажаются передъ всѣми гласными всѣ свѣтлыя и темныя стороны огромнаго сложнаго земскаго дѣла. Присутствіе же публики на земскихъ собраніяхъ даетъ возможность всему обществу, каждому желающему, лично удостовѣриться въ томъ положеніи земскаго дѣла, какое оно имѣетъ въ данное время и такъ или иначе отнестись къ работамъ земства. Такая публичность земскихъ собраній ставитъ всю работу земства подъ живой, непосредственный контроль всего общества. Нѣтъ необходимости добавлять, что сознаніе этого широкаго общественнаго контроля, живого сочувствія или порицанія общественнаго даетъ прочную точку опоры нравственной для земскихъ гласныхъ и тружениковъ.

Къ сожалѣнію, далеко не въ полной мѣрѣ такой общественный контроль могъ вліять на дѣятельность земскихъ собраній. Съ одной стороны, гласность ограничивалась, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, тѣмъ настойчивѣе и безцеремоннѣе предсѣдателями собраній. Съ другой стороны, отчеты о земскихъ собраніяхъ, проходя черезъ цензуру и подъ давленіемъ тѣхъ же предсѣдателей

собраній давали въ печати иногда до смѣшного исковерканныя и искаженныя картины происходившихъ на собраніяхъ дебатовъ и столкновеній... Наконецъ, съ третьей стороны, нерѣдки въ исторіи земскихъ собраній случаи удаленія публики, т.-е. ограниченіе естественнаго и законнаго права всего общества на дѣйствительный непосредственный общественный контроль. Такія мѣры никогда не могли принести пользы земскимъ собраніямъ и ихъ занятіямъ, несмотря на то, что именно въ этихъ цѣляхъ — предоставленія земскимъ гласнымъ „удобства занятій" —публика не допускалась администраціей на собранія. Проходя въ необычной обстановкѣ, земскія собранія обыкновенно теряли необходимое для работы бодрое настроеніе, невольно смѣнявшееся угрюмымъ и подавленнымъ. Работа валилась изъ рукъ, многіе важные вопросы не получали полнаго разрѣшенія, и нерѣдко собранія закрывались, далеко не выполнивъ какъ слѣдуетъ своихъ задачъ. Живое общественное дѣло меньше всего способно выносить безучастно насильственный разрывъ съ обществомъ. Лучшія условія работы земства, какъ общественнаго самоуправленія, заключаются въ непрерывной живой связи съ обществомъ. А между тѣмъ эта связь насильственно разрушалась все чаще и упорнѣе, а въ отвѣтъ на это и земство и общество чувствовали себя еще ближе другъ къ другу, еще роднѣе... Этимъ и объясняется, повидимому, то, что, несмотря на всѣ безчисленныя и все возраставшія препятствія, воздвигавшіяся позднѣйшимъ законодательствомъ на путяхъ дѣятельности земства, эта дѣятельность оказалась живучей и устойчивой, принесшей родинѣ очевидную неоспоримую пользу.

Нельзя сказать, чтобы новый законъ былъ встрѣченъ вполнѣ сочувственно печатью и лучшей, образованной частью общества. Лучшія газеты и журналы того времени указывали на то, что новый законъ, „вызванный неудовлетворительностью прежняго канцелярскаго порядка въ управленіи народнымъ хозяйствомъ составленъ именно тѣмъ же самымъ канцелярскимъ порядкомъ, т.-е. безъ приглашенія общественной помощи для составленія новаго закона". Указывали въ печати на то, что участіе общественныхъ силъ въ качествѣ выбранныхъ членовъ губернскихъ комитетовъ и приглашенныхъ лицъ въ редакціонныя комиссіи сильно помогло въ свое время правительству при работахъ по величайшему законодательному дѣлу — освобожденію крестьянъ.

Въ общемъ новый законъ признавался такимъ закономъ, который вносилъ много новаго въ жизнь народную, но все это новое земства, къ сожалѣнію, не получали возможности самостоятельно проводить въ жизнь, будучи по закону ограничены властнымъ вмѣшательствомъ губернаторской власти и высшей правительственной. А тамъ, гдѣ нѣтъ самостоятельности, а учрежденія принуждены дѣйствовать по указкѣ начальства, трудно говорить о настоящемъ самоуправленіи...

Начиная съ февраля 65 года начали открываться новыя земскія учрежденія, и къ 75 году они были введены въ 33 губерніяхъ Европейской Россіи.

Несмотря, однако, на многія препятствія, поставленныя земскому дѣлу въ самомъ законѣ; несмотря на постоянное увеличеніе этихъ препятствій правительствомъ съ теченіемъ времени;

несмотря на то, что въ самое земство и его дѣятельность крѣпостническая партія никогда не упускала случая бросить грязью клеветы или доноса; несмотря на то, что предсѣдатели губернскихъ земскихъ собраній усердно пользовались властью запрещать обсужденіе нежелательныхъ имъ или дворянству, или начальству, или правительству вопросовъ; несмотря на то, что въ гласные могли быть выбраны только люди состоятельные, а многіе, хотя и выдающіеся своимъ умомъ, образованіемъ и способностями люди, не имѣя извѣстнаго количества земли, не могли принести съ собой въ земство своихъ взглядовъ и своихъ занятій, такъ какъ не могли быть избираемы въ гласные; несмотря на бѣдность денежныхъ средствъ, несмотря на всѣ эти препятствія и недостатки, — земство сумѣло, однако, поднять всѣ отдѣлы народнаго хозяйства. Все, что имѣетъ теперь деревня хорошаго, полезнаго и прямо необходимаго, т.-е. экономію въ расходахъ по общему земскому хозяйству, народную школу, больницу, земское страхованіе, сельско-хозяйственные склады земледѣльческихъ орудій, помощь въ кредитѣ на обсѣмененіе, помощь въ переселенческомъ и продовольственномъ дѣлѣ и проч., — все это деревня получила благодаря неустаннымъ трудамъ земства, какъ самоуправленія, внутренняя сила котораго постоянно привлекала на работу земства не чиновниковъ, а людей, преданныхъ земскому дѣлу, котораго поэтому не могли ослабить и обезсилить вполнѣ ни клевета, ни препятствія, ни крутыя мѣры.

Въ 90 году, т.-е. всего черезъ 26 лѣтъ послѣ введенія земскихъ учрежденій 64 года, Положеніе о земствѣ было значительно измѣнено.

Такъ называемое Земское Положеніе 90 года многое отняло изъ стараго положенія, а власть правительственную надъ земскимъ дѣломъ очень усилило. По новому Положенію 90 года раздѣленіе на сословія въ земствѣ увеличено, и тѣмъ усилено участіе дворянскаго сословія; земскія управы, подчиненныя раньше только собраніямъ, подчинены теперь, кромѣ того, и губернатору. Непосредственный выборъ крестьянскихъ гласныхъ волостными сходами замѣненъ выборомъ *кандидатовъ*, изъ числа которыхъ уже губернаторы, по отзывамъ земскихъ начальниковъ, назначаютъ гласныхъ въ земское собраніе. Кромѣ наблюденія за законностью земскихъ постановленій, губернатору и высшей правительственной власти предоставлено наблюденіе и за *цѣлесообразностью* этихъ постановленій,—другими словами, то, что собраніе земское находитъ полезнымъ, нужнымъ, пригоднымъ, разумнымъ, губернаторъ всегда, при желаніи, можетъ признать вреднымъ, ненужнымъ, негоднымъ, неразумнымъ. Если и по прежнему Положенію губернаторъ могъ останавливать нежелательныя ему земскія постановленія, подводя ихъ подъ незаконныя, то по новому Положенію 90 года въ этомъ смыслѣ губернатору новый законъ вполнѣ развязалъ руки. При желаніи остановить то или другое дѣло, къ которому земское собраніе рѣшило приступить, нетрудно признать это дѣло „нецѣлесообразнымъ", т.-е. вреднымъ, невыгоднымъ или неразумнымъ, тѣмъ болѣе, что никакихъ объясненій или доказательствъ законъ отъ губернатора не требуетъ. При несогласіяхъ земскаго собранія съ протестомъ губернатора по извѣстному вопросу, раньше вопросъ этотъ вносился

снова въ слѣдующее собраніе. По новому Положенію такое, опротестованное губернаторомъ, постановленіе собранія передается не въ слѣдующее земское собраніе, а въ особое „губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе", собирающееся *подъ предсѣдательствомъ того же самаго губернатора*, на дѣйствія котораго земское собраніе приноситъ жалобу. Такимъ образомъ земству по новому закону 90 года приходится жаловаться на губернатора ему же самому, а затѣмъ уже въ Сенатъ, если дѣло идетъ о законности. Если же дѣло идетъ о цѣлесообразности, то жалоба земства на протестъ губернатора идетъ въ Комитетъ Министровъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ Государственный Совѣтъ.

„Въ общемъ, — говоритъ проф. Кизеветтеръ,—Положеніе 90 года устранило тотъ основной взглядъ на характеръ земскихъ учрежденій, какъ на частные, хозяйственные, общественные союзы, на которыхъ была построена земская реформа. Положеніе 90 года придало земскимъ учрежденіямъ подобающее имъ значеніе государственныхъ правительственныхъ учрежденій, но... это признаніе за земствами государственнаго характера выразилось не въ надѣленіи земскихъ учрежденій извѣстными прерогативами (т.-е. преимуществами правъ и власти) правительственной власти, но въ еще большемъ стѣсненіи земской самодѣятельности бюрократическимъ (чиновническимъ) надзоромъ и руководительствомъ".

Черезъ 10 лѣтъ послѣ изданія Земскаго Положенія 90 года, 12 іюня 1900 года, вышелъ новый законъ „Объ установленіи предѣльности земскаго обложенія" въ земскихъ губерніяхъ.

Этотъ новый законъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ „закона о фиксаціи (закрѣпленіи) земскихъ сборовъ", зажалъ въ желѣзные тиски силы земства и ростъ земскаго дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, если раньше надзоръ правительства за земскими сборами и расходами, т.-е за смѣтами земскихъ собраній, сильно стѣснялъ работу земства, подчиняя его усмотрѣнію губернатора, то легко понять, какимъ тяжелымъ гнетомъ легъ на всю земскую дѣятельность новый законъ, по которому всѣмъ земствамъ запрещено увеличивать свои сборы и расходы болѣе, чѣмъ на 3% противъ смѣты прошлаго года. Если же земство въ теченіе трехъ лѣтъ не воспользуется правомъ такой 3% надбавки, то въ послѣдующіе годы земскіе сборы могутъ быть увеличены, но не болѣе какъ на 10%.

Такимъ образомъ, если, напримѣръ, земство расходовало на народное образованіе 100 тысячъ рублей въ годъ, то прежде оно могло, по своему усмотрѣнію, во всякое время сдѣлать постановленіе на собраніи о такой прибавкѣ на этотъ расходъ, какую считало нужной для дѣла и возможной по состоянію своихъ средствъ. Теперь же по новому закону, при всемъ своемъ желаніи увеличить свои расходы на народное образованіе, несмотря на всю необходимость такого увеличенія въ интересахъ населенія, земство уже не имѣетъ права прибавить въ годъ болѣе трехъ тысячъ.

Да и эти-то три тысячи оно можетъ прибавить только тогда, когда смѣта будетъ разсмотрѣна губернаторомъ, губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ и министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, т.-е. не ранѣе 4 — 5 мѣся-

цевъ по закону, а на практикѣ еще позднѣе. Такимъ образомъ новый законъ, съ одной стороны, безпощадно урѣзалъ средства земства, а съ другой — внесъ очень чувствительную для земскаго дѣла задержку въ исполненіи постановленій земскаго собранія, которое никогда не можетъ быть увѣрено въ томъ, что его постановленія осуществятся на дѣлѣ.

Ясно, стало-быть, что дѣйствительными хозяевами въ земскомъ дѣлѣ являются не земскіе гласные, уполномоченные по закону на это плательщиками земскихъ сборовъ, а чиновники мѣстной и высшей администраціи, ничѣмъ съ населеніемъ и его интересами и нуждами не связанные.

Положеніемъ 64 года предполагалось введеніе земства и въ 9 западныхъ губерніяхъ; и вотъ, черезъ 39 лѣтъ, закономъ 2 апрѣля 1903 года для этихъ 9 губерній, ранѣе не имѣвшихъ земскихъ учрежденій, создано было, наконецъ, земство. Но земство это законодатель счелъ необходимымъ лишить самой основы земства — самоуправленія. Выборное и самоуправляющееся земство замѣнено здѣсь назначаемыми отъ правительства чиновниками, которые составляютъ изъ себя губернскіе и уѣздные „комитеты по дѣламъ земскаго хозяйства“ и управы.

Нечего и говорить, что такое „урѣзанное“ земство не представляетъ изъ себя ничего другого, какъ попытку на опытѣ замѣнить выборное и самоуправляющееся земство бюрократическими канцеляріями, на манеръ екатерининскихъ приказовъ общественнаго призрѣнія.

Ко всему этому, за послѣдніе годы присоединилась рѣзкая перемѣна въ личномъ составѣ

большинства нашихъ земствъ, благодаря чему многія культурныя начинанія земствъ разрушены, лучшіе работники или изгнаны или сами ушли, и земское дѣло въ настоящій моментъ приведено въ сильное разстройство. Только коренная реформа земства, — замѣна его всесословнымъ, введеніе мелкой земской единицы, измѣненіе избирательныхъ правъ, отмѣна имущественнаго ценза и предоставленіе полнаго самоуправленія дастъ земскому дѣлу новыя силы и вольетъ въ него новую жизнь, которая будетъ обновленіемъ и для всей страны.

Городское самоуправленіе.

„Грамотой на права и выгоды городовъ Россійской имперіи" 1785 года, при Екатеринѣ II, городскимъ обывателямъ дано было право составлять изъ себя городское общество. А для управленія общественными городскими дѣлами дозволено было обывателямъ составить *выборную* „общую городскую думу", изъ гласныхъ и городского головы.

Грамотой Екатерины II вводились въ Россіи начала общественнаго городского самоуправленія, т.-е. управленіе общественными дѣлами поручалось самому обществу городскому, черезъ его уполномоченныхъ, городскихъ гласныхъ. „Общая дума" выбирала уже изъ своего состава шестигласную городскую думу, въ которой каждому изъ разрядовъ обывателей предоставлялось имѣть по одному гласному. Городская дума и завѣдывала городскимъ общественнымъ хозяйствомъ, при чемъ во всѣхъ доходахъ и расходахъ она обязана была давать отчетъ губернатору.

Изъ различныхъ измѣненій въ законодательствѣ слѣдующихъ царствованій укажемъ только на Положеніе объ общественномъ городскомъ управленіи 1846 года. Дѣло въ томъ, что Городовое Положеніе Екатерины II не знало сословнаго раздѣленія въ устройствѣ городской общины, совершенно исключивъ эту основу, которую Положеніе 46 года хотѣло соединить съ прежнимъ порядкомъ; по новому закону городская дума, *выбираемая* по *отдѣльнымъ* сословіямъ, по *всѣмъ* дѣламъ всего общества дѣйствовала въ *полномъ* своемъ составѣ, представляя собою *все* городское общество. Но по дѣламъ *отдѣльныхъ* сословій каждое изъ 5 сословій имѣло *свое* отдѣленіе гласныхъ, дѣйствовавшее съ тѣми же полномочіями, какъ и вся общая дума по дѣламъ всего городского общества. Въ общей думѣ предсѣдательствовалъ городской голова, а въ отдѣленіяхъ ея — сословные старшины. Мало-по-малу въ устройствѣ городского общественнаго управленія выяснились значительныя неудобства, мѣшавшія правильному веденію городского хозяйства. И вотъ въ 1862 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ поручалось министру внутреннихъ дѣлъ „безотлагательно принять мѣры къ улучшенію общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи".

Министерство Внутреннихъ дѣлъ рѣшило сначала получить свѣдѣнія о мѣстныхъ особенностяхъ и экономическомъ положеніи городовъ. Для этого въ каждомъ городѣ основаны были особыя комиссіи изъ представителей всѣхъ разрядовъ городскихъ обывателей.

Такимъ образомъ въ дѣлѣ реформы городского управленія правительство не сочло воз-

можнымъ обойтись безъ извѣстной помощи самого общества. На основаніи собранныхъ такимъ способомъ данныхъ, Министерство составило проектъ положенія о городскомъ общественномъ управленіи и устава о городскомъ хозяйствѣ, внеся ихъ въ 1866 г. въ Государственный Совѣтъ. Оттуда эти проекты были, однако, возвращены для новаго ихъ обсужденія, черезъ 3 года были снова внесены въ Государственный Совѣтъ, но прежде окончательнаго ихъ слушанія тамъ были еще разъ возвращены и подвергнуты пересмотру въ особой комиссіи съ участіемъ городскихъ головъ обѣихъ столицъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ представителей общественнаго управленія.

16 іюня 1870 года было, наконецъ, утверждено новое Городовое Положеніе.

По этому Положенію всѣмъ городскимъ хозяйствомъ вообще распоряжается городская дума, которую составляютъ выбранные плательщиками городскихъ сборовъ гласные. Значитъ, вообще все населеніе города *не принимаетъ участія* въ этихъ выборахъ: право выборовъ принадлежитъ только извѣстному разряду жителей изъ числа платящихъ городскіе налоги и сборы. Во главѣ городской думы стоитъ городской голова, выбираемый думой, который предсѣдательствуетъ какъ въ думѣ, такъ и въ управѣ. Управа же приводитъ въ исполненіе всѣ тѣ постановленія, которыя сдѣланы въ засѣданіяхъ городской думы. Число членовъ управы устанавливается думой. Всѣ должностныя лица городского самоуправленія за свои преступленія по должности отвѣчаютъ по суду, при чемъ городской голова предается суду

по рѣшенію 1 департамента Сената, а остальныя должностныя лица—по постановленію думы.

Городское общественное управленіе завѣдуетъ капиталами и имуществомъ города, заботится о его внѣшнемъ благоустройствѣ, объ обезпеченіи продовольствія и здоровья его обывателей, о призрѣніи бѣдныхъ, о развитіи средствъ народнаго образованія и о развитіи мѣстной торговли и промышленности. Въ извѣстныхъ случаяхъ городское самоуправленіе имѣетъ право издавать обязательныя для населенія постановленія, а также устанавливать особые, такъ называемые городскіе сборы: оцѣночный, съ недвижимыхъ имуществъ, съ документовъ на право торговли, съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавокъ, съ извознаго и перевознаго промысловъ, съ лошадей и экипажей, частныхъ лицъ и проч. Городское же управленіе, взамѣнъ этихъ сборовъ, обязано содержать полицію, пожарныхъ, воинскій постой, устройство арестантскихъ помѣщеній при полиціи, отопленіе и освѣщеніе тюремъ и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, что, давая средства, напримѣръ, на содержаніе полиціи, городское самоуправленіе *лишено права* ею завѣдывать; изъ этого выходитъ не мало непріятностей и для городского самоуправленія и для жителей города, которые знаютъ, что на дѣйствія полиціи жаловаться безполезно. Въ другихъ же государствахъ устроено такъ, что разъ городъ дастъ деньги на содержаніе полиціи, то городу же, т.-е. самоуправленію городскому, и подчиняется полиція.

Городское Положеніе 70 года поручало городскому самоуправленію заботы о городскомъ хозяйствѣ, губернатору же надзоръ „за законнымъ

сего исполненіемъ". Такимъ образомъ въ предѣлахъ своей власти городское самоуправленіе дѣйствовало *самостоятельно.* Для разбора же разныхъ недоразумѣній или пререканій города съ губернаторомъ учреждено было особое губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, на постановленія котораго городское самоуправленіе могло жаловаться въ Сенатъ.

Черезъ два года послѣ обнародованія Земскаго Положенія 90 года, въ 1892 году, было Высочайше утверждено и новое Городовое Положеніе. При этомъ для составленія новаго Городового Положенія представители отъ городовъ уже не приглашались, и реформа эта вышла, такимъ образомъ, непосредственно изъ рукъ правительственной чиновничьей комиссіи.

Новое Городовое Положеніе, какъ и Земское Положеніе 90 года, во многомъ урѣзало городское самоуправленіе въ смыслѣ самостоятельности: не говоря ни слова о прежней самостоятельности городского самоуправленія, новое Положеніе подчиняетъ надзору губернатора не только законность дѣйствій городской думы, но и *правильность ихъ.* Постановленія думы губернаторъ получилъ право останавливать, если найдетъ, что 1) оно не согласно съ закономъ, а 2) не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія. Не вдаваясь въ подробности, мы только скажемъ, что стѣсненія, внесенныя новымъ Положеніемъ въ дѣло самоуправленія въ городахъ, такъ же велики и такъ же пропитаны недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ, какъ это мы видѣли въ новомъ Земскомъ Положеніи, и это, несмотря на то, что въ томъ же Высочайшемъ указѣ, при

которомъ обнародовано новое Городовое Положеніе 92 года, говорится, что при прежнемъ, 70 года, Городовомъ Положеніи благоустройство городскихъ поселеній замѣтно поднялось и улучшились многія условія городской жизни. Изъ недостатковъ же, указанныхъ далѣе въ этомъ указѣ, на первый планъ поставленъ способъ производства выборовъ и неравномѣрность ихъ. Но новое Городовое Положеніе плохо помогло этому, устранивъ отъ участія въ выборахъ такъ называемыхъ лицъ свободныхъ профессій, т.-е. наиболѣе образованныхъ людей въ русскомъ городѣ,—врачей, адвокатовъ, художниковъ и т. д., даже тамъ, гдѣ они по старому Положенію пользовались избирательными правами. Наконецъ очень многіе изъ указанныхъ недостатковъ стараго Положенія объясняются просто тяжестью обязательныхъ городскихъ расходовъ: трудно, напримѣръ, городу Козлову было выполнять всѣ свои обязательства по городскому хозяйству, если изъ 65 тысячъ рублей, составлявшихъ его бюджетъ, городъ долженъ былъ обязательно тратить около 37 тысячъ на наружную часть, полицію, пожарныхъ, тюрьмы, помѣщенія для войскъ и т. п. Такимъ образомъ, ни въ земскомъ ни въ городскомъ хозяйствѣ нѣтъ того самоуправленія, — независимаго и отвѣчающаго нуждамъ *всего* мѣстнаго населенія, которымъ справедливо гордятся многія культурныя страны, во главѣ съ Англіей, въ которой мѣстное самоуправленіе служитъ незыблемымъ фундаментомъ свободы и самодѣятельности націи и народнаго богатства.

ГЛАВА IV.

Всеобщая воинская повинность.

Одинъ за другимъ уходили ужасы и неустройства, тѣсно связаныя съ крѣпостными порядками.

Если положеніе крѣпостныхъ людей было, какъ мы видѣли, невыносимо, то что можно сказать о положеніи солдата въ николаевской арміи? Этотъ солдатъ былъ вѣдь тѣмъ же крѣпостнымъ, но только тутъ, на военной службѣ, произволъ помѣщичьей власти безмѣрно отягчался еще безпощадной жестокостью военной дисциплины. Изъ кого состояла армія? Изъ офицерства и солдатъ. Офицеры были тѣ же помѣщики - дворяне, получившіе кое - какое образованіе, позабывшіе о немъ посреди ежедневной муштровки фронтовой службы. Если среди офицерства и встрѣчались люди образованные, то только въ гвардіи, которая, послѣ событія 14 декабря 25 года, находилась подъ особо строгимъ надзоромъ Николая I. Въ арміи же образованный офицеръ былъ рѣдкостью. Большинство чванилось своимъ офицерскимъ мундиромъ, съ утра до ночи играло въ карты, проводило время въ попойкахъ и кутежахъ; командиры

заботились, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы не навлечь на парадѣ гнѣва какого-нибудь самодура-генерала, и все вниманіе обращали на маршировку и фронтовую выправку солдатъ, въ чемъ и полагалось все военное искусство. Достигали же всякихъ фронтовыхъ тонкостей вездѣ однимъ и тѣмъ же способомъ,—жестокими наказаніями и истязаніями. Другой заботой командировъ была забота о томъ, чтобы какъ можно больше съэкономить изъ тѣхъ суммъ, которыя отпускались на содержаніе солдатъ. Экономіи, конечно, главнымъ образомъ, достигали на продовольствіи солдатъ. Такимъ образомъ выходило, что жизнь солдата текла между наказаніемъ и голодомъ. Суровая военная дисциплина грозила ему ежедневно розгами, плетьми, а то и прогнаніемъ сквозь строй,—наказаніемъ, которое оканчивалось очень часто самой мучительной смертью. Такая жизнь для человѣка, отданнаго въ солдаты, тянулась *по закону 25 лѣтъ*, если, конечно, раньше этого срока солдата не забивали насмерть шпицрутенами.

Въ военную службу рекрутовъ набирали по шести человѣкъ съ тысячи; при этомъ можно было ставить за себя охотника, т.-е. человѣка, нанятаго для того за деньги. Но кромѣ того, въ военную службу имѣли право отдавать крѣпостныхъ помѣщики въ наказаніе, такъ же, какъ ссылали они своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь, отправляли для наказанія въ съѣзжій домъ или гноили ихъ въ тюрьмахъ. Значитъ, военная служба была хороша, если даже въ глазахъ помѣщиковъ она была тяжкимъ наказаніемъ для провинившихся крѣпостныхъ, подобно ссылкѣ въ Сибирь!

При крѣпостномъ правѣ такой порядокъ вполнѣ соотвѣтствовалъ всѣмъ остальнымъ, основаннымъ на крѣпостной зависимости, порядкамъ. Но съ уничтоженіемъ крѣпостного права онъ не могъ продолжаться. Мы знаемъ, что Положеніе 19 февраля 61 года возвращало крестьянамъ отнятую у нихъ свободу; мы знаемъ, что судебная реформа призвала крестьянина, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, наравнѣ съ другими сословіями судить въ судахъ по совѣсти; мы знаемъ, что земская реформа давала право крестьянамъ выбирать гласныхъ для веденія крестьянскаго хозяйства. Такая огромная перемѣна не могла не отразиться на вопросѣ о томъ, какъ же быть съ отбываніемъ воинской повинности. Возвративъ свободу и уравнявъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ правахъ съ остальными сословіями, было бы совершенной, очевидно, несправедливостью оставить на нихъ однихъ да еще на мѣщанахъ всю тяготу воинской повинности. Такая несправедливость сознавалась и самимъ правительствомъ: въ одномъ изъ мнѣній Государственнаго Совѣта о дореформенныхъ порядкахъ отбыванія воинской повинности прямо было сказано: „Вся тяжесть обязательной военной службы лежитъ исключительно на мѣщанахъ и крестьянахъ, которые, независимо отъ отбыванія оной натурою, обязаны еще были, до послѣдняго времени, нести и сопряженные съ отправленіемъ рекрутства расходы, составляющіе при наборѣ по шести человѣкъ съ тысячи душъ около 5 милліоновъ рублей въ годъ. Несправедливость сего очевидна“.

Съ паденіемъ крѣпостного права эта „очевидная несправедливость“ стала неоспоримой, и

на очередь выдвинулась необходимость замѣны прежней рекрутчины новой, согласованной съ новыми правами населенія. Всего черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ, въ 62 году, военный министръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ составилъ записку, въ которой доказывалъ всю несправедливость сословной воинской повинности и неотложность отмѣны ея. Съ 63 года отдѣльными манифестами понемногу тяжкая солдатчина и рекрутчина облегчается: срокъ службы уменьшается съ 25 до 15 лѣтъ, отмѣняется отдача въ солдаты за преступленія, улучшается содержаніе солдатъ, уничтожаются нѣкоторые виды тѣлесныхъ наказаній, воспрещается кулачная расправа, вводится обученіе грамотѣ и проч. Въ томъ же 63 году образовывается при Военномъ Министерствѣ особая комиссія для составленія новаго устава о воинской повинности. Но несмотря на всю преданность дѣлу коренной воинской реформы Д. А. Милютина, котораго поддерживалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, дѣло туго подвигалось впередъ. Крѣпостники всѣми силами боролись противъ всесословной воинской повинности, которая заставила бы „благородное" дворянство отбывать ее наравнѣ „съ мужичьемъ". Даже купцы возмущались тѣмъ, что нельзя будетъ откупаться деньгами отъ рекрутчины.

Но въ 70 году произошла война между пруссаками и французами. Пруссаки, имѣя общую воинскую повинность, лучше устроенную армію, имѣя болѣе развитыхъ солдатъ, разгромили французовъ. Это событіе показало, какъ важно для государства имѣть хорошо устроенную армію, и побѣда

пруссаковъ отозвалась на реформѣ нашей арміи и воинской повинности. 20 декабря 70 г. были уже утверждены государемъ общія основанія для выработки новаго устава, составленныя военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ. Въ этихъ „общихъ основаніяхъ" прежде всего сказано, что „защита отечества составляетъ священную обязанность каждаго русскаго гражданина"; рекруты принимаются по жребію; отъ призыва къ повинности освобождаются только люди, по тѣлеснымъ недостаткамъ непригодные къ службѣ. Отсрочка отъ призыва допускается въ видѣ исключенія для поддержки семейства, для образованія и для того, чтобы отъ призыва не страдало народное хозяйство и промышленность. Нанимать за себя охотниковъ или откупаться деньгами нельзя. Срокъ дѣйствительной службы 7 лѣтъ.

Составленный на такихъ общихъ основаніяхъ, при самомъ близкомъ участіи Милютина, проектъ новаго устава былъ 19 января 73 года внесенъ въ Государственный Совѣтъ и, кромѣ того, разосланъ на заключеніе министровъ.

Проектъ новаго устава о воинской повинности вызвалъ много различныхъ замѣчаній, изъ которыхъ очень мало было такихъ, которыя бы говорили противъ введенія всеобщей воинской повинности. Но зато многія замѣчанія на разные лады пытались защищать отъ воинской повинности тѣ или другіе интересы такъ называемыхъ привилегированныхъ, т.-е. не податныхъ сословій.

Главнымъ образомъ, въ этихъ замѣчаніяхъ нападали на тѣ льготы по воинской повинности, которыя проектъ Милютина давалъ *по образованію*.

Можно сказать, что въ своемъ проектѣ Милютинъ не меньше защищалъ дѣло народнаго образованія, чѣмъ интересы арміи. Больше того: онъ иногда даже жертвовалъ нѣкоторыми выгодами или удобствами арміи въ пользу насущныхъ нуждъ народнаго просвѣщенія. Устанавливая льготы для отбыванія повинности по образованію, Милютинъ въ своей объяснительной запискѣ указываетъ, что „воинская повинность не только не должна вредить развитію просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, а напротивъ, насколько возможно, *способствовать его распространенію*"; поэтому комиссія *единогласно* признала необходимымъ оградить интересы образованія *во всѣхъ его ступеняхъ* „не только для вольноопредѣляющихся, но даже и для лицъ, поступающихъ въ армію по жребію". Для этого и устанавливаются въ проектѣ уменьшенія срока, начиная отъ полугода службы (для получившихъ высшее образованіе) до 4-хъ лѣтъ (для окончившихъ курсъ начальныхъ училищъ), т.-е. вмѣсто 7 лѣтъ получившіе высшее образованіе получали право служить всего полгода, а окончившіе курсъ начальныхъ училищъ—4 года. Государственный Совѣтъ, обсуждая проектъ Милютина, вполнѣ соглашался съ такимъ его заботливымъ отношеніемъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія и въ одномъ изъ своихъ журналовъ засѣданій выразился такъ: „Проектъ производитъ въ высшей степени *отрадное впечатлѣніе*: при необходимомъ охраненіи интересовъ арміи и потребностей военнаго вѣдомства, въ немъ (т.-е. въ проектѣ) не только не забыта важность просвѣщенія, но можно даже съ увѣренностью сказать, что проектированныя постановленія будутъ служить наиболѣе дѣйствительнымъ

и могущественнымъ орудіемъ къ *распространенію* просвѣщенія. По мнѣнію присутствія, нельзя не принести за это составителямъ проекта справедливой доли признательности".

Но если Государственный Совѣтъ призналъ проектъ Милютина заслуживающимъ признательности, то министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой далеко не былъ благодаренъ Милютину за его заботы о распространеніи просвѣщенія.

Будучи противникомъ развитія народнаго просвѣщенія, повсюду разными ухищреніями изгоняя просвѣщеніе, вводя убійственный классицизмъ въ среднюю школу вмѣсто того, чтобы давать въ гимназіяхъ дѣйствительное образованіе и живыя, полезныя и для дальнѣйшаго образованія и для жизни знанія, графъ Д. А. Толстой не могъ, конечно, спокойно отнестись къ тому, что военный министръ въ своемъ проектѣ воинской повинности заботливо отнесся къ тому, чтобы какъ можно больше людей получало образованіе, пріобрѣтая при этомъ льготы по отбыванію повинности. Стремясь къ тому, чтобы въ Россіи образованныхъ людей было поменьше, Д. А. Толстой настойчиво добивался того, чтобы льготы по образованію какъ можно меньше могли привлекать къ полученію образованія. Поэтому онъ настаивалъ и даже требовалъ, чтобы не только окончившіе гимназію, но даже и высшія учебныя заведенія пользовались такими же льготами, какъ гимназисты VI класса и ученики школъ грамотности, т.-е. чтобы и тѣ и другіе, и окончившіе университетъ и окончившіе школу грамотности или 6 классовъ гимназіи были на дѣйствительной службѣ *три* года,

вмѣсто 9 мѣсяцевъ и $1\frac{1}{2}$ года. Требуя этого, Д. А. Толстой разсчитывалъ на то, что многіе гимназисты, „не имѣя средствъ“, бросятъ съ VI класса учиться и, значитъ, не смогутъ попасть въ высшія учебныя заведенія, а значитъ, и число получившихъ высшее образованіе уменьшится. Графу Д. А. Толстому было, конечно, не важно, что его родина не имѣетъ ни достаточнаго числа ученыхъ, ни достаточнаго числа врачей, техниковъ, юристовъ, учителей и вообще образованныхъ людей. По его мнѣнію, просвѣщеніе просто роскошь, его надо терпѣть, какъ неизбѣжное зло. И ужъ, конечно, бѣдняковъ надо держать подальше отъ этого зла. Стало-быть, никакъ нельзя льготами по образованію сманивать ихъ на ученье.

Но, къ счастью для русскихъ людей и для родины нашей, графа Д. А. Толстого поддержали всего 5 членовъ Государственнаго Совѣта. За защиту же льготъ по образованію выступили 22 члена Государственнаго Совѣта. Они указали на то, что число лицъ, получившихъ высшее образованіе, у насъ *далеко не соотвѣтствуетъ* [1]) потребности въ нихъ; что лицъ, получившихъ высшее образованіе, надо какъ можно меньше времени удерживать на дѣйствительной военной службѣ. Поэтому 22 члена Государственнаго Совѣта находили необходимымъ, чтобы для окончившихъ высшія учебныя заведенія срокъ службы

---

[1]) *Черезъ 24 года*, въ 1897 году, была произведена въ Россіи всеобщая перепись населенія; по этой переписи оказалось, что въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Москва, съ ея почти милліоннымъ населеніемъ окончившихъ высшее учебное заведеніе насчитывалось въ 1897 г. всего около 8.000 человѣкъ.

былъ значительно меньше, чѣмъ даже для окончившихъ гимназію. Но такъ какъ у насъ и окончившихъ гимназію немного, то и для нихъ льготы по отбыванію воинской повинности тоже очень важны, такъ какъ будутъ многихъ удерживать до окончанія курса.

Такимъ образомъ министръ народнаго просвѣщенія, заботившійся не о развитіи и облегченіи просвѣщенія, а объ уменьшеніи и затрудненіи его, потерпѣлъ неудачу. Но этимъ его происки не кончились. По проекту Милютина, окончившіе курсъ въ прогимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ получали право поступать вольноопредѣляющимися и черезъ 3 года быть произведенными въ офицеры. Графъ Толстой выступилъ противъ этого права и объяснялъ это тѣмъ, что офицерство въ арміи станетъ мѣщанскимъ и купеческимъ. На этотъ разъ его мнѣніе уже никѣмъ поддержано въ Государственномъ Совѣтѣ не было.

Въ разосланной членамъ Государственнаго Совѣта особой запискѣ графъ Толстой опять доказывалъ тотъ вредъ, который, по его мнѣнію, принесутъ льготы по образованію. Кромѣ всего сказаннаго, онъ настаивалъ еще въ этой запискѣ на томъ, чтобы не было отсрочекъ по отбыванію повинности для еще не успѣвшихъ окончить курсъ университета, и требовалъ, чтобы студенты непремѣнно *во время прохожденія курса* въ университетѣ отбывали повинность.

Возражая Толстому на его попытки воспользоваться воинскою повинностью, какъ удобнымъ средствомъ препятствовать полученію молодыми людьми образованія, Д. А. Милютинъ указывалъ, что сокращеніе срока службы для людей, получившихъ образованіе, нисколько военному

дѣлу не повредитъ, а дѣлу образованія и распространенія просвѣщенія на родинѣ сильно поможетъ; на требованіе же Толстого, чтобы студенты во время прохожденія университетскаго курса отбывали повинность, Милютину, военному министру, пришлось объяснять Толстому, министру народнаго просвѣщенія, что заставить студентовъ отбывать воинскую повинность—значитъ отрывать ихъ отъ правильнаго хода ихъ научныхъ занятій, а кромѣ того, въ частности, это было бы тяжело для бѣдняковъ-студентовъ, которые во время каникулъ зарабатываютъ себѣ средства для продолженія ученія.

Разобравъ доводы того и другого министровъ, Государственный Совѣтъ сталъ вполнѣ на сторону Милютина. Проектъ его былъ принятъ, домогательства Толстого оставлены безъ вниманія, и 1 января 1874 года новый уставъ о воинской повинности былъ утвержденъ государемъ. Въ манифестѣ, которымъ новый законъ сопровождался, объяснялась необходимость и важность реформы. Въ немъ указывалось, что новѣйшія событія доказали правительству, „что сила государствъ не въ одной численности войска, но преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ, достигающихъ высшаго развитія лишь тогда, когда дѣло защиты общества становится общимъ дѣломъ народа, когда всѣ *безъ различія* званій и состояній соединяются на это святое дѣло". Далѣе манифестъ прямо указывалъ на то, что реформа воинская тѣсно связана со всѣми остальными, т.-е. построена на тѣхъ же освободительныхъ началахъ. „Мы *не имѣемъ намѣренія*,—заявлялъ законодатель,—*отступить отъ началъ*, которымъ неуклонно слѣдовали во все наше царствованіе".

Не забыто было также въ манифестѣ и то значеніе для дѣла народнаго просвѣщенія, которое имѣли установленныя въ новомъ законѣ льготы. По убѣжденію законодателя, новый законъ будетъ „новымъ орудіемъ къ распространенію[1] въ народѣ истиннаго просвѣщенія и послужитъ основаніемъ и залогомъ будущаго его благоденствія".

Новый уставъ о воинской повинности сталъ однимъ изъ немногихъ законовъ, которые такъ или иначе уничтожали перегородки между сословіями. Конечно, первое мѣсто среди этихъ законовъ принадлежитъ Положенію 19 февраля, которое сломило стѣну крѣпостного права, отдѣлявшую свободныя сословія отъ рабовъ. Судебные уставы Александра II сравняли передъ закономъ всѣ сословія. Земская реформа, хотя и прошла, благодаря усиліямъ Валуева, такъ, что раздѣленность отдѣльныхъ сословій осталась, но все-таки Земское Положеніе 1 января 1864 года дало возможность работать по земскому дѣлу всѣмъ сословіямъ вмѣстѣ и тѣмъ ихъ значительно уравняло въ правахъ и сблизило одно съ другимъ. Наконецъ уставъ о воинской повинности 1 января 1874 года призвалъ къ отбыванію военной службы всѣ сословія безъ всякихъ исключеній и поблажекъ одному сословію передъ другимъ, а льготы далъ только такія, которыя были въ интересахъ всего государства, а не одного какого-нибудь сословія. Льготы эти, какъ мы знаемъ, прежде всего даны были по семейному положенію, т.-е. этимъ имѣлось въ виду поддержать хозяйство народное, отнимая у него рабочія руки съ извѣстнымъ расчетомъ, безъ кото-

[1] Воинской повинности съ 1874 по 1891 годъ [illegible] *чальной грамотой до 1.600.000 человѣкъ.*

раго легко было бы это хозяйство разорить; а такъ какъ народное хозяйство, т.-е. богатство народное, прямо зависитъ отъ образованности и развитія народа, то льготы и были, по настоянію Д. А. Милютина, предоставлены еще и въ зависимости отъ образованія. Кромѣ того, съ тѣмъ же расчетомъ поддерживать народное хозяйство льготы даны были и въ интересахъ торговли, промышленности и искусствъ. Всѣми этими льготами тяжесть отбыванія воинской повинности значительно облегчалась. Это было очень важно для государства, такъ какъ военные расходы его потомъ постоянно увеличивались, и если бы указанныхъ льготъ не было дано, то государство могло бы обнищать людьми образованными, а слѣдовательно, и денежными средствами.

Но не менѣе важно въ новомъ законѣ было уравненіе всѣхъ сословій при отбываніи повинности. Это пріучало все населеніе государства нашего, всѣ его сословія, чувствовать себя, каждое одинаково съ другими, *равнымъ* передъ закономъ и создавало изъ людей *отдѣльныхъ* сословій гражданъ *цѣлаго* государства.

Въ 1888 году, т.-е. черезъ 14 лѣтъ по введеніи воинскаго устава 1874 года, подъ вліяніемъ опасеній вооруженнаго столкновенія съ ближайшими сосѣдями на Западѣ, въ уставъ внесены измѣненія правилами 14 іюня 1888 года. Правила эти изданы были для того, „чтобы увеличить боевыя силы, не обременяя населеніе чрезмѣрно личной воинской повинностью, а казны — непосильными расходами", такъ чтобы сравнять по количеству русскую армію съ германскою и австро-венгерскою. При дѣйствіи устава 1874 г. европейская армія Россіи по составу обученныхъ

людей не превышала въ военное время 1.270.000 человѣкъ, тогда какъ Германія могла выставить армію въ 3.734.000, а Австро-Венгрія — въ 1.821.000 человѣкъ. Новыя правила 1888 года, сокративъ дѣйствительную службу на одинъ годъ, увеличивали срокъ состоянія въ запасѣ на 3 года: такимъ образомъ всей службы — дѣйствительной и въ запасѣ—составилось 18 лѣтъ (какъ въ Германіи), вмѣсто 15, какъ было по уставу 1874 г. Эта трехлѣтняя прибавка состоянія въ запасѣ была новыми правилами распространена на имѣющихъ льготу по образованію и на вольноопредѣляющихся. Тѣми же правилами срокъ состоянія въ ополченіи продолженъ съ 40 до 43-лѣтняго возраста.

За 2 года передъ изданіемъ правилъ 14 іюня закономъ 1886 года трехмѣсячный и полугодовой сроки дѣйствительной службы замѣнены были *годовымъ*, а годовой и полутарагодовой срокъ жеребьевыхъ со льготой по образованію — двухгодовымъ. Изданіе этого закона вызвано было желаніемъ правительства пополнить въ арміи составъ офицеровъ людьми болѣе образованными и побудить ихъ поступать въ ряды арміи добровольно: за годъ или за два года пребыванія въ строю многіе могли больше освоиться съ военною службой и, затягиваемые ею, постепенно отходить отъ другихъ интересовъ, связанныхъ съ прежнимъ ихъ гражданскимъ положеніемъ. Ряды образованныхъ людей свободныхъ профессій и въ особенности ряды людей вообще интеллигентныхъ, въ которыхъ такъ нуждается наша родина, безусловно при этомъ рѣдѣли больше, чѣмъ пополнялись ряды „интеллигентныхъ" офицеровъ. Такимъ образомъ армія по новому закону прі-

обрѣтала немного, а интеллигенція безвозвратно теряла многихъ такихъ, которые, окрѣпнувъ волей въ другое время, приносили бы при другихъ условіяхъ своей родинѣ больше пользы въ качествѣ „штатскихъ“, чѣмъ принесли они арміи въ качествѣ „военныхъ“ [1]).

---

[1]) Полнымъ противорѣчіемъ уставу о воинской повинности явились „временныя правила 1899 года“, по которымъ отбыванію воинской повинности признанъ былъ исключительно *карательный* характеръ: студенты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній за участіе въ такъ называемыхъ студенческихъ безпорядкахъ, „учиненныхъ скопомъ“, по этимъ правиламъ отдавались, по исключеніи изъ учебнаго заведенія, въ солдаты, причемъ ни льготы по семейному положенію ни льготы по физическимъ недостаткамъ въ расчетъ не принимались...

ГЛАВА V.

Отмѣна тѣлеснаго наказанія.

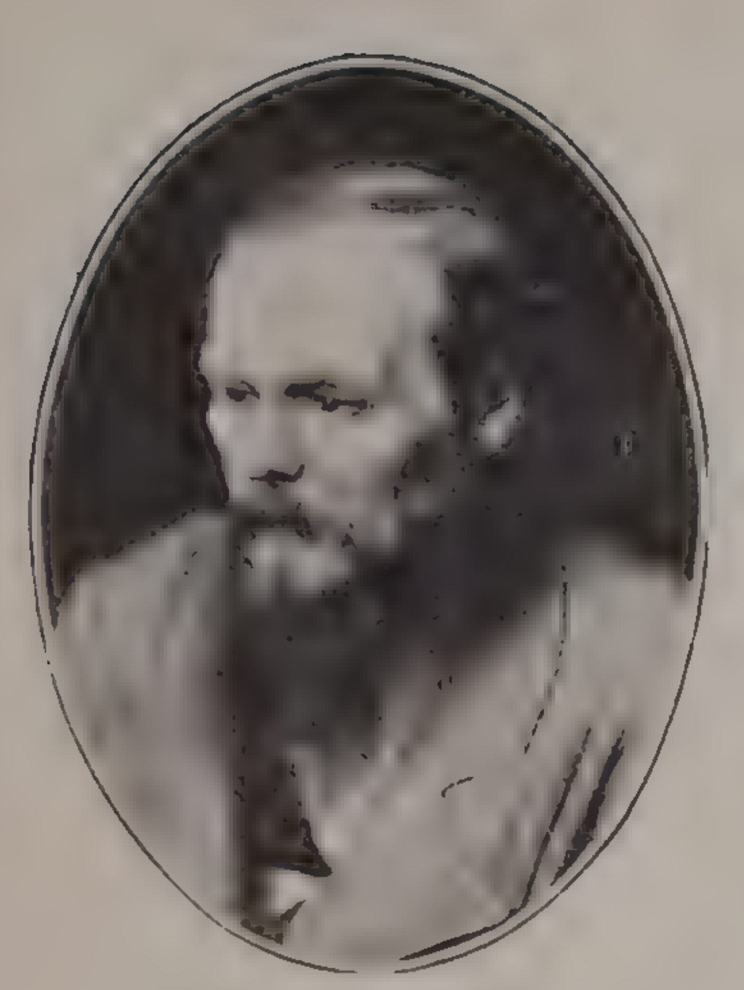
Не прошло и мѣсяца со дня освобожденія крестьянъ, какъ на очередь поставленъ былъ вопросъ объ освобожденіи такъ называемыхъ „податныхъ сословій", т.-е. крестьянъ и мѣщанъ отъ позорнѣйшаго и безчеловѣчнѣйшаго изъ всѣхъ видовъ наказанія — тѣлеснаго.

Наше уголовное законодательство примѣняло тѣлесныя наказанія вѣками. Весь вредъ ихъ развращающаго характера, повидимому, достаточно сознавался нѣкоторыми нашими царственными законодателями, и не одинъ разъ мы встрѣчаемъ попытки смягчить или вовсе отмѣнить этотъ видъ наказаній. Но замѣчательно, что именно при монархахъ, по общему признанію, наиболѣе гуманныхъ, человѣколюбивыхъ, несмотря на прямое и откровенное осужденіе съ высоты престола жестокости и безчеловѣчности тѣлесныхъ наказаній, они примѣнялись въ самыхъ мучительныхъ видахъ. Такъ, напримѣръ, несмотря на безповоротное, казалось бы, осужденіе тѣлесныхъ наказаній въ знаменитомъ Наказѣ императрицы Екатерины II, при ней употреблялась ужасная и отвратительная по своей варварской жестокости смертная казнь — черезъ колесованіе,

не говоря уже о всѣхъ прочихъ видахъ тѣлесныхъ наказаній, сплошь и рядомъ равносильныхъ мучительной смертной казни. Такъ, при Александрѣ I, Аракчеевымъ была изобрѣтена и примѣняема чуть не ежедневно, особая система прогнанія сквозь строй, прославившаяся своей жестокостью и получившая за нее особое названіе „аракчеевской манеры“.

Сопровождая собой всякія уголовныя наказанія, и легкія и тяжкія, тѣлесныя наказанія какъ бы подразумѣвались при этомъ сами собой; напримѣръ, при ссылкѣ въ каторжныя работы полагалось по Уложенію 57 г. отъ 30 до 100 ударовъ плетьми; кромѣ того, налагались особые штемпельные знаки (на лбу и щекахъ) или клейма изъ трехъ буквъ К. А. Т. (т.-е. каторжный). Плети же назначались и при ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; отъ 50 до 100 ударовъ розгами — при отдачѣ въ арестантскія роты; розгами же замѣнялось и кратковременное тюремное заключеніе и арестъ.

Со всей жестокостью тѣлесныя наказанія назначались по Своду законовъ для ссыльно-каторжныхъ и военно-служащихъ: при прогнаніи сквозь строй число ударовъ палками достигало 5.000—6.000! А надо помнить, что для многихъ даже 400—500 ударовъ оканчивались смертью. Но законъ былъ безпощаденъ. Если человѣкъ не могъ вынести „положеннаго“ ему „по закону“ числа ударовъ, падалъ безъ сознанія, то по выздоровленіи его наказывали вновь, а если онъ умиралъ во время экзекуціи, наказаніе не останавливали: тѣло возили взадъ и впередъ, и солдаты рубили шпицрутенами какую-то кровавую кашу изъ человѣческаго мяса!..

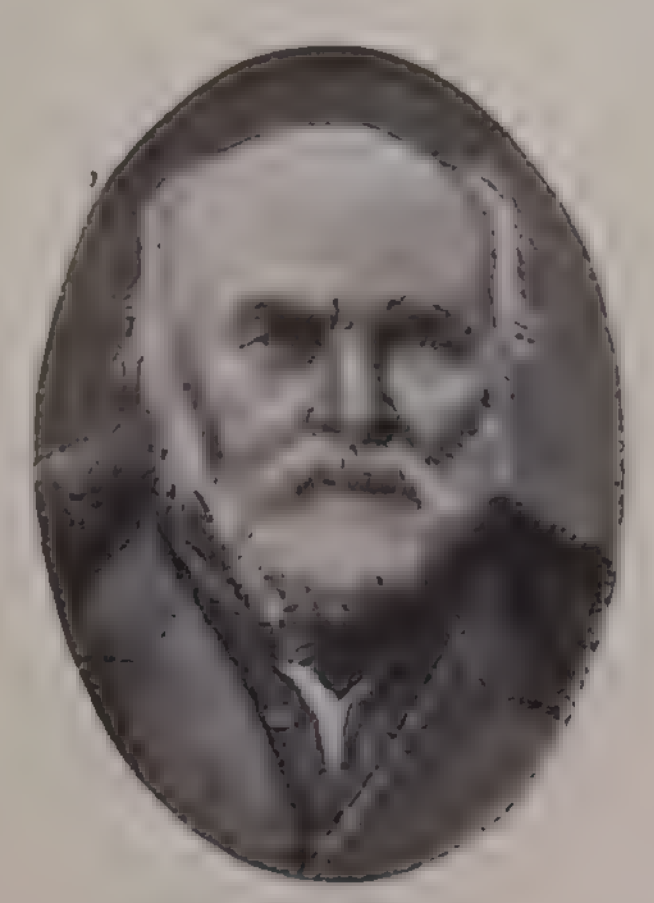
Ѳ. М. Достоевскій.
(Къ стр. 147.)

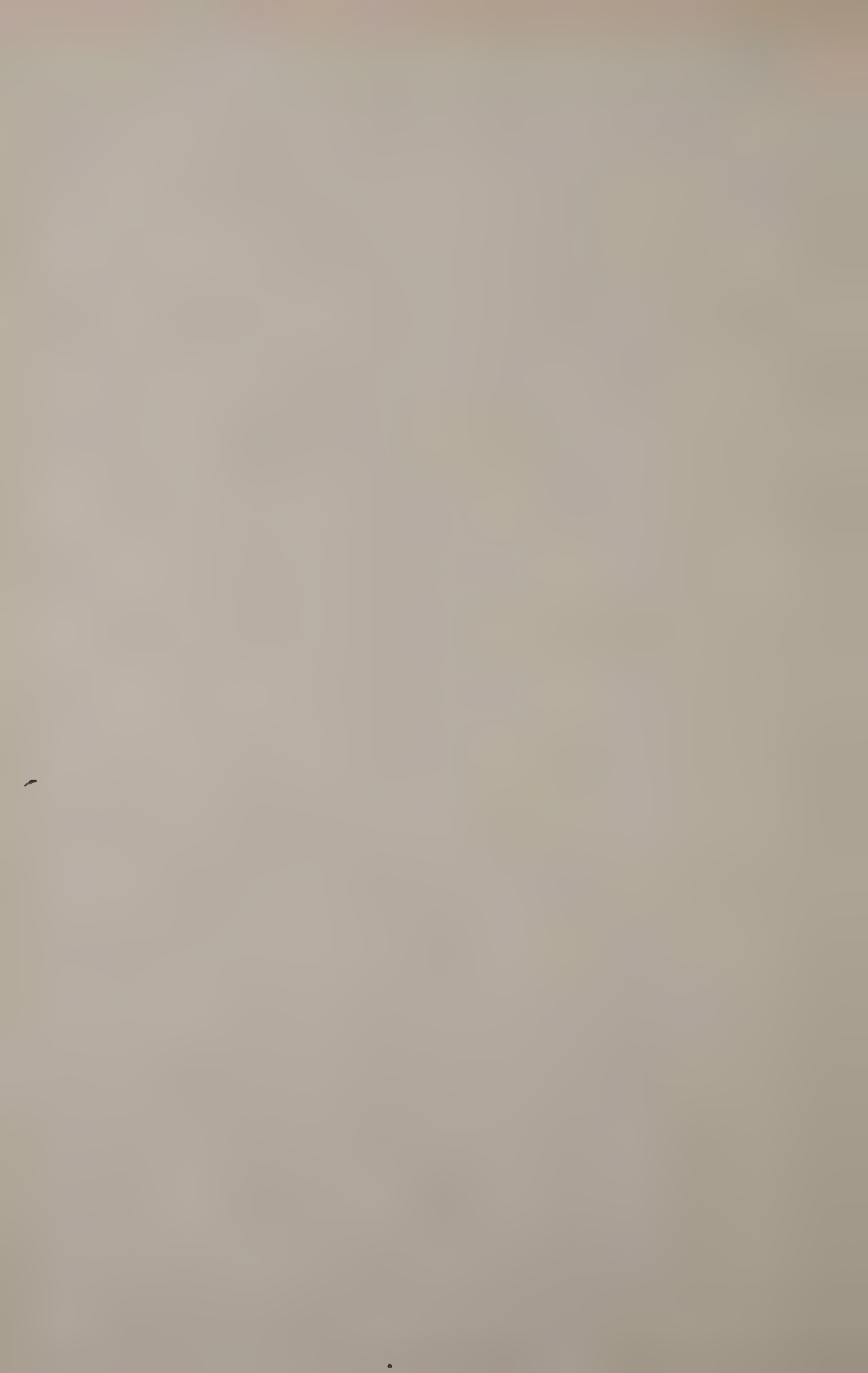
Кн. Н. А. Орловъ.
(Къ стр. 148.)

Бар. Н. А. Корфъ.
(Къ стр. 161.)

Н. И. Пироговъ.
(Къ стр. 171.)

Общее человѣколюбивое движеніе, охватывавшее съ отмѣной крѣпостныхъ порядковъ все большіе и большіе круги общества, не могло, конечно, не отозваться на ужасы безчеловѣчности и грубаго варварства, соединенные съ существованіемъ тѣлесныхъ наказаній. Отмѣна ихъ стояла на очереди... Но привычка къ насилію, къ жестокости, къ грубости нравовъ была еще все-таки велика, и потому борьба за отмѣну тѣлесныхъ наказаній загорѣлась сейчасъ же, какъ только заслышали о возможности этой отмѣны. Необходимо сказать, что человѣколюбивое вліяніе литературы русской, всегда стоявшей за гуманность и поднятіе въ людяхъ человѣческаго достоинства, не прошло въ этомъ дѣлѣ безуспѣшно. Во главѣ благородныхъ защитниковъ, призывавшихъ къ милосердію и человѣческому отношенію къ преступникамъ, во главѣ рисовавшихъ леденящіе душу ужасы тѣлесныхъ наказаній и всю физическую и нравственную муку ихъ, былъ Ѳ. М. Достоевскій, испытавшій на себѣ весь мракъ каторги. Его романъ „Записки изъ мертваго дома", печатавшійся въ 61—62 годахъ, безспорно, подготовилъ почву для гуманнаго закона 17 апрѣля, который, какъ увидимъ, отмѣнилъ главнѣйшіе виды тѣлесныхъ наказаній по суду. Жестокость нравовъ, поддерживаемая и питаемая тѣлесными наказаніями, въ то время была повсюду. Побои и истязанія повсемѣстно и въ государствѣ, и въ семьѣ, и въ школѣ признавались какъ единственное спасительное средство для всѣхъ преступниковъ. Въ необходимости и спасительности розогъ педагоги, напримѣръ, были такъ убѣждены, что знаменитый хирургъ и педагогъ Н. И. Пироговъ, несмотря на все свое отвращеніе къ этому виду

наказаній въ школѣ и глубокаго сознанія огромнаго его вреда, не имѣлъ, однако, силъ настоять на окончательномъ выведеніи розогъ изъ педагогическихъ пріемовъ. Однако, какъ уже мы замѣтили, несмотря на эту повсемѣстную убѣжденность въ пользѣ и необходимости тѣлесныхъ наказаній, мысль объ ихъ отмѣнѣ и горячее желаніе ея бродили во многихъ, пока, наконецъ, ее не рѣшилъ выразить и настойчиво доказать нашъ посланникъ въ Брюсселѣ, просвѣщенный и гуманный дипломатъ, князь Н. А. Орловъ. Въ запискѣ, поданной имъ въ концѣ марта 61 года государю, князь Орловъ, упомянувъ о законодательныхъ актахъ императоровъ Александра I и Николая I, отмѣнившихъ рванье ноздрей и кнутъ, указавъ далѣе на то, что тѣлесныя наказанія — „безспорное зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ“, говоритъ затѣмъ, что „философы, юристы и государственные люди всѣхъ временъ единодушно признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ: у насъ бьютъ всякаго, кто только даетъ себя бить. Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ развитію личности. Отсюда прежде всего рождается скрытность и недовѣріе“.

Говоря о розгахъ, князь Орловъ указываетъ на то, что несмотря на увѣренность многихъ въ томъ, „что русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ, сроднился съ ними вѣками“, „тѣлесныя наказанія занесены къ намъ татарами и узаконены нашимъ чиновничествомъ. Тамъ же, гдѣ русскій человѣкъ развивался внѣ прямого вліянія монголовъ и чиновниковъ, вовсе не было

тѣлесныхъ наказаній, такъ, напримѣръ, на Дону, на Запорожьѣ, въ Сибири, гдѣ не было въ прежнее время ни кнута, ни плетей, ни розогъ".

Записка князя Орлова, послѣ чтенія ея въ Совѣтѣ Министровъ, была передана въ комитетъ II отдѣленія Е. В. Канцеляріи, составлявшій въ это время проектъ военнаго устава о наказаніяхъ. Комитетъ запросилъ сначала отзывы Военнаго и Морского Министерствъ.

Горячую и убѣжденную защиту записка князя Орлова нашла въ лицѣ великаго князя Константина Николаевича. „Тѣлесныя наказанія, — писалъ великій князь, между прочимъ, въ своемъ отзывѣ, составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей". Съ особенною же рѣзкостью противъ записки и мысли объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній высказались Анненковъ государственный контролеръ, Филаретъ, митрополитъ московскій, и министръ юстиціи графъ Панинъ. Такъ, Анненковъ писалъ, что теперь, тотчасъ послѣ отмѣны крѣпостного права, „всякое измѣненіе системы наказаній, всякое заявленіе по сему предмету опасно и вредно". Но съ особенною безсердечностью настаивалъ на сохраненіи „варварскихъ истязаній, позорящихъ имя русскаго" (какъ писалъ въ своей запискѣ князь Орловъ) митрополитъ Филаретъ и графъ Панинъ. Разсматривая тѣлесныя наказанія „съ христіанской точки зрѣнія", митрополитъ Филаретъ сумѣлъ соединить съ христіанскимъ смиреніемъ своего разсужденія непостижимую жестокость и безжалостность, притомъ еще

подкрѣпленныя ссылками на священное писаніе и слова Христа, какъ будто христіанское ученіе не положило въ основу свою великой заповѣди о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ! Такъ, напримѣръ, митрополитъ Филаретъ не постѣснился заявить, что „если государство найдетъ неизбѣжнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблять тѣлесное наказаніе, то *христіанство не осудитъ* сей строгости“. Въ концѣ-концовъ, по мнѣнію митрополита Филарета, „по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе, само по себѣ, не безчестно, а безчестно только преступленіе“. Графъ Панинъ, съ которымъ мы уже достаточно познакомились, конечно, выступилъ самымъ ярымъ защитникомъ тѣлесныхъ наказаній. Съ отмѣною ихъ, по его мнѣнію, „установилась бы полная безнаказанность для народа“. Даже женщинъ (для которыхъ съ 55 года были уже отмѣнены плети) графъ Панинъ не считалъ возможнымъ вовсе освободить отъ тѣлесныхъ наказаній, несмотря на то, что позоръ ихъ для женщинъ особенно тягостенъ въ виду ихъ стыдливости. Соглашаясь на то, чтобы клейма были перенесены съ лица на плечо, гр. Панинъ предлагалъ „возстановить, по крайней мѣрѣ“, хотя бы отмѣненное по закону 10 ноября 58 года бритье головы и въ заключеніе настаивалъ на сохраненіи и плетей и шпицрутеновъ, т.-е. прогнаніе сквозь строй. На этого удивительно безсердечнаго и жестокаго, упрямаго и тупого человѣка не дѣйствовали, казалось, никакіе доводы и доказательства, никакія потребности времени, никакіе повороты въ общественномъ мнѣніи! Къ счастью, общій нравственный и умственный подъемъ сдѣлалъ безвредными опасенія и жестокосердыя требова-

нія такихъ людей, какъ Анненковъ, митрополитъ Филаретъ и графъ Панинъ. Въ защиту записки князя Орлова объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній выступилъ цѣлый рядъ благородныхъ и гуманныхъ людей.

Главными защитниками отмѣны тѣлесныхъ наказаній выступали юристы Буцковскій и Ровинскій. Доказывая всю необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній съ юридической точки зрѣнія, Буцковскій и Ровинскій подкрѣпляли свои доводы съ цифрами въ рукахъ и указывали на необходимость замѣнить тѣлесныя наказанія заключеніемъ въ тюрьмѣ, устройствомъ общественныхъ работъ и т. п.

Обсудивъ всѣ замѣчанія, комитетъ II отдѣленія составилъ проектъ закона объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Въ защиту этого проекта выступилъ съ обычнымъ благородствомъ и гуманностью военный министръ Д. А. Милютинъ.

Въ концѣ-концовъ при обсужденіи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ *единственнымъ* защитникомъ плетей, шпицрутеновъ и розогъ оказался графъ Панинъ.

17 апрѣля 63 года былъ подписанъ Высочайшій указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Новый законъ, по мягкости своей одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ во всемъ нашемъ законодательствѣ, навсегда отмѣнялъ прогнаніе сквозь строй (для военнаго вѣдомства), кошки (особыя плети (для морского) и плети (для гражданскаго вѣдомства), наложеніе клеймъ; женщины (кромѣ, однако, ссыльныхъ) вовсе освобождены отъ тѣлеснаго наказанія; розги *временно* сохранены.

Но и спустя еще 40 лѣтъ, все-таки, несмотря на изъ года въ годъ повторявшіяся ходатайства

земствъ объ окончательной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, розги оставались въ нѣкоторыхъ случаяхъ и только по Высочайшему манифесту 11 августа 1904 года отмѣнены окончательно, и, слѣдовательно, всякое примѣненіе ихъ стало *незаконнымъ*.

Такимъ образомъ за истекшія 40 лѣтъ розги, а отчасти и плети, все-таки удерживались нашимъ законодательствомъ и могли на законномъ основаніи примѣняться *по суду*. Административнымъ же порядкомъ, т.-е. по усмотрѣнію мѣстныхъ властей, тѣлесныя наказанія, въ видѣ массовыхъ экзекуцій, жестокихъ „порокъ" при крестьянскихъ „бунтахъ", аграрныхъ безпорядкахъ (вызывавшихся, кстати сказать, повсюду одной причиной — малоземельемъ и слабо развитымъ правосознаніемъ), — розги, можно сказать, были какъ за эти 40 лѣтъ, такъ и послѣ указа 11 авг. 1904 г. самымъ частымъ, самымъ обычнымъ орудіемъ „усмиренія непокорныхъ" и „вразумленія неразумныхъ".

ГЛАВА VI.

Цензура и ея реформа.

Не одинъ разъ, разсказывая ходъ той или другой реформы 60-хъ годовъ, намъ приходилось отмѣчать работу печати въ дѣлѣ изслѣдованія того или иного вопроса, его освѣщенія, и говорить о той помощи, какую печать оказывала этой тщательной, часто самоотверженной, честной и добросовѣстной работой и народу, и обществу, и самому правительству. Но, въ то же время каждый разъ, какъ приходилось говорить о работѣ печати, мы тутъ же наталкивались и на препятствія, которыя ставила этой важной и честной работѣ цензура. И чѣмъ важнѣе для народа, общества или всего государства былъ разбираемый печатью вопросъ, тѣмъ скорѣе и безжалостнѣе цензура зажимала въ своихъ тискахъ всякое разумное, искреннее и смѣлое слово. Иногда, правда, эти тиски какъ будто разжимались на время... но только на время, чтобы потомъ снова сжаться съ новою силой. Если такимъ было отношеніе къ печати правительства Александра II, приступившаго къ капитальнымъ реформамъ, задуманнымъ вначалѣ (какъ мы видѣли въ крестьянской реформѣ), а иногда и выполненнымъ (какъ это было съ судебной реформой) широко

и рѣшительно, — если правительство въ самый разгаръ освободительной работы нашего законодательства считало неизбѣжнымъ и необходимымъ изливать на печать потоки красныхъ цензорскихъ чернилъ и принуждать печать отмалчиваться въ то время, когда ея работа была прямо необходима, то что же надо сказать о той роли и значеніи, которыя цензура играла въ царствованіе Николая I?

На этотъ вопросъ прежде всего слышится отвѣтъ въ словахъ академика и цензора А. В. Никитенко, который въ своемъ извѣстномъ „Дневникѣ“ говоритъ, между прочимъ, что „если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдующихъ цензурой, ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года“.

Просматривая цензурный уставъ 1826 года, изданіе котораго торопилъ молодой императоръ, мы находимъ, прежде всего, что во главѣ цензуры поставленъ верховный цензурный комитетъ, и ему поручается слѣдить: 1) за науками и воспитаніемъ юношества, 2) за нравами и внутренней безопасностью и 3) за направленіемъ общественнаго мнѣнія, *согласно* съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства.

Верховный цензурный комитетъ состоитъ изъ министровъ: народнаго просвѣщенія, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Ему подчинены три цензурныхъ комитета. Цензура выдѣлена въ особое вѣдомство и отдѣлена отъ университетовъ совершенно.

Среди 230 параграфовъ устава 1826 г. главное мѣсто занимаютъ всевозможныя указанія на то, что цензура должна запрещать: нельзя гово-

рить въ печати не только о правительствѣ, но даже „о властяхъ“, т.-е. обо всей администраціи, чтобы не пострадало отъ того „должное къ нимъ почтеніе“, чтобы не ослабѣли „чувства преданности, вѣрности и добровольнаго подчиненія“. Притомъ о всемъ этомъ нельзя говорить не только „прямо“, но и „косвенно“; даже объ иностранныхъ государяхъ, правительствахъ и властяхъ не дозволялось говорить „ничего обиднаго“, т.-е., значитъ, ничего, кромѣ „скромнаго и пристойнаго сужденія“. Статьи же, „касающіяся до государственнаго управленія (русскаго), не могутъ быть печатаемы безъ согласія *того Министерства*, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается“.

Черезъ два года, въ 1828 году, изданъ былъ новый цензурный уставъ, составленіе котораго вызвано было тѣмъ соображеніемъ, что „невозможно, опасно брать всю литературу подъ безусловную опеку правительства“. Новый уставъ уже значительно разнится отъ прежняго: поставлена цензурѣ другая задача—слѣдить за тѣмъ, чтобы не было „вредныхъ“ изданій; но при этомъ цензура не должна заботиться о *направленіи* литературы.

Вмѣсто верховнаго комитета учреждено главное цензурное управленіе изъ представителей разныхъ вѣдомствъ.

Новый уставъ, повидимому, казался мягче. Въ немъ допущено менѣе придирчивое отношеніе цензуры къ представляемымъ на ея судъ произведеніямъ. Но эта сравнительная мягкость совершенно уничтожалась *на дѣлѣ* тѣмъ, что вмѣсто точнаго руководства закономъ, т.-е. цензурнымъ уставомъ, на практикѣ оказывалось (какъ со всякимъ цензурнымъ уставомъ), что администрація

высшая дѣйствовала на цензоровъ своими мнѣніями, указаніями и распоряженіями и такимъ образомъ подчиняла литературу и печать не закону, а усмотрѣнію и произволу.

Съ другой стороны, въ дѣйствія цензуры вмѣшивались постоянно, ежедневно разныя вѣдомства, отчего произвольный характеръ цензуры еще болѣе расширился. Вскорѣ отдѣльными распоряженіями создано было множество отдѣльныхъ цензуръ: военная, военно-учебная, внутреннихъ дѣлъ, почтовая и т. д.; даже отдѣльныя комиссіи по разнымъ мелкимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, комиссія о построеніи Исаакіевскаго собора или комиссія о пріютахъ, и тѣ пользовались правомъ своей отдѣльной цензуры. А вѣдь эти отдѣльныя, спеціальныя цензуры нисколько не избавляли и отъ общей цензуры. Нетрудно понять, какое тяжелое время настало при такихъ условіяхъ для молодой русской литературы и печати.

Отношеніе правительства къ періодической печати, т.-е. къ газетамъ и журналамъ ,было еще придирчивѣе и подозрительнѣе, чѣмъ къ книгамъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ. Всякій пустякъ, всякая мелочь навлекали на себя вниманіе и влекли за собой общія строжайшія распоряженія. Достаточно, напримѣръ, было въ газетной замѣткѣ упомянуть объ извозчикахъ, которые очень дорого берутъ съ пассажировъ, пріѣзжающихъ съ ночными поѣздами, чтобы появилось особое повелѣніе, которымъ правительство строго-настрого запрещало появленіе въ печати „хотя бы косвенныхъ порицаній дѣйствій правительства и властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали". Новыя газеты и журналы разрѣша-

лись съ большими затрудненіями и безконечной волокитой. Наконецъ въ 36 году на ходатайствѣ о разрѣшеніи новаго журнала императоръ надписалъ: „И безъ того много“. Затѣмъ появилось распоряженіе: „Представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время воспрещаются“. Даже Пушкину разрѣшено было издавать его „Современникъ“ только подъ конецъ жизни, а на просьбу знаменитаго историка Грановскаго о разрѣшеніи издавать научно-популярный журналъ, отвѣта долго не было; наконецъ, пришелъ и притомъ очень краткій, но выразительный: „не нужно“.

Заграничныя изданія, иностранныя газеты и журналы подвергались еще болѣе подозрительной и строгой цензурѣ. Даже дипломаты наши не имѣли возможности получать нѣкоторыхъ иностранныхъ изданій совсѣмъ. Освободительное движеніе 48 года, охватившее европейскія государства, отразилось на цензурѣ нашей, конечно, самымъ тягостнымъ образомъ. 2 апрѣля 48 года былъ учрежденъ особый негласный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Бутурлина. Этотъ комитетъ сдѣлался высшимъ цензурнымъ учрежденіемъ. Время его существованія, съ 48 по 55 годъ, по справедливости, надо признать временемъ „полнаго господства цензурной опеки“. До чего доходилъ въ своихъ дѣйствіяхъ такъ называемый бутурлинскій комитетъ, можно видѣть изъ того, что даже изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери хотѣли вырѣзать опасные и недозволительные стихи: „Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ“.

Такимъ образомъ, бросая бѣглый взглядъ на все царствованіе Николая I, мы видимъ, что

строгость, придирчивость и произволъ цензуры росли съ каждымъ годомъ. Неудивительно, что это возмущало самыхъ скромныхъ людей, а болѣе рѣшительныхъ, считавшихъ своимъ долгомъ говорить правду въ такое тяжелое время общаго вынужденнаго молчанія, заставляло навсегда покидать родину и на свободныхъ заграничныхъ типографскихъ станкахъ печатать разоблаченія о безчисленныхъ злоупотребленіяхъ властей, чиновниковъ, о возмутительныхъ насиліяхъ надъ людьми, о вопіющихъ беззаконіяхъ, о всѣхъ ужасахъ произвола и безправія.

Съ первыхъ же лѣтъ новаго царствованія положеніе печати обратило на себя вниманіе правительства. За 6 лѣтъ 4 министра народнаго просвѣщенія, облегчая на практикѣ цензурныя стѣсненія, вносили свои предположенія о пересмотрѣ цензурнаго устава, основывая ихъ, однако, на Высочайшемъ указаніи о томъ, что „*разумная бдительность* со стороны цензуры необходима"; такимъ образомъ, дѣло шло съ самаго начала не о томъ, чтобы поставить печать въ единственно для нея здоровыя условія, — условія свободы, но о томъ, чтобы только нѣсколько измѣнить прежнія условія: „У насъ хотятъ тѣснить и не тѣснить, позволить и не позволить, — пишетъ Никитенко въ апрѣлѣ 58 года.— Въ государѣ поколебали расположеніе къ литературѣ, и онъ требуетъ отъ цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснять мысль. Какъ это согласить?" Разумѣется, согласить это было невозможно. И потому неудивительно, что на ряду съ временными послабленіями цензуры въ концѣ 50-хъ годовъ, т.-е. въ самый разгаръ работъ по крестьянской реформѣ, то и дѣло печать или ли-

шается возможности обсуждать самые важные вопросы времени, или же и вовсе лишается газеты, какъ было въ 58 году, когда прекращено было изданіе „Молвы“, или въ 59 году—изданіе „Паруса“. Въ началѣ 60-хъ годовъ, именно въ 62 году, были изданы особыя временныя правила, по которымъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія предоставлялось право въ случаѣ „вреднаго направленія“ прикрывать изданіе на время до 8 мѣсяцевъ. Всего черезъ мѣсяцъ послѣ появленія этихъ временныхъ правилъ на основаніи ихъ уже были пріостановлены на 8 мѣсяцевъ лучшіе журналы, „Современникъ“ и „Русское Слово“. Такимъ образомъ облегченія, случавшіяся временами въ эпоху реформъ, при первомъ же удобномъ случаѣ замѣнялись особыми строгостями.

Въ мартѣ 62 года учреждена была особая комиссія подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго для составленія проекта устава о книгопечатаніи. До разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ составленнаго ею проекта, особыми Правилами 12 мая того же года были уничтожены безчисленныя спеціальныя цензуры, за исключеніемъ духовной и придворной. Министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ при внесеніи проекта комиссіи князя Оболенскаго былъ поставленъ вопросъ о томъ, какому Министерству — Народнаго Просвѣщенія или Внутреннихъ дѣлъ —подчинить цензуру. Считая министра народнаго просвѣщенія „близкимъ къ литературѣ“, Головнинъ находилъ, что отношеніе къ печати подчиненной этому Министерству цензуры „болѣе снисходительно“, и, въ виду тогдашняго „необыкновеннаго развитія умственной дѣятельности въ вопросахъ обще-

ственныхъ", находилъ, что „дѣятельность цензуры становилась все болѣе и болѣе затруднительной въ томъ вѣдомствѣ, которое обязано содѣйствовать развитію умственной дѣятельности". Поэтому Головнинъ настаивалъ на передачѣ цензуры въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ на него не возложена обязанность изыскивать средства къ развитію литературы. Ясно, что предполагаемая реформа просто сводилась къ передачѣ цензуры въ вѣдѣніе болѣе „строгаго" начальства. 10 января 63 года, согласно мнѣнію Головнина, цензура была передана по Высочайшему повелѣнію въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ въ началѣ 63 года дѣло реформы печати передано въ руки министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, съ личностью и направленіемъ котораго мы уже имѣли случай познакомиться. Къ концу мая вновь составленной комиссіей подъ предсѣдательствомъ того же князя Оболенскаго былъ уже подготовленъ проектъ устава о книгопечатаніи, который и послужилъ основой новаго закона о печати. Изъ главнѣйшихъ нововведеній, вошедшихъ въ этотъ проектъ, укажемъ на освобожденіе книгъ, объемомъ до 20 печатныхъ листовъ, и періодическихъ изданій (газеты и журналы), съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, отъ такъ называемой предварительной цензуры №№ газетъ и журналовъ *прежде* выхода ихъ въ свѣтъ. Для издателей ихъ устанавливался особый *залогъ* въ нѣсколько тысячъ рублей; кромѣ наказанія *по суду*, для нихъ установлены еще и „административныя взысканія", т.-е. къ закону попрежнему присоединилось и „усмотрѣніе" и произволъ высшаго начальства. Что касается книгъ, то важнѣйшіе

проступки и преступленія печати противъ цензурнаго устава проектъ передавалъ на разсмотрѣніе *суда присяжныхъ*, выбираемыхъ изъ числа гласныхъ думы въ Москвѣ или Петербургѣ. Разосланный на заключеніе высшихъ государственныхъ сановниковъ, проектъ, нѣсколько измѣненный Валуевымъ, вызвалъ отзывы и замѣчанія. Такъ, напримѣръ, Головнинъ писалъ, что „система административныхъ взысканій не въ состояніи развить въ литературѣ тѣ качества, какихъ добиваются“, т.-е. „опытность, самообладаніе и выдержанность“; что „такъ же, какъ и предварительная цензура, система административныхъ взысканій возбуждаетъ въ обществѣ то „*раздраженіе*“, противъ котораго, казалось бы, она направлена“; „административная кара постигаетъ статью тогда, когда она уже проникла въ публику“. Самую предварительную цензуру, по мнѣнію Головнина, слѣдовало бы „вовсе отмѣнить, замѣнивъ ее прямо взысканіями по суду“.

Еще болѣе интересенъ отзывъ барона Корфа, который прямо сравниваетъ вредъ отъ цензуры со вредомъ отъ крѣпостного права. Какъ оно, „цензура глубоко вросла въ наши обычаи, и не мало людей готовы думать, что ею единственно держится общественный порядокъ“. Главный вредъ цензуры, по мнѣнію барона Корфа, даже не въ произволѣ ея, а въ основной ея мысли. „На первый взглядъ, — объясняетъ баронъ Корфъ, — по идеѣ своей цензура могла бы показаться учрежденіемъ, самымъ благодѣтельнымъ, необходимымъ въ благоустроенномъ государствѣ: ея назначеніе, повидимому, указывать лучшую и правильную дорогу умственному развитію общества, устранять все вредное и ложное, опасное

и расчищать путь всему истинному и полезному". Но вѣковой опытъ показалъ, что такая задача цензуры не могла быть выполнена, такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть „мѣрила" для распознанія, что истинно и что ложно, что принесетъ пользу и что вредъ". Все новое всегда встрѣчаетъ вначалѣ недовѣріе, а часто и враждебность уже прежде всего потому, что оно ново. И безчисленны примѣры тому, какъ жестоко расправлялись люди съ тѣми людьми, которые опережали свое время и съ тѣми мыслями, которыя вносили съ собою въ міръ новыя драгоцѣнныя истины. И тѣ и другія должны были выдерживать борьбу и только среди нея истина окончательно выяснялась и пріобрѣтала силу. „Цензура же закрываетъ арену для этой естественной борьбы, скрываетъ ее до поры до времени отъ глазъ общества, но никогда не можетъ задушить новую, сильную и правдивую мысль, потому что такія мысли необходимы для жизни и ея развитія. Остановить же развитіе жизни невозможно ничѣмъ, никакой силой, хотя и часты были такія попытки. Къ нимъ именно и надо отнести задачи цензуры: онѣ неисполнимы, такъ какъ, съ одной стороны, живыя и правдивыя мысли найдутъ всегда себѣ выходъ, а съ другой стороны — и ложныя, опасныя мысли тоже распространялись, несмотря на всѣ запрещенія". „На опытѣ правительство за послѣднее время убѣдилось, — говоритъ далѣе баронъ Корфъ, — что *только* въ свободѣ печати находится противоядіе противъ злоупотребленія печатью".

Въ виду всего сказаннаго и многихъ другихъ соображеній, высказанныхъ въ его запискахъ, баронъ Корфъ стоялъ за введеніе такъ называе-

мой „карательной системы". т.-е. наказаній по суду, притомъ по суду присяжныхъ, т.-е. *общественному*, за уничтоженіе „административныхъ взысканій, заключающихъ въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди". Самая же опасная сторона административныхъ взысканій, по мнѣнію барона Корфа, состоитъ въ томъ, что одному лицу дается власть, иногда по минутному настроенію духа, безъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности передъ закономъ, лишать человѣка права собственности, права на занятіе, которымъ онъ, можетъ-быть, жилъ, и, что еще важнѣе, исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе мысли.

Къ сожалѣнію, баронъ Корфъ, такъ правдиво и вѣрно опредѣлявшій дѣйствительную цѣну свободы печати и тѣхъ мѣръ, которыя предположены были въ валуевскомъ проектѣ для ограниченія этой необходимой свободы, при обсужденіи этого проекта, въ январѣ 65 года, въ Государственномъ Совѣтѣ, не только не защищалъ свои мнѣнія и доказательства, но, по свидѣтельству Никитенко, „первый протестовалъ противъ собственныхъ мнѣній, написанныхъ такъ умно".

Въ Государственномъ Совѣтѣ, въ департаментѣ законовъ, только одинъ министръ народнаго просвѣщенія Норовъ серьезно пытался возражать на проектъ Валуева, стараясь доказать, что невозможно расширять власть министра внутреннихъ дѣлъ по цензурѣ; ссылаясь на свой собственный опытъ, Норовъ настаивалъ на томъ, что „громадная отвѣтственность *за проявленіе мысли* въ государствѣ едва ли не свыше силъ одного человѣка".

Но Государственный Совѣтъ не согласился ни съ однимъ изъ указаній Норова, и проектъ Валуева почти безъ всякихъ измѣненій прошелъ въ департаментѣ законовъ. Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта проектъ, однако, не встрѣтилъ сочувствія. По мысли Н. А. Милютина и его брата, военнаго министра, Государственный Совѣтъ предложилъ вмѣсто новаго устава, только ввести „временно, впредь до указаній опыта" нѣкоторыя дополненія, въ видѣ переходной мѣры. При этомъ Государственный Совѣтъ одобрилъ совмѣстную карательную (наказанія по суду) и административную (наказанія по усмотрѣнію власти) систему наказаній за преступленія по дѣламъ печати, опять-таки какъ временную мѣру, и освободилъ отъ цензуры сочиненія не до 20 печатныхъ листовъ, какъ хотѣлъ Валуевъ, а до 10 листовъ. Въ такомъ видѣ было издано 6 апрѣля 65 года, ровно 40 лѣтъ назадъ, Высочайшее повелѣніе, которое въ такихъ словахъ говорило о новомъ законѣ: „Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, перемѣны и дополненія".

Новый законъ, освобождавшій отъ предварительной цензуры нѣкоторыя періодическія изданія, разрѣшавшій обсужденіе въ печати намѣченныхъ правительствомъ новыхъ законоположеній, дававшій возможность объяснять редакторамъ и издателямъ свои дѣйствія передъ судомъ присяжныхъ, т.-е. передъ судомъ общественнымъ, дававшій право издавать свободно отъ цензуры

произведенія печати до 10 печатныхъ листовъ, конечно, въ первое время порадовалъ и общество и печать, истомленную „долгимъ, долгимъ плѣномъ“ цензуры. Первые, вышедшіе впервые безъ представленія въ цензуру №№ газетъ и журналовъ, въ сентябрѣ 65 года выражали единодушную радость свою по поводу „раскрѣпощенія печати“. Самый обстоятельный искренній разборъ новаго закона далъ аксаковскій „День“, который заканчивалъ свою статью такими словами: „Мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась русская печать. Къ тому же это старое еще вовсе не есть что-либо окончательно отжившее и схороненное; напротивъ, оно живетъ, обнаруживаетъ и обнаружитъ не разъ свою живучесть, хотя и подъ другими формами“.

Аксаковскій „День“ пророчествовалъ вѣрно: не прошло и двухъ недѣль, со дня введенія новаго закона, какъ 18 сентября состоялось первое изъ „первыхъ предостереженій“, данное „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ за статью объ одномъ предположенномъ финансовомъ проектѣ, и такъ какъ статья была очень умѣренная и такъ какъ право обсуждать предположенныя законодательныя мѣры и дѣйствія правительства было дано новымъ закономъ, то первое же „первое предостереженіе“ (за третьимъ по закону слѣдуетъ совершенное закрытіе изданія и лишеніе навсегда редактора и издателя права издавать когда-нибудь новую газету или журналъ),—первое же предостереженіе вызвало „общее недоумѣніе“ и въ печати и въ обществѣ. Но затѣмъ очень скоро и печать и общество убѣдились въ томъ, что самую правильную оцѣнку валуевскому проекту и родив-

шемуся изъ него закону о печати 6 апрѣля 65 года далъ профессоръ-цензоръ Никитенко.

Этотъ отзывъ такъ вѣрно рисуетъ предполагаемое авторомъ будущее печати, что его полезно знать.

Подъ 16 мая 65 года Никитенко пишетъ въ своемъ „Дневникѣ":

„Литературу нашу, кажется, ожидаетъ *лютая судьба*. Валуевъ достигъ своей цѣли: онъ забралъ ее (литературу) въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ — уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія" и сдѣлать ее „вполнѣ благонадежной", т.-е. сдѣлать то, чего не въ состояніи были сдѣлать, да едва ли и хотѣли сдѣлать, до 55 года. Тогда презирали литературу, но не считали возможнымъ формировать ее на свой ладъ. Валуевъ тоже ее презираетъ и думаетъ, что административныя мѣры сильнѣе всякой мысли".

Вся дальнѣйшая, за 40 лѣтъ, исторія цензуры доказываетъ намъ, что эта послѣдняя валуевская мысль была проведена со строгостью все возраставшей. Цѣлымъ рядомъ новыхъ узаконеній, распоряженій, въ особенности безконечной вереницей циркуляровъ, даже тѣ немногія облегченія, которыя были даны закономъ 6 апрѣля 65 года, были совершенно заслонены все нараставшей подозрительностью и недовѣріемъ правительства къ печати. Невозможно перечесть всѣхъ этихъ распоряженій, да и нѣтъ въ томъ надобности для насъ. Достаточно, если скажемъ, что всѣ они, *безъ исключенія*, имѣли цѣлью зажать честную

и открытую мысль въ тиски произвола и административной „расправы безъ суда и слѣдствія". Органы печати возникали только для того, чтобы, сказавъ нѣсколько словъ, умолкать надолго, а чаще навсегда. А между тѣмъ, по словамъ Аксакова, „для Россіи просторъ слова нужнѣе всѣхъ реформъ послѣ освобожденія крестьянъ... ибо въ этомъ просторѣ заключается условіе жизненности для всѣхъ нихъ, и безъ него они едва ли взойдутъ". Исторія всего прошедшаго 40-лѣтія подтвердила эти слова. *Свобода слова* — это воздухъ, безъ котораго ни мысль, ни жизнь, ни самыя лучшія учрежденія не могутъ дышать и развиваться.

Въ 1905 году *Высочайшимъ* манифестомъ 17 октября была провозглашена свобода слова: послѣдовала отмѣна предварительной цензуры, и печать нѣсколько времени пользовалась свободой. Затѣмъ были установлены временныя правила, по которымъ дѣла по проступкамъ печати передаются, по почину цензурнаго комитета или по требованію прокурорскаго надзора, коронному суду. Однако въ силу очень суровыхъ каръ (штрафы и заключенія въ крѣпость), налагаемыхъ судомъ, а еще больше — благодаря произволу мѣстныхъ властей, допускаемому исключительными положеніями (чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ), дѣйствующими на пространствѣ почти всей Россіи, положеніе печати осталось и посейчасъ (1910 г.) весьма тягостнымъ, и до свободы слова теперь почти такъ же далеко Россіи, какъ и до 17 октября 1905 года.

ГЛАВА VII.

Реформа народнаго образованія.

Послѣ того, что было сказано о другихъ сторонахъ народной жизни, легко представить себѣ, каково было въ дореформенное время положеніе народнаго образованія. Крѣпостныя отношенія, съ одной стороны, и суровое подозрительное управленіе всѣмъ государствомъ при Николаѣ I—съ другой, оттѣснили заботы о народномъ образованіи на самый задній планъ. Въ широкомъ образованіи народа и въ свободномъ развитіи его духовныхъ силъ правительство, а отчасти и общество видѣли не основу для здороваго и могучаго роста государства, не источникъ богатства народа, не укрѣпленіе положенія среди другихъ государствъ нашей родины, но единственно „прямой путь къ бунту и крамолѣ". Такимъ именно взглядомъ проникнуто отношеніе высшаго правительства къ вопросамъ народнаго образованія на всѣхъ его ступеняхъ, съ начала и до конца всего царствованія Николая I.

Уставомъ 1828 года народная школа была совершенно оторвана отъ той связи со средней и высшей, какая поддерживалась въ царствованіе Александра I, и въ основу распредѣленія учебныхъ заведеній впервые было положено раздѣ-

леніе народа на состоянія. Открытіе же частныхъ училищъ стѣснено тѣмъ, что для этого требуется особое разрѣшеніе отъ губернскаго директора. Содержаться сельскія училища должны были на средства крестьянъ и помѣщиковъ, а городскія—на средства города. Такимъ образомъ, не давая ни одной копейки на начальное народное образованіе, правительство оставило за собой право самаго строгаго надзора и всевозможныхъ стѣсненій, что и повело, конечно, къ значительному ухудшенію народнаго образованія. Такъ, напримѣръ, многіе помѣщики, имѣвшіе до того школы для крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ, рѣшили теперь закрыть ихъ, не желая подвергаться разнымъ стѣсненіямъ и придиркамъ со стороны губернскихъ или уѣздныхъ властей. Вообще же въ деревняхъ приходскія школы вовсе не открывались. Изъ всѣхъ вѣдомствъ въ николаевское время нѣсколько больше другихъ заботилось о народномъ образованіи Министерство Государственныхъ Имуществъ. Но послѣ того, какъ въ 42 году школы этого вѣдомства были согласованы съ общимъ уставомъ 28 года, обнаруживается, что многія училища существуютъ только на бумагѣ, а отъ обученія дѣтей, которыхъ, главнымъ образомъ, подготовляли къ должности волостныхъ и сельскихъ писарей, крестьяне стараются откупаться. Кромѣ „сельскихъ приходскихъ училищъ", были еще „удѣльныя училища", „училища при горныхъ заводахъ" и „училища для дѣтей канцелярскихъ служителей". Съ 39 года все больше увеличивается число церковно-приходскихъ школъ: такъ, къ 51 году ихъ насчитывается уже 4.713 съ 93.350 человѣками учащимися. Но... многія и многія изъ этихъ училищъ, въ которыхъ едва

научались съ грѣхомъ пополамъ разбирать церковно-славянскую грамоту, существовали *только на бумагѣ*: въ тѣхъ же, которыя были на самомъ дѣлѣ, ученье бывало урывками, когда священнику или дьячку было время и охота. Съ 34 года помѣщикамъ было запрещено установлять сборы съ крестьянъ на обученіе ихъ дѣтей. При такихъ условіяхъ неудивительно, что за 26 лѣтъ при Николаѣ I число всѣхъ вообще на всю Россію училищъ увеличилось всего лишь на 517! Всего же на 63 милліона 800 слишкомъ тысячъ населенія приходилось въ 56 году только 8.227 учебныхъ заведеній, съ 450 тысячами учащихся. При этомъ, конечно, цифры эти скажутъ намъ больше правды, если мы вспомнимъ, что распредѣлены были училища очень неравномѣрно: такъ, напримѣръ, на всю огромную Сибирь было всего 312 школъ, а на 3 прибалтійскихъ губерніи—6088. Такимъ образомъ мы должны вполнѣ согласиться съ отзывомъ одного изслѣдователя по народному образованію того времени, который говоритъ, что „училищъ было мало, стояли пусты, многія числились лишь на бумагѣ; обученіе въ школахъ шло такъ, что народъ не видѣлъ отъ него никакой пользы. Частные случаи благоустройства училищъ были исключеніемъ. Сомнительность существованія церковно-приходскихъ школъ болѣе чѣмъ вѣроятна“. Нечего и говорить, что въ дѣлѣ и этого-то жалкаго обученія на первомъ планѣ вмѣсто всякихъ „пособій“ были побои и истязанія учащихся. Отмѣна крѣпостного права, всеобщій подъемъ интереса къ народу и его нуждамъ и, наконецъ, образованіе земства повели къ совершенно новому устройству народнаго образованія, къ его реформѣ. И хотя вниманіе и

участіе высшаго правительства къ вопросу о народномъ образованіи остыло очень скоро, подъ вліяніемъ запугиваній крѣпостниковъ, смѣнившись затѣмъ обычнымъ недовѣрчивымъ, подозрительнымъ, а потомъ и открыто враждебнымъ отношеніемъ, однако дѣло было начато и не могло уже заглохнуть. Лучшіе люди общества, по почину знаменитаго ученаго и педагога Н. И. Пирогова, доказывавшаго необходимость широкаго развитія общаго образованія, употребили всѣ усилія для того, чтобы расчистить дорогу народному образованію, глубоко сознавая, что развитіе, образованіе и сознаніе народа — первое, необходимое условіе для развитія всѣхъ другихъ условій его жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жизни всего государства.

Въ первые годы царствованія Александра II правительство рѣзко мѣняетъ свое отношеніе къ вопросамъ народнаго образованія и, повидимому, рѣшительно принимается за реформу этого дѣла. Такъ, напримѣръ, докладъ государю министра народнаго просвѣщенія Норова прямо говоритъ о предоставленіи общаго образованія *всему населенію*. Въ 57 году отмѣняется для столицъ запрещеніе частнымъ лицамъ открывать пансіоны и школы. Открывается Педагогическое Общество, въ которомъ самое горячее участіе принимаютъ выдающіеся знатоки народнаго образованія и лучшіе педагоги того времени.

Пользуясь разрѣшеніемъ частнымъ лицамъ открывать школы, учащаяся университетская молодежь и вообще молодые образованные люди, мужчины, дѣвушки и женщины, стали открывать, начиная съ 1859 г., во многихъ мѣстахъ *воскресныя школы* для желающихъ учиться разнаго возраста. Число такихъ, совершенно по-

выхъ, небывалыхъ до того времени школъ быстро растетъ, принося съ собой грамоту и знаніе и въ столицахъ и въ провинціи, до 62 года, когда всѣ онѣ закрываются, такъ какъ правительство, измѣнивъ свои взгляды, заподозрѣло эти школы въ широкомъ политическомъ вліяніи ихъ на населеніе, и рѣшило немедленно „пресѣчь зло“. Между тѣмъ правительство приступало къ реформѣ. 28 іюля 61 года, по Высочайшему повелѣнію былъ составленъ особый комитетъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для выработки общаго плана устройства народныхъ школъ. Въ виду того, что возникли споры, въ рукахъ какого вѣдомства сосредоточить все управленіе дѣломъ начальнаго народнаго образованія, 18 января 62 года состоялось Высочайшее повелѣніе, которое и разъяснило, что завѣдываніе по всей имперіи начальными народными училищами поручается Министерству Народнаго Просвѣщенія, за исключеніемъ училищъ, открываемыхъ духовенствомъ, которыя поступаютъ подъ руководство и надзоръ Святѣйшаго Синода.

14 іюля 64 года Александромъ II утверждено было Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. По этому Положенію, которое черезъ 10 лѣтъ легло въ основу дѣйствующаго и сейчасъ Положенія 74 года, начальная народная школа поступала подъ ближайшее руководство особыхъ училищныхъ совѣтовъ. Населенію же земскихъ губерній новое Положеніе давало возможность и право взять дѣло народнаго образованія въ свои руки, такъ какъ въ числѣ другихъ заботъ о населеніи земству поручена была, какъ мы уже знаемъ изъ земской реформы, и забота о народномъ образованіи.

Въ первое время новой народной школѣ и ея защитникамъ пришлось не мало бороться со сторонниками прежнихъ школьныхъ порядковъ и съ людьми, стремившимися всѣми способами подчинить всѣ начальныя школы *духовному* вѣдомству. Чтобы подкрѣпить свои доводы въ пользу передачи школъ въ вѣдѣніе духовенства, сторонники такихъ плановъ указывали на то, что дѣло народнаго образованія духовенствомъ уже налажено, и имъ же открыта масса школъ, въ доказательство чего приводились самыя раздутыя цифры о числѣ школъ и обучающихся въ нихъ. Но о преувеличенности этихъ цифръ сейчасъ же заговорила печать, разоблачая тайныя надежды духовнаго вѣдомства забрать въ свои руки дѣло народнаго образованія, и скоро само Министерство Народнаго Просвѣщенія принуждено было офиціально въ своемъ отчетѣ заявить, что „многія изъ церковныхъ школъ существуютъ только по имени“, т.-е. на бумагѣ. Какъ и въ дѣлѣ народной медицины, земства получили по народному образованію въ свое завѣдываніе жалкое убогое наслѣдство отъ другихъ вѣдомствъ въ видѣ ничтожныхъ лачугъ и сторожекъ въ качествѣ школъ, съ пьяными унтерами и опустившимися дьячками или спившимися причетниками въ качествѣ народныхъ учителей и педагоговъ. Все дѣло надо было начинать сызнова, притомъ дѣло огромное и первостепенной важности: надо было приниматься за созданіе первоначальной народной школы, которая бы не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ давала бы крестьянину возможное развитіе и открывала бы ему глаза на міръ Божій. Приступая къ этому дѣлу, земства разсчитывали вначалѣ на денежную помощь прави-

тельства. Но, убѣдившись въ томъ, что о надеждѣ на эту помощь надо забыть, земства съ каждымъ годомъ все больше и больше стали увеличивать свои ассигновки на народное образованіе, покрывая уѣзды и губерніи сѣтью школъ съ цѣлой арміей учащихъ и учащихся. Въ этой громадной работѣ земства самую драгоцѣнную услугу оказали незамѣтные труженики, скромные пахари и сѣятели на нивѣ народнаго просвѣщенія, — сельскіе учителя и учительницы, многіе сотни которыхъ отдали тяжелому труду учительства всю свою жизнь, вкладывая въ него всю свою душу, послушные призыву поэта:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!"

Убѣдившись въ томъ, какую пользу приноситъ новая школа, какъ много, несмотря на всѣ стѣсненія, даетъ земская школа своимъ учащимся,— народъ не только сердцемъ оцѣнилъ достоинства новой школы, но и пошелъ навстрѣчу неотложной нуждѣ въ грамотности и начальномъ образованіи: въ губерніяхъ, гдѣ большинство гласныхъ было *изъ крестьянъ*, какъ, напримѣръ, Пермская и Вятская губерніи, мы встрѣчаемъ *самые большіе* расходы на народное образованіе, — расходы, *поражающіе своей щедростью* настолько же, насколько въ губерніяхъ, съ преобладаніемъ въ земскихъ гласныхъ *дворянъ*, какъ, наприм., Тульская и Симбирская губерніи, поражаетъ крайняя *скупость* ассигновокъ на народное образованіе.

Быстрота роста земскихъ расходовъ на народное образованіе и увеличеніе числа земскихъ школъ за 7 лѣтъ (съ 63 по 80 годъ изъ всего

числа училищъ и школъ въ земскихъ губерніяхъ было открыто 78,5%!) вызвали снова со стороны духовнаго вѣдомства походъ противъ земскаго школьнаго дѣла. Къ тому же и города не сидѣли, что называется, сложа руки: *до* реформы городского самоуправленія во *всѣхъ* городахъ было 1.095 *всѣхъ* учебныхъ заведеній; а число трактировъ и питейныхъ заведеній доходило до *двѣнадцати слишкомъ тысячъ! Послѣ* реформы, къ 91 году, т.-е. 19 лѣтъ назадъ, число *однихъ* только *городскихъ училищъ* доходило до 2.885!

Мечты объ отобраніи отъ земствъ и городовъ всего школьнаго дѣла и передачѣ его въ духовное вѣдомство съ 82 года получаютъ подъ собой все болѣе прочную почву. Цѣлымъ рядомъ особыхъ „мѣръ" и распоряженій правительство старается поддерживать церковно-приходскія школы: суммы расходовъ на нихъ все растутъ, дойдя съ 55½ тысячъ въ 82 году до *трехъ милліоновъ 700 слишкомъ тысячъ* въ 95 году. Въ 87 году состоялось Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ поручалось министру народнаго просвѣщенія внести въ законодательномъ порядкѣ его представленіе по вопросу о томъ, „не представится ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло развитія первоначальнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ", т.-е. въ духовномъ; въ 93 году это порученіе подтверждено. Пока шла эта борьба за свѣтскую или духовную школу, свѣтская, т.-е. земская и городская, школа все больше и больше стѣснялась надзоромъ со стороны особыхъ, назначаемыхъ правительствомъ съ 69 года, чиновниковъ, такъ называемыхъ „инспекторовъ народныхъ училищъ", задачей

которыхъ было, главнымъ образомъ, слѣдить и доносить по начальству о каждомъ шагѣ народныхъ учителей. За три года передъ тѣмъ, т.-е. еще съ 66 года, отношеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія къ дѣлу народнаго образованія становится окончательно недовѣрчивымъ и подозрительнымъ и къ учителямъ народной школы, и къ ея ученикамъ, и къ книгамъ для чтенія, и ко всякому хорошему начинанію въ школьномъ и образовательномъ дѣлѣ. Учебники и книги, допускаемые въ народную школу, сверхъ обычной цензуры, подвергаются еще особой, строгой цензурѣ такъ называемаго „Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія". Число такихъ книгъ крайне ограничено: въ школьной библіотекѣ, напримѣръ, до самаго послѣдняго времени нельзя было имѣть ни одного полнаго собранія сочиненій нашихъ образцовыхъ авторовъ—ни Гоголя, ни Пушкина, ни Достоевскаго, ни Некрасова, не говоря уже о Бѣлинскомъ, Писаревѣ или Л. Н. Толстомъ. Не удивительно, что народъ даже по имени не знаетъ своихъ печальниковъ и защитниковъ въ литературѣ. Министерство старалось лишить общественныя учрежденія, т.-е. земства и городскія самоуправленія, всякаго права участія въ *постановкѣ* учебнаго дѣла, оставляя имъ право тратить огромныя деньги населенія на содержаніе школъ и училищъ. Съ 95 года въ составъ училищныхъ совѣтовъ *введены земскіе начальники*: такимъ образомъ и школьное дѣло не миновало рукъ „близкой къ населенію и твердой власти", которая, въ большинствѣ своихъ представителей, не упускала, конечно, случая оказать правительству свою долю помощи въ дѣлѣ на-

правленія народнаго образованія въ сторону такъ назыв. „религіозно-нравственнаго" духа обученія.

Развитіе народнаго образованія въ серединѣ 80-хъ годовъ особенно замедлилось. Но голодъ и холера съ дикими взрывами народнаго невѣжества въ 91—92 годахъ, заставили снова выдвинуть вопросы народнаго образованія на первый планъ: число школъ снова быстро растетъ, и цѣлый рядъ земствъ приступаетъ къ введенію или къ подготовкѣ къ введенію *всеобщаго обученія*, то-есть такой постановки школьнаго дѣла, при которой всѣ дѣти школьнаго возраста обоего пола должны получить доступъ въ школу. Въ другихъ государствахъ такое всеобщее и притомъ *обязательное* обученіе всѣхъ дѣтей школьнаго возраста давно уже въ ходу и съ родителей, которые не посылаютъ дѣтей въ школу, берется штрафъ, а при упорствѣ нѣкоторыя законодательства даже наказываютъ такихъ родителей лишеніемъ свободы.

И все-таки, несмотря на всѣ препятствія, на всѣ преграды въ дѣлѣ народнаго образованія, въ сознаніи народа, получая корни свои въ земской школѣ, росла непрестанно потребность въ хорошей честной газетѣ и книгѣ.

Послѣ бурнаго 1905 г. въ народныя массы хлынула широкимъ потокомъ жажда образованія. Крестьянство, рабочій людъ, городское населеніе—всюду и вездѣ предъявили огромный спросъ на знаніе, переполняя повсемѣстно каждый уголокъ, гдѣ удалось устроить библіотеку, чтенія, курсы. Книга, газета журналъ за послѣдніе годы стали дѣлаться потребностью широкихъ массъ населенія. И хотя попрежнему администрація не признаетъ, что знаніе —главная сила,

и тормозитъ образовательное дѣло, — жажда знанія такъ велика и упорна, что полицейскія гоненія на нее безсильны. Какъ будто упала съ глазъ народныхъ темная повязка, и народныя массы впервые увидѣли, какъ далеко отстала Россія въ дѣлѣ образованія отъ другихъ культурныхъ странъ, и какъ спѣшно, не покладая рукъ, надо учиться и малому и старому, чтобы нагнать упущенное время. И въ этомъ — залогъ того, что недалеко время, когда Россія перестанетъ плестись въ хвостѣ другихъ націй, и народъ русскій будетъ достоинъ своего великаго имени.

ГЛАВА VIII.

Университетская реформа.

Высшее образованіе, главнымъ образомъ, сосредоточивалось долгое время у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, въ университетахъ. Университетъ, по самой своей основной мысли, есть прежде всего свободное научное учрежденіе, цѣль котораго разрабатывать совмѣстными усиліями ученыхъ профессоровъ и учащихся у нихъ студентовъ чистое, независимое знаніе, а это возможно только при условіи свободнаго общенія между собой какъ профессоровъ, такъ и студенчества, только при условіи существованія между ними взаимнаго уваженія и довѣрія, основанныхъ на глубокой преданности интересамъ науки.

Ясно, что наука въ университетѣ можетъ правильно развиваться только будучи свободной, т.-е. въ такомъ университетѣ, который самъ управляетъ своими дѣлами, гдѣ профессорская коллегія или корпорація имѣетъ свободное самоуправленіе.

При императорѣ Николаѣ I университетъ переживалъ тяжелое время. Правительство относилось съ недовѣріемъ къ высшему образованію, считало его лишнимъ для людей низшихъ классовъ

общества: это для нихъ ненужная и вредная роскошь. Ученіе должно соотвѣтствовать будущему „предназначенію обучающихся“, избыточное образованіе имѣетъ „вредное вліяніе; поэтому лицамъ низшихъ класовъ не слѣдуетъ открывать доступъ въ высшія учебныя заведенія. Высшее образованіе можетъ получать лишь привилегированное сословіе—дворянство. Но и университетъ для привилегированныхъ подвергался строгой опекѣ со стороны правительства. Правительство устанавливало строгій контроль за преподаваніемъ профессоровъ, чтобы они не проповѣдывали „пагубные плоды западнаго просвѣщенія“.

Какъ и во всемъ остальномъ, такъ и въ наукѣ на первый планъ была поставлена видимость, поставлена была только внѣшность. Университеты какъ будто существовали. Были зданія, отпускались деньги, содержались профессора и обучались студенты. Но, подойдя поближе, мы впереди всего этого видимъ какого-нибудь парадного генерала, не только не спеціалиста въ какой-нибудь наукѣ, но, можетъ-быть, и не слыхавшаго ничего о наукѣ, кромѣ той, которой его обучали, т.-е. науки парадовъ и маршировки. И такой генералъ облекался властью попечителя университета, т.-е. полнаго хозяина въ дѣлѣ университетской науки, которая теряла любого профессора по приказу такого генерала. Но, какъ и вездѣ, надъ генералами были еще генералы: съ 48 года университеты были подчинены военному вѣдомству въ лицѣ генералъ-губернаторовъ. Число студентовъ въ университетѣ установлено въ 300 человѣкъ, а на профессорской каѳедрѣ могли даже появляться въ качествѣ профессора философіи частные пристава, какъ это было въ 30-хъ го-

дахъ въ Харьковскомъ университетѣ. Генералы, конечно, не забывали своей любимой науки — шагистики, и, не находя особой разницы между плацъ-парадомъ и университетской аудиторіей, ввели маршировку для студентовъ. Командировки молодыхъ ученыхъ за границу для усовершенствованія были запрещены. Нѣкоторыя науки, въ томъ числѣ философія, совершенно упразднены, каѳедры опустѣли.

Разумѣется, наука при такихъ условіяхъ была только на бумагѣ. На самомъ же дѣлѣ, какъ говорить офиціальная записка, составленная при министрѣ А. В. Головнинѣ, „научная дѣятельность университетовъ видимо падала; многія каѳедры оставались вакантными; другія замѣщались лицами, не имѣющими ученыхъ степеней".

Съ новымъ царствованіемъ наступила работа „усовершенствованія" государства. Было обращено вниманіе и на убійственно-униженное и задавленное положеніе университетовъ. Крайнія мѣры, какъ, напримѣръ, ограниченіе числа студентовъ тремя сотнями человѣкъ, лишеніе права на заграничныя ученыя командировки и т. п., были отмѣнены. Но довольно долго дальше дѣло не двигалось. Наконецъ студенческіе „безпорядки", вспыхнувшіе изъ-за безтактности петербургскаго попечителя, кавказскаго генерала Филипсона, повели къ закрытію университетовъ, затѣмъ вызвали отставку министра, адмирала Путятина, управленіе котораго Никитенко назвалъ „притупляющимъ", и привели къ назначенію министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнина. Проекты новаго университетскаго устава, составленные еще при Путятинѣ, были пересмотрѣны, дополнены и передѣланы въ главныхъ основахъ

въ особомъ „Строгановскомъ комитетѣ“ и уже потомъ перешли въ Государственный Совѣтъ. Проектъ этотъ вызвалъ много замѣчаній, поступавшихъ отъ ученыхъ и педагоговъ. Замѣчанія эти и до сихъ поръ не утратили своего интереса; за недостаткомъ мѣста мы приведемъ здѣсь только мнѣнія знаменитаго и ученаго педагога, бывшаго кіевскаго попечителя округа, Н. И. Пирогова. Онъ стоялъ за самое широкое самоуправленіе университета, за то, чтобы дать университетамъ настоящую самостоятельность. Кромѣ того, Пироговъ настаивалъ на томъ, чтобы общественное мнѣніе въ университетскихъ дѣлахъ было допущено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и вполнѣ свободно; составляется же общественное мнѣніе или въ ученомъ сословіи, т.-е. среди самихъ профессоровъ, или въ образованной части общества, или между самими учащимися. Затѣмъ Пироговъ указывалъ на отсутствіе тѣснаго духовнаго общенія между нашими университетами, что ведетъ къ упадку научныхъ интересовъ въ университетахъ и въ обществѣ. Поэтому *гласность* въ университетскихъ дѣлахъ и *съѣзды профессоровъ* у насъ, въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимы. Не менѣе необходима въ такой малокультурной странѣ и *возможная близость науки для народа* вообще, т.-е. для всѣхъ классовъ населенія. Для успѣшности же всего университетскаго дѣла необходима свобода преподаванія и обученія. 18 іюня 63 года новый университетскій уставъ былъ утвержденъ государемъ.

Новый уставъ во многихъ отношеніяхъ значительно измѣнилъ положеніе университетовъ къ лучшему.

По новому уставу 63 г. профессура университетовъ получала права автономіи: вся дѣятельность университета и руководительство внутреннимъ строемъ его отходили къ совѣту профессоровъ, съ выборнымъ (на 4 года) ректоромъ во главѣ. Факультеты были учеными органами совѣта; хозяйственныя и административныя дѣла вѣдало правленіе; ректоръ получалъ право исполнительной и распорядительной власти. Однимъ изъ важныхъ правъ совѣта, вліявшихъ на постановку научно-преподавательской дѣятельности университета, было права выбора профессоровъ на освобождавшіяся каѳедры, утвержденіе ученыхъ степеней и право измѣнять внутренніе учебные распорядки факультетовъ. Совершенно новымъ учрежденіемъ по уставу 63 г. явился университетскій судъ профессорскихъ комиссій надъ студентами по дисциплинарныхъ дѣламъ, т.-е. по проступкамъ студентовъ противъ правилъ академической жизни. Въ числѣ трехъ судей одинъ долженъ былъ быть непремѣнно юристомъ. Надзоръ за поведеніемъ студентовъ поручался по новому уставу выборному (на 3 г.) отъ совѣта проректору или инспектору студентовъ изъ числа старшихъ чиновниковъ.

Если по новому уставу коллегія профессоровъ получила въ университетахъ право самоуправленія, то студенчество выиграло только въ лучшей, противъ прежняго, постановкѣ учебнаго дѣла.

Студенчество разсматривалось новымъ уставомъ не какъ живая часть университета, имѣющая такія же права на сложную внутреннюю жизнь и на самоуправленіе, какъ профессора, а просто какъ отдѣльные посѣтители университета. Права общенія, права организацій, круж-

ковъ, собранiй уставомъ не допускались. На дѣлѣ, конечно, жизнь студенчества пошла иначе.

Наконецъ вопросъ о допущенiи женщинъ въ университетъ, несмотря на положительныя мнѣнiя, высказанныя совѣтами 4-хъ университетовъ, по новому уставу былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Уставъ 63 г. просуществовалъ 21 г. Черезъ 16 лѣтъ послѣ его введенiя, въ 1879 г., по проекту гр. М. Т. Лорисъ-Меликова въ университетахъ была введена „инспекцiя", чины которой, въ лицѣ субъ-инспекторовъ и полуграмотныхъ „педелей", обязаны были всѣми способами слѣдить за студентами, за ихъ поведенiемъ и особенно за ихъ „образомъ мыслей". Власть инспектора (уже не выбраннаго, а назначеннаго попечителемъ) сильно возросла: напримѣръ, стипендiи недостаточнымъ студентамъ присуждались инспекторомъ, который старался выбирать стипендiатами не бѣдняковъ, а такихъ студентовъ, отъ которыхъ можно было разсчитывать на полученiе свѣдѣнiй объ образѣ жизни ихъ товарищей.

Чѣмъ дальше ширилась борьба студенчества за осуществленiе идеаловъ свободы, сначала академической, а затѣмъ и политической, тѣмъ натискъ реакцiи на университетскую автономiю становился рѣшительнѣе. Уже въ началѣ 70 годовъ правительство заговорило о новомъ университетскомъ уставѣ, стало вырабатывать проекты, созывать совѣщанiя при Министерствѣ, разсылать проекты новаго устава на заключенiе совѣтовъ университетовъ и т. д. Наконецъ въ 1884 г., черезъ три года по восшествiи на престолъ императора Александра III, былъ утвержденъ и вве-

денъ новый уставъ, по которому автономія профессорскихъ коллегій была отнята, профессора и ректоръ сдѣланы чиновниками, которыхъ назначаетъ министръ нар. просв.; борьба со студенчествомъ достигла скоро неслыханныхъ размѣровъ, вызывая рядъ почти не прекращавшихся студенческихъ волненій. Научное и моральное значеніе профессуры сильно понизилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ упало и образовательное значеніе университетовъ.

28 августа 1905 г. Высочайшимъ указомъ введены были снова автономныя начала въ строй высшей школы, а за послѣднее время на очереди выработанный Министерствомъ Нар. Просв. проектъ новаго университетскаго устава, главныя положенія котораго грозятъ во многомъ ухудшить строй университетовъ даже сравнительно съ уставомъ 1884 года.

ГЛАВА IX.

Финансовая реформа.

Изъ всего законодательства 60-хъ годовъ не только уцѣлѣвшей, но и получившей дальнѣйшее развитіе реформой оказалась финансовая реформа 60-хъ годовъ.

Какъ уже мы знаемъ, государственная роспись доходовъ и расходовъ, во-первыхъ, не опубликовывалась во всеобщее свѣдѣніе, а во-вторыхъ, не считалась обязательной къ исполненію.

Такой порядокъ привелъ, какъ мы видѣли въ общемъ очеркѣ дореформеннаго быта, къ тому, что ни одно государство, не зная ни доходовъ ни расходовъ Россіи, не могло согласиться дать ей денегъ взаймы, нужныхъ на веденіе Крымской войны. Не имѣя кредита за границей, Россія была вынуждена, такимъ образомъ, покрывать свои военныя издержки выпускомъ бумажныхъ денегъ. Средства свои государство вынуждено было тратить самымъ невыгоднымъ образомъ. Въ 57 году изъ 285 милліоновъ руб. дохода только 41 милліонъ могъ пойти на насущныя нужды и расходы государства. Все же остальное пришлось потратить на платежи по займамъ (100 милліоновъ) и на Морское и Военное Министерства (117 милліоновъ).

При такихъ условіяхъ и при отсутствіи заграничнаго кредита государство было близко къ

банкротству. Необходимо было прежде всего получить кредитъ за границей, затѣмъ исправить раскладку податей (податную систему), которая основывалась при крѣпостномъ правѣ исключительно на обремененіи крестьянскаго населенія питейнымъ откупомъ и подушными сборами; наконецъ, установить точную провѣрку расходовъ или установить такъ называемый контроль. Въ 59 году для разработки необходимыхъ финансовыхъ реформъ были образованы 2 комиссіи. Одной комиссіи было поручено составить правила о порядкѣ счетоводства, отчетности и ревизіи государственныхъ финансовъ, а другой пересмотрѣть правила о податяхъ и сборахъ. Финансовые порядки въ дореформенное время были сплошной путаницей, въ которой ничего нельзя было ни разобрать, ни разсчитать заранѣе, ни выяснить. Каждое вѣдомство имѣло свои отдѣльные бюджеты не только по расходу, но и по доходу. Общая государственная „роспись" всѣхъ доходовъ и расходовъ или смѣта по государству составлялась въ величайшей тайнѣ; строго придерживаться такой росписи никто не былъ обязанъ. Такимъ образомъ суммы переходили изъ одного вѣдомства въ другое по „усмотрѣнію" этихъ вѣдомствъ. Государственная отчетность поэтому и не могла никогда быть точно установлена и выполнена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доходы и расходы свободно ускользали изъ-подъ учета или контроля.

Всѣ эти огромные недостатки нашей финансовой системы приводили къ самому неосмотрительному, неэкономному, вѣрнѣе, расточительному расходованію народныхъ денегъ, собранныхъ притомъ исключительно почти съ самой бѣдной части населенія государства, — съ крестьянства.

Комиссія 59 года выработала цѣлый рядъ вполнѣ разумныхъ и неотложныхъ правилъ, въ разное время, но очень послѣдовательно ставшихъ закономъ.

Самыми важными изъ этихъ новыхъ финансовыхъ законовъ были законы, установившіе такъ называемое *единство* государственной кассы и опубликованіе въ самомъ началѣ года общей государственной росписи доходовъ и расходовъ.

По первому изъ этихъ законовъ всѣ доходы государства стали поступать не въ кассы отдѣльныхъ вѣдомствъ, а исключительно въ кассы Министерства Финансовъ. Такимъ образомъ исключалась возможность спутывать и перемѣшать суммы доходовъ и расходовъ и становилось удобнымъ провѣрять, контролировать дѣятельность кассъ.

Въ 64 году были открыты новыя мѣстныя (для каждаго города) учрежденія государственнаго контроля, такъ называемыя контрольныя палаты, черезъ которыя стали проходить всѣ счета и оправдательные документы къ нимъ, представляемые различными мѣстными государственными учрежденіями. Двумя годами ранѣе, въ 62 году, строжайшая тайна, подъ которой въ теченіе многихъ вѣковъ устанавливались государственныя смѣты доходовъ и расходовъ, была, наконецъ, нарушена. Тайна эта, т.-е. полная неизвѣстность государственной росписи доходовъ и расходовъ, привела къ полной потерѣ общественнаго довѣрія къ русскимъ финансамъ какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей. Правительство рѣшило замѣнить тайну возможно полной откровенностью, и вотъ съ 62 года государственная роспись становится доступной для критическихъ выводовъ и соображеній каждаго интересующагося, — ее рѣ-

шили ежегодно опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе. Съ 66 года къ этому важному измѣненію въ нашихъ финансовыхъ распорядкахъ прибавляется еще и опубликованіе отчетовъ государственнаго контроля.

Съ введеніемъ этихъ реформъ и въ Россіи и за границей стало изъ года въ годъ извѣстно, въ главныхъ чертахъ, состояніе нашихъ финансовъ, что отразилось на нихъ очень значительно, такъ какъ прежде всего открывало Россіи кредитъ.

Но если комиссія, разработавшая обѣ описанныя реформы, внесла ими значительныя перемѣны въ нашей финансовой системѣ, то другая комиссія, работавшая надъ необходимыми измѣненіями въ дѣйствовавшей податной системѣ, не могла похвастаться такими же успѣхами. Не такъ-то легко было значительно измѣнить что-нибудь на пользу государства и въ облегченіе народа въ податной системѣ, т.-е. въ тѣхъ законахъ, правилахъ и порядкахъ, которые были установлены и вошли въ практику для взиманія податей, налоговъ и повинностей. Податные законы, правила и порядки самымъ тѣснымъ образомъ связаны со всѣми сторонами общественной и государственной жизни. А вся русская жизнь, всѣ „уклады" ея, весь ея строй находился въ описываемое время въ самомъ переходномъ состояніи. Вполнѣ понятно, что при этомъ условіи никакая комиссія, при всемъ своемъ желаніи даже, не могла провести въ жизнь никакихъ значительныхъ, крупныхъ и полезныхъ перемѣнъ въ податной системѣ.

Вся тяжесть налоговъ и податей ложилась исключительно на самую бѣдную часть населенія, которая и оплачивала почти весь государ-

ственный бюджетъ, такъ какъ именно эта бѣднѣйшая часть населенія платила подушную подать, налогъ на соль и т. п. и страдала отъ системы откуповъ. По этой системѣ правительство отдавало за извѣстную сумму какому - нибудь лицу право на взысканіе причитавшихся съ населенія платежей или, какъ говорили, отдавало на откупъ извѣстной мѣстности свои доходы.

Система откуповъ, соединенная съ самымъ безграничнымъ произволомъ, насиліемъ и обнищаніемъ населенія, процвѣтала, однако, у насъ преблагополучно до 1 января 63 года, когда была прекращена и замѣнена казеннымъ налогомъ, — питейнымъ акцизомъ, — отдача на откупъ питейнаго сбора, „составлявшая страшную язву дореформеннаго строя, развращавшая одинаково какъ населеніе, такъ и администрацію". Одинъ же изъ самыхъ тягостныхъ налоговъ „на предметъ первой необходимости" — на соль, былъ отмѣненъ, однако, только черезъ 17 лѣтъ, въ 1880 году.

Несмотря на улучшеніе въ финансовыхъ порядкахъ, въ теченіе почти всего царствованія Александра II государственный бюджетъ нашъ сводился съ дефицитомъ, т.-е. приходилось расходовать больше, чѣмъ хватало средствъ по росписи доходовъ и расходовъ. Недохватку приходилось покрывать, конечно, разными займами, выпускомъ бумажныхъ денегъ, притомъ безъ обязательства во всякій моментъ обмѣнять ихъ на золото, и т. п. Объясняется это явленіе неотложной потребностью громадныхъ расходовъ въ различныхъ, самыхъ крупныхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства. На первомъ планѣ среди такихъ огромныхъ неотложныхъ расходовъ стали расходы на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ; въ

царствованіе Александра II ихъ построено 20.000 верстъ, что обошлось въ милліардъ рублей. Около $^1/_2$ милліарда пришлось потратить на крестьянскую реформу, т.-е. на выкупъ помѣщичьихъ земель.

Кромѣ того, были экстренные расходы на войны. Такъ, напр., кампанія 77 года вынудила правительство выпустить бумажныхъ денегъ (кредитные билеты) на 1.146 милліоновъ, а обмѣнъ ихъ обезпечивался всего на 176,8 милліоновъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и полезные расходы: такъ, на народное просвѣщеніе въ концѣ царствованія Александра II тратилось уже въ шесть разъ больше, чѣмъ въ 55 году; расходы же на армію и флотъ за то же время увеличились всего въ два раза.

Очень важныя послѣдствія для государственнаго хозяйства принесла съ собою передача въ завѣдываніе мѣстнаго самоуправленія, т.-е. земствъ и городовъ, многихъ общественныхъ нуждъ и потребностей.

Финансовая реформа 60-хъ годовъ была единственной, которой не пришлось, подобно всѣмъ остальнымъ, пятиться назадъ подъ напоромъ все возраставшаго недовѣрія правительства къ общественнымъ и народнымъ силамъ: ей суждено было еще получить съ теченіемъ времени дальнѣйшее развитіе. Исторія финансоваго законодательства слѣдующихъ двухъ царствованій говорить о настойчивыхъ усиліяхъ правительства добиться прочнаго перевѣса доходовъ надъ расходами, установленія правильнаго обмѣна бумажныхъ денегъ на золото; объ упорныхъ стараніяхъ обезпечить устойчивость курса нашей монетной единицы — рубля, наконецъ, объ удачномъ рѣшеніи давно поставленной задачи — установить

счетъ на золотую монету. Улучшая такимъ образомъ денежное хозяйство, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ стремилось къ упорядоченію податной системы посредствомъ болѣе справедливаго распредѣленія налоговъ, соотвѣтственно дѣйствительной возможности плательщиковъ платить эти налоги. Въ этихъ цѣляхъ постепенно понижались выкупные платежи, лежавшіе на крестьянахъ, и постепенно отмѣнена подушная подать (указомъ 14 мая 83 года). Одновременно къ платежамъ налоговъ привлекались остальныя, такъ называемыя неподатныя сословія, т.-е. болѣе равномѣрно стали распредѣляться налоги: установленъ налогъ съ наслѣдствъ и дареній: дополнительные сборы съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній: установленъ налогъ, на денежные капиталы и т. п. Этими мѣрами хотя и слабо, но намѣчался уже путь къ самому справедливому способу обложенія налогомъ населенія, именно къ введенію подоходнаго налога, взимаемаго по правилу: чѣмъ ты богаче, тѣмъ больше долженъ уплачивать со своего имущества въ пользу государства. Кромѣ того, правительство стало стремиться къ увеличенію запасовъ золота въ государственномъ банкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ за истекшее 40-лѣтіе все возрастающія стремленія правительства искусственно поддерживать и развивать торгово - промышленную дѣятельность. Эта поддержка или, какъ принято называть, „покровительство", достигалось, главнымъ образомъ, двумя путями: съ одной стороны, ввозъ иностранныхъ товаровъ затруднялся тѣмъ, что они облагались чрезмѣрно высокими пошлинами, такъ что заграничный товаръ становилось невыгодно покупать по очень высокой цѣнѣ, а приходилось покупать

хотя похуже товаръ, но подешевле, нашего русскаго производства; съ другой стороны, выдавались нашимъ фабрикантамъ и предпринимателямъ всяческія пособія, оказывались ссуды, разсрочки платежей и т. п. льготы. Самымъ печальнымъ здѣсь было то, что, кромѣ разныхъ раздутыхъ, не вызывающихся необходимостью заказовъ, пособій, ссудъ и т. п., правительство съ особеннымъ вниманіемъ относилось только къ выгодамъ торгово-промышленниковъ и фабрикантовъ, интересы же и нужды милліонной арміи рабочихъ старательно замалчивало и совершенно съ ними не считалось. Рабочіе жили въ ужасныхъ условіяхъ, гибли тысячами вслѣдствіе небрежности, скупости фабрикантовъ, отъ болѣзней безъ всякой медицинской помощи, отдавая тяжелому изнурительному труду всѣ силы, ежеминутно подвергаясь опасности быть искалѣченными и выброшенными на улицу. Но всякая попытка рабочихъ заявить о своихъ нуждахъ сейчасъ же преслѣдовалась, какъ бунтъ, посылались войска, а фабриканты чувствовали себя вполнѣ свободными отъ всякой отвѣтственности и отъ всякой необходимости улучшить что-либо въ положеніи и бытѣ своихъ рабочихъ, такъ какъ знали, что на ихъ сторонѣ и правительство и „покровительственные" законы. Только за самое послѣднее время, послѣ массовыхъ забастовокъ и „рабочихъ движеній", рабочимъ удалось обратить на себя вниманіе законодательства. Но и тѣ немногіе законы, въ которыхъ говорится о правилахъ „огражденія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ" и о „страхованіи рабочихъ" на случаи увѣчья и смерти, далеки отъ такихъ законовъ, которые на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ защищали бы интересы рабочихъ.

Вмѣсто заключенія.

Бросимъ теперь общій бѣглый взглядъ на истекающее въ будущемъ году 50-лѣтіе со времени великихъ реформъ и попытаемся въ нѣсколькихъ словахъ дать этому времени оцѣнку по отношенію къ реформамъ 60-хъ годовъ.

Прежде всего мы должны припомнить, что многое въ реформахъ императора Александра II не доведено до конца съ той полнотой и рѣшимостью, которыхъ требовало тягостное и приниженное состояніе Россіи послѣ Крымской кампаніи. Подъ вліяніемъ запугиваній и злостныхъ пророчествъ крѣпостнической партіи правительство поколебалось. Изъ членовъ правительства, участвовавшихъ въ дѣлѣ реформъ, самые видные и стойкіе дѣятели принуждены были передать завѣтное дѣло въ руки такихъ людей, какъ Валуевъ. Крѣпостническая партія не пропустила желанной минуты и сумѣла вложить палки во всѣ ненавистныя ей колеса государственнаго обновленія. Такимъ образомъ однѣ изъ важнѣйшихъ реформъ, какъ крестьянская, были подъ конецъ, несмотря на всѣ усилія друзей дѣйствительнаго освобожденія, скомканы, и многіе важнѣйшіе вопросы получили рѣшеніе далеко не удовлетворительное, ложившееся тяжелымъ гнетомъ на крестьянское населеніе и все государ-

ство; другія, какъ земская реформа, были уже урѣзаны еще до своего появленія на свѣтъ. Да и въ томъ даже видѣ, въ какомъ имъ пришлось войти въ жизнь, настолько шли въ разрѣзъ по самой своей основной мысли,—самоуправленію,—съ общимъ строемъ государства, что не могли продержаться болѣе одного десятка лѣтъ и были замѣнены, какъ мы знаемъ, новымъ закономъ 90 года, цѣлью котораго является если не совершенное уничтоженіе духа самоуправленія въ земствѣ, то полное его обезсиленіе путемъ подчиненія назойливому и мелочному надзору администраціи. Третьи, какъ Высочайшій указъ о цензурѣ 6 апрѣля 65 года, не давая окончательнаго рѣшенія вопросу, а предлагая печати возможныя облегченія и удобства... впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, останавливались въ нерѣшительности передъ окончательнымъ шагомъ и тѣмъ дали возможность подозрительной администраціи и недовѣрчивому къ силамъ общества правительству быстро свести на нѣтъ временныя „облегченія и удобства“, а затѣмъ открыли полный просторъ произволу; наконецъ, четвертыя, какъ Судебные Уставы 64 года, врѣзываясь стройными рядами въ жизнь, немедленно подчеркивали рѣзкое, бьющее въ глаза несоотвѣтствіе вносимыхъ съ собой гуманности, права и закона съ темнымъ царствомъ произвола и безправія, повсюду отравлявшихъ жизнь, повсюду давившихъ людей, повсюду попиравшихъ то самое право, тотъ самый законъ, поддерживать и охранять которые призывалъ новый судъ самъ законодатель.

Понятно, что правительству надо было выбирать одно изъ двухъ: или прилаживать жизнь подъ понятія права и закона, впервые строго и

властно зазвучавшихъ въ новыхъ судахъ, или подгонять самое право и самый законъ подъ господствовавшія условія жизни.

Для того, чтобы согласовать условія жизни съ требованіями права и законовъ, „для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ“, необходимо было подвести подъ стройное зданіе Судебныхъ Уставовъ и не всегда стройныя постройки другихъ реформъ прочный фундаментъ: необходимо было *обезпечить* за русскимъ народомъ *основныя политическія права*: отвѣтственность правительства передъ представителями народа, равенство всѣхъ предъ закономъ, свободу слова, свободу печати, свободу совѣсти, свободу собраній и союзовъ, стачекъ, личную неприкосновенность, равно какъ и неприкосновенность жилища. Но этого, необходимаго для дальнѣйшаго правильнаго роста государства фундамента не было подведено подъ сооруженія реформъ. И потому, ограниченное въ правахъ и не обезпеченное въ исполненіи обязанностей передъ народомъ и государствомъ, общество не могло докончить неоконченнаго дѣла, а правительство рѣшило очень скоро приступить къ неблагодарной работѣ подлаживанія реформъ подъ оставшіяся прежними, т.-е. безправными, политическія условія жизни нашей родины. За 50 почти лѣтъ эта вначалѣ нерѣшительная, какъ будто несмѣлая работа разрушенія реформъ Александра II, все болѣе разрасталась, все болѣе смѣлѣла, и подъ конецъ 40-лѣтія открыто рѣшила свалить въ вырытую за все это время яму такіе реформы, какъ законодательство 60-хъ годовъ, Судебные Уставы Александра II и земское самоуправленіе. Еще значительно раньше рѣшено

было приняться за „новыхъ свободныхъ гражданъ“, освобожденныхъ отъ крѣпостного безправія крестьянъ, — и вотъ мы видимъ, какъ единодушно отвергнутыя въ свое время всѣми честными и сознательными людьми мечты крѣпостниковъ о сохраненіи власти за помѣщиками получаютъ осуществленіе въ законѣ 89 года о земскихъ начальникахъ, которымъ новый законъ, какъ мы видимъ, присвоилъ тѣ самыя административныя и судебныя права, о которыхъ такъ тщетно въ 57 году хлопотали крѣпостники.

Изъ всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ до нашихъ дней дошелъ неискаженнымъ только Уставъ о воинской повинности, а дальнѣйшее развитіе получила только финансовая реформа. Уставъ о воинской повинности оказался такимъ законодательнымъ актомъ, который, нарушивъ однажды неравенство сословій и привилегій, преимуществъ, не могъ уже быть измѣненъ въ обратную сторону, такъ какъ выгоды, принесенныя имъ для арміи оказались такими, которыя перевѣсили всякія иныя соображенія. Реформа же финансовъ удержалась и даже въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ получила дальнѣйшее развитіе въ силу простого и очевиднаго вывода, что безъ этихъ мѣръ государству грозила полная потеря кредита, а съ тѣмъ вмѣстѣ и естественное послѣдствіе такой потери—банкротство. Но законодательство истекающаго 50-лѣтія совершенно забыло, повидимому, о томъ, что сила государства не въ одной арміи, а финансовое процвѣтаніе страны состоитъ не въ одномъ превышеніи доходовъ надъ расходами, достигнутомъ всевозможными искусственными средствами.

И вотъ, черезъ 55 лѣтъ послѣ Крымской кампаніи наша родина оказалась передъ тѣми же дверями, въ которыя такъ настойчиво стучали лучшіе люди „эпохи великихъ реформъ". Тѣ же самые основные вопросы оздоровленія жизни государства стоятъ снова на очереди, за исключеніемъ крестьянскаго крѣпостного состоянія. Но реформы Александра II, несмотря на свою незаконченность и неустойчивость, несмотря на всѣ препятствія къ ихъ естественному развитію, которыя ставило имъ позднѣйшее законодательство,—все же проложили широкую дорогу для сознанія своихъ потребностей и своихъ правъ какъ въ народѣ, такъ въ особенности въ обществѣ. Именно: основные вопросы, основныя нужды государства выяснились при помощи общественнаго самоуправленія, которое, конечно, нигдѣ не могло оставаться только въ кругу своихъ мѣстныхъ интересовъ, а неизбѣжно сталкивалось съ вопросами общегосударственнаго значенія. Самоуправленіе такимъ образомъ воспитывало въ обществѣ и отчасти въ народѣ правосознаніе и тѣмъ расчищало путь къ той *общей* реформѣ государственнаго строя, при которой только и возможно осуществить во всей необходимой полнотѣ начатыя при Александрѣ II частичныя, по разнымъ отдѣламъ государственнаго управленія реформы, шедшія навстрѣчу потребностямъ и правамъ общества и народа.

Просматривая истекающее 50-лѣтіе, становится совершенно несомнѣннымъ, что широко задуманныя реформы Александра II не были осуществлены въ полной ихъ мѣрѣ, а при проведеніи ихъ въ жизнь неизмѣнно искажались въ сторону большаго произвола. Одной причиной было безправіе

общества и народа, а другой—могущество и безконтрольность бюрократіи, т.-е. чиновничества. Шесть лѣтъ тому назадъ слѣпое всевластіе послѣдняго привело къ печальной памяти войнѣ. Тяжкія пораженія, понесенныя Россіей, показали всѣмъ и каждому, какъ дорого обходится народу его безправіе. Дальнѣйшія событія привели къ перелому въ странѣ государственной жизни и управленія. Законодательство манифестомъ 17 октября 1905 года передано было въ руки народныхъ представителей. И если и черезъ 5 лѣтъ послѣ этого Россія все еще принуждена ждать дѣйствительнаго обновленія всѣхъ сторонъ своей государственной жизни, то это едва ли не слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что окончательный переходъ къ новому, правовому строю всегда и всюду сопровождался упорной борьбой отживающаго стараго съ нарождающимся новымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Общій очеркъ дореформенной Россіи 5
Глава I. Крестьянская реформа 11
Глава II. Судебная реформа 72
Мировые судьи 97
Глава III. Земство и городское самоуправленіе 105
Организація земскихъ учрежденій по закону 1864 г. 115
Городское самоуправленіе 125
Глава IV. Всеобщая воинская повинность 131
Глава V. Отмѣна тѣлеснаго наказанія 145
Глава VI. Цензура и ея реформа 153
Глава VII. Реформа народнаго образованія 168
Глава VIII. Университетская реформа 179
Глава IX. Финансовая реформа 186
Вмѣсто заключенія 194

